NORWEGIAN JOURNAL OF DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL SCIENCE

№30/2019

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.2

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal "Norwegian Journal of development of the International Science" is issued 12 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: http://www.njd-iscience.com

CONTENT

ARCHITECTURE

BIOLOGICAL SCIENCES

EARTH SCIENCES

HISTORICAL SCIENCES

JURISPRUDENCE

PEDAGOGICAL SCIENCES

PHILOLOGICAL SCIENCES

PHILOSOPHICAL SCIENCES

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

ARCHITECTURE

EFFECTS OF ORGANIC FINISH ON THE THERMAL CONDUCTIVITY AND STRENGTH OF ADOBE ON YEMENI AND SOUTH SYCHEVSK CLAY

Alhaddad A.
Postgraduate Student, South Ural State University, c.Chelyabinsk
Alla Saeed A.
Postgraduate Student, South Ural State University, c.Chelyabinsk

ВЛИЯНИЯ ОРГАНИЧЕСКОЙ ДОВОКОЙ НА ТЕПЛОПРОВОДНОСТЬ И ПРОЧНОСТЬ САМАНА НА ЙЕМЕНСКОЙ И ЮЖНО - СЫЧЕВСКОЙ ГЛИНЫ

Аль Хаддад А.О.
Аспирант, Южно-Уральский Государственный Университет, г.Челябмнск
Алла Саид А.
Аспирант, Южно-Уральский Государственный Университет, г.Челябмнск

Abstract

The method of obtaining the optimal composition of adobe based on mathematical planning of the experiment is considered. As variable factors, the cost of the organic component and the exfoliator-quartz sand. The following were used as responses: thermal conductivity, compressive and flexural strength, density, humidity and shrinkage in the dried state.

Testing of the components of the adobe based on real data obtained in the laboratory. Mathematical models of changes in the properties of adobe depending on the ratio of components: clay, straw, sand and water are obtained.

Developed compositions of adobe to determine the coefficient of thermal conductivity, the ratio of compressive strength and bending, and use in the base and lightweight for construction of the upper part of the walls.

Аннотация

Рассматривается метод получения оптимального состава самана на основе математического планирования эксперимента. В качестве переменных факторов выбраны расходы органического компонента и отощителя-кварцевого песка. В качестве откликов использовали : Теплопроводность, прочность при сжатии и изгибе, плотность, влажность и усадки в высушенном состоянии.

Проведены испытания компонентов самана на основе реальных данных, полученных в лаборатории. Получены математические модели изменения свойств самана в зависимости от соотношения компонентов: глины, соломки, песка и воды.

Разработаны составы саманов для определения коэффициент теплопроводности соотношение прочности сжатие и изгиба, и использования в цоколе и облегченные для строительства верхней части стен.

Keywords: thermal conductivity, optimal components of adobe, experiment planning matrix, mathematical composition-properties models.

Ключевые слова: Теплопроводность, оптимальные компоненты самана, матрица планирования эксперимента, математические модели состав-свойства.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях жаркого климата республики Йемен широко используются строительные безобжиговые материалы на основе глинистых пород[1,2]. Строительство домов из глины представляется важным, поскольку глина обладает низкой теплопроводностью, кроме того, дома из глины дешевле и экологически безопаснее для людей[3]. Средние температуры в некоторых районах летом достигают 45 ºС, а влажность достигает 67 % .

Жилищное строительство в городах Йемена базируется в значительной степени на использовании местных традиционных строительных материалов. Кроме этого, покрытие глиняных стен известью имеет функциональное предназначение – защита от воздействия внешней среды. Красота и функциональное предназначение взаимно связаны между собой, что придает своеобразие Йеменской архитектуре[4].

Показаны дома в старом городе Сана, Шибам Хадрамаут, которые являются одними из древнейших городов мира было построена 600 лет назад. Теплоизоляция зависит главным образом от недостаточной плотности глины и наличия заполненных воздухом промежутков между ее частицами. Этот воздух отвечает за теплоизоляцию, потому что теплопроводность воздуха слабая. Глина остается свободной от тепла, пока она не касается влаги[5]. Чтобы избежать этой проблемы, стены саманных домов должны быть защищены от влаги и от дожди, и для этого использовается известью лдя штукатурке стен. Теплопроводность глины составляет около 0,34.

Цель работы:

В этом исследовании рассматривается технология получения оптимального состава при использование математического моделирования лдя получение самана с повышенной несущей способности зданий с низким теплопроводности и облегчённых для возведения стен.

Материалы и методы исследование

В исследовании использовали:

- Йеменскую глину: – с месторождения Лахдж; содержит 59,6 % монтмориллонита ,11,9% каолинита.
- Глину Южно-Сычевского месторождения,в которой 27,8 %.монтмориллонита ,29,6% каолинита.
- Песок кварцевый Белоносовского месторождения Мк-2,5
- Пшеничную солому резаную, длина отрезков 3-5см ,

Проведение исследования:

Для проведения испытаний были изготовлены 27 образцов размерами 4×4× 16 см.

Образцы сушили при комнатной температуре первые 2 суток и далее при 450С в сушильном шкафу до постоянной масс и далее проводили испытание физико-механических свойств самана.

При испытании образцов самана определили прочность при R сжатии и изгибе, массу образцов, плотность, влажность и. усадки.

Для проведения исследования использовали 2хфакторный метод планирования эксперимента. Табл.1,2.

Результаты исследования:

Таблица 1.

Результаты испытаний влияния добавок на фактор теплопроводность и прочность на Йеменской глин

Об-разец№	Песок x		Солома, y		Отклики					
	код	масса	кг/см^3 код	масса	Плот-ность p	Прочность $R_{Мпа}$		Теплопро-водность, λ	Усадка , у	Влаж-ность, W°
						изг	сжт			
		%		гр	кг/см^3			ВТ(М.К)	%	%
1	-1	10	-1	20	1.047	1.73	4.10	0.3498	8.3	10.2
2	-1	10	0	30	0.989	1.92	4.00	0.3257	9.4	11.0
3	-1	10	+1	40	0.945	2.05	3.80	0.2932	9.9	11.7
4	+1	30	-1	20	1.118	1.88	5.10	0.4176	8.2	9.94
5	+1	30	0	30	0.997	1.98	4.75	0.4053	9.1	9.79
6	+1	30	+1	40	0.952	2.13	4.35	0.3975	9.5	10.3
7	0	20	-1	20	1.094	1.85	4.75	0.3794	8.9	9.98
8	0	20	0	30	0.991	1.94	4.55	0.3534	9.6	9.88
9	0	20	+1	40	0.949	2.03	4.20	0.3463	9.7	11.5

<u>Глина</u> (0,450кг) <u>Песок</u> <u>Солома</u>
+1 = 30 % 40 гр
0 = 20 % 30 гр
-1 = 10 % 20 гр

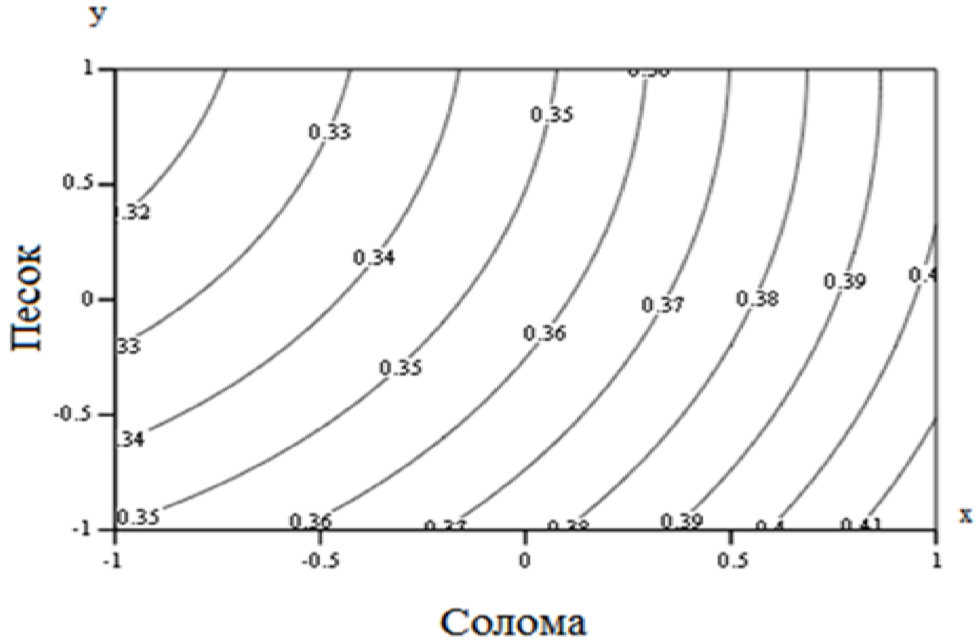


Рис.1. Влияние количества заполнителей на Теплопроводности ВТ/М.С Самана от Йеменской – глины

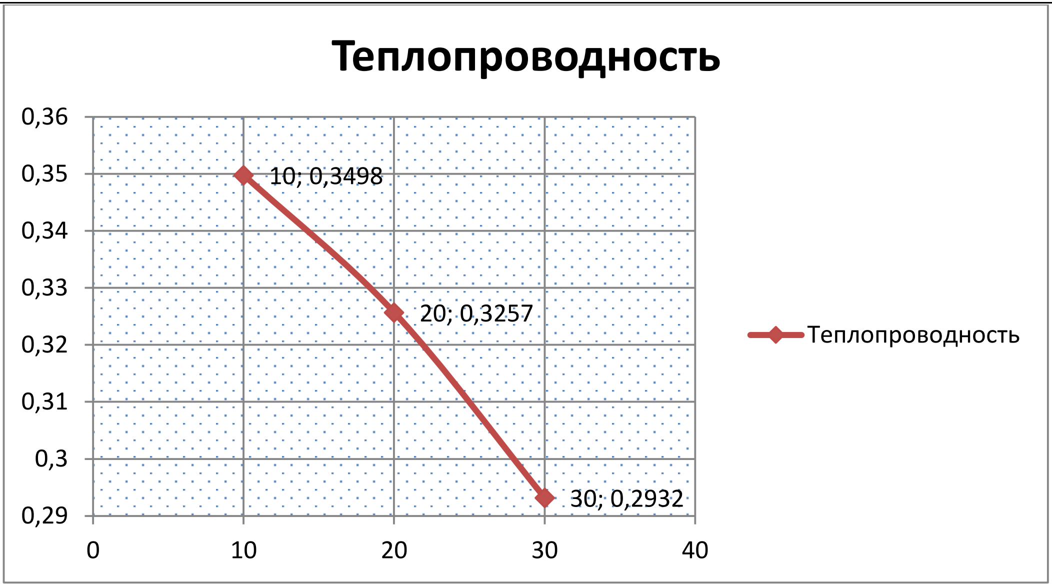


Рис.2. График влияние количества заполнителей на теплопроводности ВТ/М.С Самана от Йеменской - глины

Таблица 2.

Результаты испытаний влияния добавок на фактор теплопроводность и прочность на Южно-Сычевской глины

ОБРАЗЕЦ №.	ПЕСОК, X		СОЛОМА, Y		ОТКЛИКИ					
	КОД	МАССА	КОД	МАССА	ПЛОТНОСТЬ, *P*	ПРОЧНОСТЬ, $R_{МПА}$		ТЕПЛОПРОВОДНОСТЬ, Λ	УСАДКА, У	ВЛАЖНОСТЬ, W°
						ИЗГ	СЖТ			
		%		ГР	КГ/СМ^3			ВТ(М.К)	%	%
1	-1	10	-1	20	1.016	1.95	5.40	0.4202	8.1	9.7
2	-1	10	0	30	0.992	1.85	5.20	0.4157	8.9	10.4
3	-1	10	+1	40	0.934	2.07	4.85	0.3973	9.1	10.8
4	+1	30	-1	20	1.098	1.95	5.70	0.4803	7.7	9.2
5	+1	30	0	30	0.984	2.05	5.30	0.4741	8.0	9.8
6	+1	30	+1	40	0.944	2.28	5.10	0.4437	8.7	10.2
7	0	20	-1	20	1.074	1.90	5.70	0.4342	7.9	9.7
8	0	20	0	30	0.988	2.00	5.15	0.4239	8.4	9.7
9	0	20	+1	40	0.953	2.12	4.60	0.3951	8.9	10.4

Глина (0,450кг) Песок Солома
+1 = 30 % 40 гр
0 = 20 % 30 гр
-1 = 10 % 20 гр

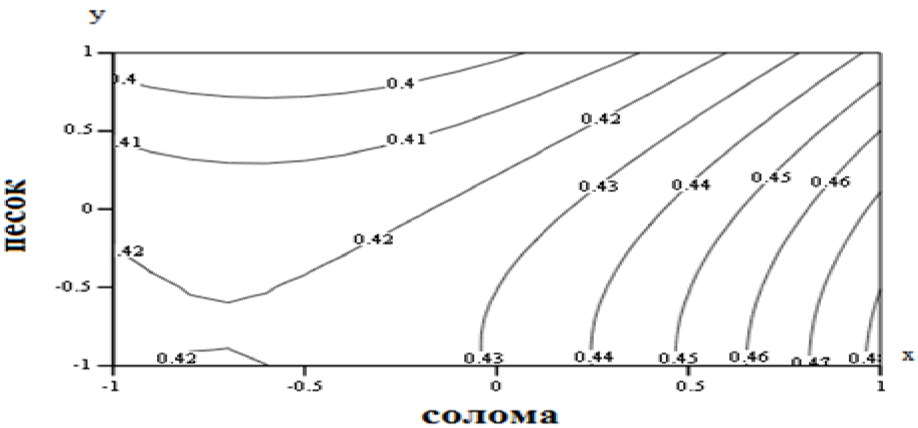


Рис.3. Влияние количества заполнителей на Теплопроводности ВТ/М.С Самана от Южно-Сычевской глины

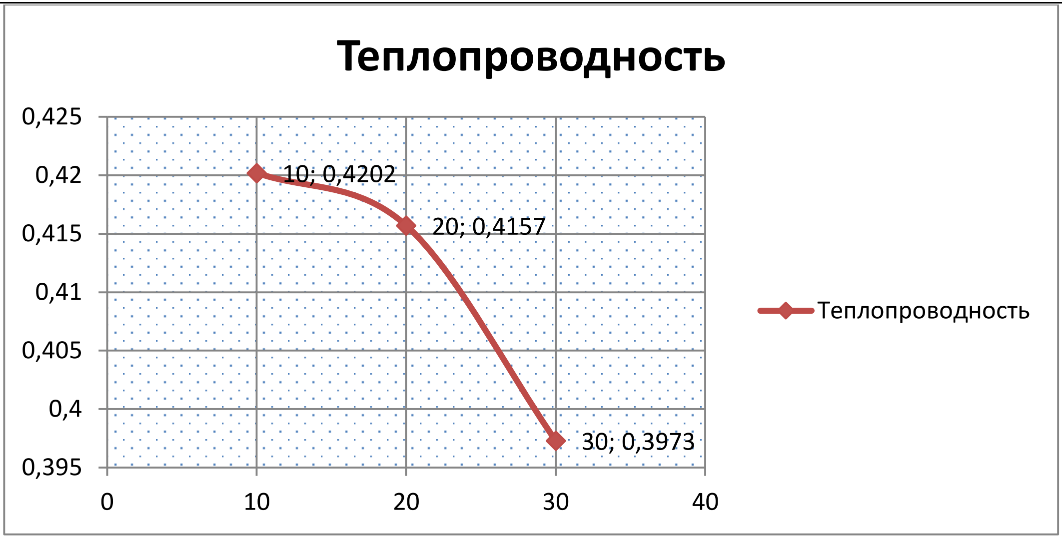


Рис.4. График влияние количества заполнителей на теплопроводности ВТ/М.С Самана от Южно-Сычевской глины

Заключение

Наименее теплопроводность самана достигается при использовании йеменскую глину с повышением содержания монтмориллонита, который при увлажнение повышает объем до 10 раз, что спасобостивает повышение пористости самана.

Все образцы самана, изготовленные из наибольше количество органической доводкой имели наивысше прочность R изгибе и минимальная Rсжатии и теплопроводности.

Оптимальная прочность при изгибе и сжатии самана обеспечивается для самана от Йеменской глины при увеличении содержания органической довокой до 20гр, при этом максимальная прочность составляет:Rизг =1,9МПа, Rсжт = 4,70 МПа, прочность при сжатии достигает 5,75 МПа от Южно-Сычевских глин.по матреце Соответствующее количество составляет 20г, является соответствующей пропорцией для теплопроводности и прочности (R,МПа).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ушеров-Маршак, А.В. Добавки нового поколения / А.В. Ушеров-Маршак // Химические и минеральные добавки в бетон. – Харьков: Колорит, 2005.
2. Вовк, А.И. Физико-химические закономерности гидратации и твердения пластифицированных цементных систем: Автореферат дисс. на соиск. уч. Степени доктора техн. Наук / А.И. Вовк. – М. 1996. – 36 с.
3. Reglamento nacional de edificaciones. Norma técnica de edificación NTE E.080 Adobe. Lima: SENCICO; 2006 [Spanish].
4. Добавки в бетон. Справочное пособие. Под ред. В.С. Рамачандрана; пер. с англ. Т.И. Розенберг и С.А. Болдырева, В.Б. Ратинов. – М.: Стройиздат, 1988. С.229 – 244.
5. Августиник А.И. Керамика. Изд. 2-е, Стройиздат, Ленинград – 1974. С.49-53.

BIOLOGICAL SCIENCES

LANDSCAPE AND ENVIRONMENTAL ESTIMATION OF THE SQUARE "CHESS PLAYERS" OF THE CITY OF NUR-SULTAN

Sarsekova D.
Doctor of Agricultural Sciences
Perzadayeva A.
Candidate of Technical Sciences
Obesinskaya E.
Candidate of Agricultural Sciences
Abilbekov G.
master doctoral student
Kazakh Agrotechnical University. S.Seifullin, Nur-Sultan, Kazakhstan

ЛАНДШАФТНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СКВЕРА «ШАХМАТИСТОВ» ГОРОДА НУР-СУЛТАНА

Сарсекова Д.Н.
доктор сельскохозяйственных наук, профессор
Перзадаева А.А.
кандидат технических наук, доцент
Обезинская Э.В.
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент
Абилбеков Г.К.
магистр экологии, докторант
Казахский агротехнический университет им. С.Сейфуллина,
Нур-Султан, Казахстан

Abstract

This article presents the results of landscape-ecological assessment of the square "Chess players". The species, age, and quantitative composition of trees and shrubs has been determined. In total, 295 trees and shrubs grow in the square. The assortment of greenery is represented by 19 species. The share of hardwood is about 65.7%, conifers - 34%. The age composition of trees was determined: until 10 years - 12.3%; 11–20 years old — 17.3%; 21-30 years old - 24.2%; over 30 years old - 46.2%. Age of shrubs over 5 years. Sanitary pruning of dry branches, phytosanitary control of 17 trees are recommended as household events. The area of lawns is 2749 sq.m., flower gardens - 49 sq.m., the length of hedges - 75.5 running meters. The total area of gardening in the square is over 70%. The quality control of the atmospheric water in the square did not show that the maximum one-time maximum permissible concentrations of impurities in the atmosphere were exceeded. Agrochemical studies of the soil in the square showed low availability of humus, mobile phosphorus, easily hydrolyzed nitrogen and high availability of exchangeable potassium. In general, the square performs its sanitary and hygienic, aesthetic, decorative and planning functions.

Аннотация

В данной статье представлены результаты ландшафтно-экологической оценки сквера «Шахматистов». Определены видовой, возрастной, количественный состав деревьев и кустарников. Всего в сквере произрастает 295 древесно-кустарниковой растительности. Ассортиментный состав зеленых насаждений представлен 19 породами. Доля лиственных пород составляет около 65,7%, хвойных – 34%. Возрастной состав деревьев составляет: до 10 лет – 12,3%; 11-20 лет – 17,3%; 21-30 лет – 24,2%; старше 30 лет – 46,2%. Возраст кустарников старше 5 лет. В качестве хозяйственных мероприятий рекомендуется санитарная обрезка сухих ветвей, фитосанитарный контроль 17 деревьев. Площадь газонов составляет 2749 кв.м., цветников – 49 кв.м, протяженность живых изгородей – 75,5 пог.м. Площадь озеленения сквера в целом составляет около 70%. Контроль качества атмосферного водуха в сквере на содержание примесей не показал превышения максимально-разовых предельно допустимых концентраций примесей в атмосфере. Агрохимические исследования почвы сквера показали низкую обеспеченность гумусом, подвижным фосфором, легкогидролизуемым азотом и высокую обеспеченность обменным калием. В целом сквер выполняет свои санитарно-гигиенические, эстетические, декоративно-планировочные функции.

Keywords: inventory, square, trees, shrubs, lawn, flower garden, atmosphere, soil.
Ключевые слова: инвентаризация, сквер, деревья, кустарники, газон, цветник, атмосфера, почва.

Нур-Султан (прежнее название Астана) – столица Республики Казахстан является одной из самых быстроразвивающихся мегаполисов на всем Евразийском пространстве. Одной из главных стратегических целей устойчивого развития столицы является сбалансированное стабильное социально-экономическое и экологическое развитие [1, с. 1], основанное на рациональном использовании городского ресурсного потенциала [2, с. 26]. Согласно «Генеральному плану развития города Нур-Султан до 2030 года» и «Концепции озеленения города Нур-Султан на 2007-2030 годы» властями запланировано озеленение городских территорий, въездных автомагистралей, пригородных и селитебных зон [3, с. 1]. В целях улучшения экосистемы города было предложено развить существующую систему озеленения путем создания экологизирующих ядер, т.е. крупных зеленых массивов. Как известно, город расположен в засушливой зоне, которая характеризуется ограниченностью водных ресурсов и суровыми климатическими условиями. Существующая на сегодняшний день внутригородская система озеленения Нур-Султана, как по площади, так и по средообразующим и санитарно-гигиеническим функциям лишь на треть удовлетворяет потребностям города.

В условиях интенсивного развития инфраструктуры мегаполиса и увеличения техногенных нагрузок санитарно-гигиеническая роль покрытых растительностью пространств является мощным средством нейтрализации вредных воздействий техногенного загрязнения для городского населения [4, с. 41]. Данная статья подготовлена по результатам научно-исследовательской работы «Ландшафтно-экологическая оценка состояния зеленых насаждений города Астаны и пригородных зон, пути оптимизации системы озеленения», выполненной по бюджетной программе 217 Развитие науки «Грантовое финансирование научных исследований на 2018-2020 годы».

Сквер «Шахматистов» расположен в районе «Сарыарка» на пересечении улицы Кенесары и проспекта Республики. Сквер был открыт в 2005 году, площадь составляет 0,48 га. Своим названием сквер обязан шахматным фигурам, столикам для игры и оригинальным шахматным скамейкам, установленных под открытым небом. Данный сквер является излюбленным местом горожан.

ОБЪЕКТЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Инвентаризация древесно-кустарниковой растительности сквера «Шахматистов» проводили в 2018 году согласно методике [5, с. 3], с использованием карт-схем в масштабе М1:500. Согласно методике были определены видовой, возрастной, количественный состав древесно-кустарниковой растительности, их состояние, высота, диаметр ствола, ажурность кроны деревьев, площадь цветников и газонов, наличие энтомовредителей и даны рекомендации по хозяйственным мероприятиям. Высоту деревьев и кустарников определяли с помощью высотомера Suunto PM-5/1520. Площадь газонов и цветников определяли с помощью лазерного дальномера Leica Distro D5. Диаметр ствола дерева определяли с помощью мерной вилки. Данные инвентаризации заносили в журналы таксации, ассортиментные ведомости и обрабатывали в программе Microsoft Excel. По данным инвентаризации составлена электронная карта зеленых насаждений сквера «Шахматистов» в программе ArcGIS Desktop.

Мониторинг атмосферного воздуха в приземных слоях улично-дорожных сетей на содержание NO_2, SO_2, формальдегида, пыли неорганической проводились с помощью универсального газоанализатора ГАНК-4 согласно методикам СТ РК 2.302-2014, МВИ № 02-37-2007. Определение свинца проводилось по методике М 02-09-2005/KZ.07.00.01339-2016. Для определения экологических факторов почв были отобраны почвенные образцы с помощью бура согласно ГОСТ 17.4.4.02-84. Отбор проб проводили методом «конверта» на площадках размером 10х10 м с поверхностного горизонта от 0-40 см. В отобранных пробах согласно методике МУ 08-47/203 на атомно-абсорбционном спектрометре «МГА-915МД», инверсионном вольтамперометре и атомно-эмиссионном спектрометре были определены подвижные формы обменного калия, легкогидролизуемого азота, фосфора, свинца, степень засоленности почв.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Рис. 1. Карта-схема сквера «Шахматистов»

В целях проведения ландшафтно-экологической оценки сквера «Шахматистов» территория была условно поделена на 24 участка по линиям тротуарных дорожек (рисунок 1).

Ассортиментный состав деревьев и кустарников, произрастающих в сквере, представлен в таблице 1.

Таблица 1

Ассортимент древесно-кустарниковой растительности сквера «Шахматистов»

№ п/п	Название древесно-кустарниковой растительности	Количество, штук	Доля, %
	Хвойные породы		
1	Ель европейская (Picea abies)	67	22,7
2	Ель колючая (Picea pungens)	23	7,8
3	Сосна обыкновенная (Pinus sylvestris)	6	2,0
4	Лиственница европейская (Larix decidua)	5	1,7
	Итого	101	34,2
	Лиственные породы		
5	Береза повислая (Betula pendula)	39	13,2
6	Миндаль горький (Prunus dulcis),	32	10,8
7	Сирень обыкновенная (Syringa vulgaris)	30	10,1
8	Ясень зеленый (Fraxinus excelsior)	19	6,4
9	Клен ясенелистный (Acer negundo)	16	5,4
10	Черемуха виргинская (Prunus virginiana)	10	3,4
11	Вяз мелколистный (Ulmus parvifolia)	10	3,4
12	Шиповник обыкновенный (Rosa)	10	3,4
13	Груша уссурийская (Pyrus ussuriensis)	9	3,0
14	Яблоня сибирская (Malus baccata)	6	2,0
15	Ива белая (Salix alba),	6	2,0
16	Тополь белый (Populus alba)	6	2,0
17	Осина обыкновенная (Populus tremula)	1	0,3
	Итого	194	65,7
	Всего	295	100,0

Видовой состав деревьев и кустарников в сквере включает следующие виды: клен ясенелистный (Acer negundo), ясень зеленый (Fraxinus excelsior), береза повислая (Betula pendula), вяз мелколистный (Ulmus parvifolia), осина обыкновенная (Populus tremula), ель европейская (Picea abies), лиственница европейская (Larix decidua), ель колючая (Picea pungens), сосна обыкновенная (Pinus sylvestris), тополь серебристый (Populus alba), яблоня сибирская (Malus baccata), груша уссурийская (Pyrusus suriensis), ива белая (Salix alba), сирень обыкновенная (Siringa vulgaris), черёмуха виргинская (Prunus virginiana), шиповник обыкновенный (Rosa), миндаль горький (Prunus dulcis), можжевельник казацкий (Juniperus sabina), арония черноплодная (Aronia melanocarpa).

Протяженность живой изгороди в сквере составляет 75,5 пог.м., в т.ч. на участке 8 живая изгородь из вяза мелколистного протяженностью 10 пог.м., на участке 15 живая изгородь из аронии черноплодной – 11 пог.м., на участке 19 живая изгородь из можжевельника казацкого – 4,5 пог.м. и из вяза мелколистного – 14 пог.м., на участке 20 живая изгородь из вяза мелколистного – 13 пог.м., на участке 22 живая изгородь из вяза мелколистного – 13 пог.м., на участке 23 из вяза мелколистного – 10 пог.м. Площадь газонов – 2749 кв.м., цветников – 49 кв.м.

При обследовании зеленых насаждений в сквере «Шахматистов» выявлено, что ассортиментный состав деревьев и кустарников представлен 19 породами. Всего произрастает 295 древесной и кустарниковой растительности. Из хвойных пород основную часть представляют ель европейская (22,7%), ель колючая (7,8%), сосна обыкновенная (2,0%), лиственница европейская (1,7%). Из лиственных пород произрастают береза повислая (13,2%), миндаль горький (10,8%), сирень обыкновенная (10,1%), ясень зеленый (6,4%), клен ясенелистный (5,4%), черемуха виргинская (3,4%), вяз мелколистный (3,4%), шиповник обыкновенный (3,4%), груша уссурийская (3,0%), яблоня сибирская (2,0%), ива белая (2,0%), тополь белый (2,0%), осина обыкновенная (0,3%) (таблица 1).

В сквере древесная и кустарниковая растительность представлена разного возраста: до 10 лет – 12,3%; 11-20 лет – 17,3%; 21-30 лет – 24,2%; старше 30 лет – 46,2%. Возраст 77 кустарников старше 5 лет. Основная доля древесных растений старше 30 лет. Ель европейская и колючая форма голубая высажена биогруппами (рисунок 2).

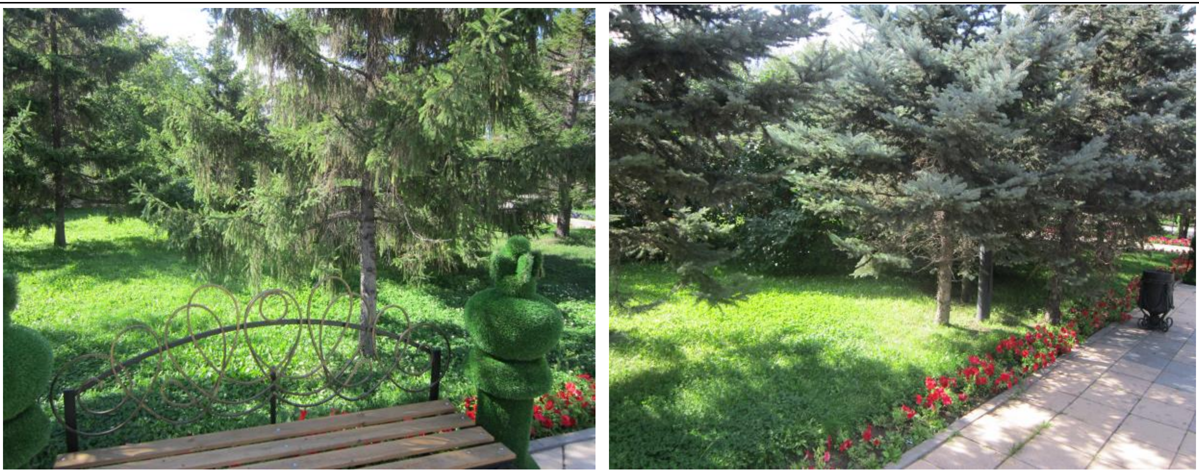


Рис. 2. Древесно-кустарниковая растительность сквера Шахматистов»

На участке 1 произрастают 10 деревьев и кустарников: береза повислая – 4 шт., миндаль горький – 3 шт., ель европейская – 2 шт., шиповник обыкновенный – 1 шт. Возраст 3 берез составляет 11-20 лет, высота 6-10 м. Возраст одной березы старше 30 лет, высота более 15 м. Возраст елей до 10 лет, высота до 2 м. Шиповник обыкновенный и миндаль горький имеют высоту до 2 м, возраст старше 5 лет. Деревья и кустарники с развитыми компактными кронами, состояние деревьев хорошее, энтомовредители не обнаружены.

На участке 2 зафиксировано 18 деревьев и кустарников: береза повислая – 5 шт., ель европейская – 6 шт., шиповник обыкновенный – 4 шт., миндаль горький – 2 шт., тополь белый – 1 шт. Возраст 2 берез составляет 11-20 лет, высота – 6-10 м. Возраст 3 берез – старше 30 лет. Высота берез более 15 м, возраст старше 30 лет. Высота елей до 2 м, возраст до 10 лет. Шиповник обыкновенный и миндаль горький имеют высоту до 2 м, возраст старше 5 лет. Декоративность деревьев хорошая.

На участке 3 взято на учет 8 деревьев: береза повислая – 5 шт., ель европейская – 2 шт., ель колючая – 1 шт. Возраст берез старше 30 лет, высота более 15 м. Высота елей 6-10 м, возраст 21-30 лет.

На участке 4 произрастают 17 древесно-кустарниковой растительности: ель европейская – 8 шт., береза повислая – 7 шт., шиповник обыкновенный – 2 шт. Возраст 2 елей старше 30 лет, 6 елей – 11-20 лет, высота до 2 м. Возраст берез 11-20 лет и старше 30 лет, высота 11-15 м и более. На участке 5 зарегистрировано 35 древесно-кустарниковой растительности: сирень обыкновенная – 12 шт., ель европейская – 10 шт., ель колючая – 8 шт., береза повислая – 5 шт. Высота сиреней до 2 м, возраст старше 5 лет. Возраст 4 елей европейских до 10 лет, остальных – 21-30 лет и старше, высота составляет 3-5 м и 11-15 м. Ели колючие имеют возраст старше 30 лет, высоту 11-15 м. Возраст берез 11-20 лет, высота 6-10 м. На участке 6 исследовано 18 древесно-кустарниковой растительности: ель европейская – 6 шт., черемуха виргинская – 7 шт., ель колючая – 5 шт. Возраст елей составляет 21-30 лет, высота – 11-15 м. Черемухи высотой 6-10 м имеют возраст 21-30 лет. На участке 7 разбит цветник, где произрастают бархатцы прямостоячие (Tagetes erecta), петунья гибридная (Petunia Hibrida), цинерария кровавая (Cineraria cruenta).

На участке 8 проведена инвентаризация 15 деревьев и кустарников: ель европейская – 7 шт., лиственница европейская – 5 шт., шиповник обыкновенный – 3 шт. На данном участке имеется живая изгородь из вяза мелколистного протяженностью 10 пог.м. и высотой до 2 м. Возраст елей старше 30 лет, высота 11-15 м и более. Возраст лиственниц до 10 лет, высота 3-5 м. Высота шиповника 2 м, возраст старше 5 лет. Шиповники высотой до 2 м имеют возраст старше 5 лет. На участке 9 произрастает ель европейская в количестве 3 шт. Возраст 2 елей до 10 лет и 1 ели – старше 30 лет. Высота деревьев колеблется от 5 до 15 м. На участке 10 разбит цветник, где произрастают бархатцы прямостоячие, петунья гибридная, цинерария кровавая. На участке 11 зафиксирована ель европейская в количестве 6 шт., возраст которых старше 30 лет, высота более 15 м. На участке 12 всего обследовано 21 зеленых насаждений: ясень зеленый –11 шт., сосна обыкновенная – 4 шт., клен ясенелистный – 6 шт. Средняя высота ясеня зеленого 6-10 м, возраст 11-20 лет. Высота клена ясенелистного и дуба черешчатого более 15 м, возраст старше 30 лет. Возраст сосен старше 30 лет, высота 11-15 м. Ажурность кроны деревьев хорошая. На участке 13 всего произрастает 9 древесно-кустарниковой растительности: ясень зеленый – 5 шт., ель европейская – 3 шт., черемуха виргинская – 1 шт. Возраст деревьев на данном участке 21-30 лет, высота – 11-15 м. Деревья с хорошо развитыми кронами.

На участке 14 всего учтено 21 деревьев и кустарников: миндаль горький – 16 шт., ива белая – 5 шт. Возраст миндаля горького старше 5 лет, высота до 2 м. Ивы в возрасте 21-30 лет, высота – 11-15 м. На участке 15 произрастает миндаль горький – 3 шт., ель европейская – 1 шт. Высота деревьев до 2 м, возраст старше 5 лет. Живая изгородь из аронии черноплодной имеет протяженность 11 пог.м. На участке 16 всего зафиксировано 17 древесно-кустарниковой растительности: береза повислая – 7 шт., миндаль горький – 4 шт., ель колючая – 2 шт., ясень зеленый – 2 шт., черемуха виргинская – 2 шт. Возраст берез старше 30 лет, высота 11-15 м. Высота миндаля горького до 2 м, возраст старше 5 лет. Ель колючая и ясень зеленый имеют высоту 6-10 м, возраст старше 30 лет. Возраст черемух 21-30 лет, высота 6-10 м. На участке 17 имеется вяз мелколистный. На участке 18 всего произрастает 8 древесных пород: тополь белый – 5 шт., клен ясенелистный – 2 шт., осина обыкновенная – 1 шт. Высота тополей более 15 м, возраст старше 30 лет. Возраст кленов 21-30 лет, высота 6-10 м. Плотность кроны хорошая. На участке 19 всего учтено 11 растений: груша уссурийская – 4 шт., ель европейская – 2 шт., ель колючая – 2 шт., клен ясенелистный – 2 шт., ива белая – 1 шт. На данном участке имеются живые изгороди из можжевельника казацкого протяженностью 4,5 пог.м. и вяза мелколистного – 14 пог.м. Груша уссурийская имеет возраст 11-20 лет, высоту 6-10 м. Ель колючая высотой до 10 м и возраст до 30 лет, ель европейская высотой до 2 м, возраст до 10 лет. Клен ясенелистный высотой до 11-15 м являются старовозрастными - более 30 лет.

На участке 20 всего изучено 10 древесных растений: миндаль горький – 4 шт., вяз мелколистный – 1 шт., ель колючая – 2 шт., ель европейская – 2 шт., береза повислая – 1 шт. На данном участке имеется живая изгородь из вяза мелколистного протяженностью 13 пог.м. Возраст кустарников старше 5 лет, высота до 2 м. Ель колючая имеет возраст 21-30 лет, высоту 6-10 м. Молодые ели европейские имеют возраст до 10 лет, высоту до 2 м. Декоративность хорошая. Возраст вяза до 10 лет, высота до 2 м, одна из вяза обстрижена в виде геометрической фигуры. На участке 21 произрастают вяз мелколистный стриженный в количестве 2 шт., возраст которых старше 5 лет. На участке 22 взято на учет 13 деревьев: ель колючая – 5 шт., береза повислая – 4 шт., груша уссурийская – 3 шт., вяз мелколистный – 1 шт. Высота елей 10-15 м и более, возраст старше 30 лет. Груша уссурийская высотой 6-10 м, возраст 21-30 лет. Березы имеют возраст старше 30 лет, высоту 11-15 м. Вяз мелколистный высотой до 10 м, возраст 10-15 лет. На участке 23 всего 29 деревьев: сирень обыкновенная – 7 шт., яблоня сибирская – 6 шт., клен ясенелистный – 5 шт., вяз мелколистный – 5 шт., груша уссурийская – 2 шт., ель колючая – 2 шт., ель европейская – 1 шт. На данном участке имеется живая изгородь из вяза мелколистного протяженностью 10 пог.м. Сирени на данном участке имеют высоту до 5 м, возраст старше 5 лет. Высота яблонь – 6-10 м, возраст старше 30 лет. В данном сквере старовозрастными являются вяз мелколистный, клен ясенелистный, груша уссурийская, возраст которых старше 30 лет. Высота – 6-10 м, 11-15 м, 6-10 м соответственно. Высота елей от 3 до 10 м, возраст – 21-30 лет. На участке 24 проведена инвентаризация 19 зеленых насаждений: сирень обыкновенная – 11 шт., ель европейская – 3 шт., сосна обыкновенная – 2 шт., ясень зеленый – 1 шт., ель колючая – 1 шт., клен ясенелистный – 1 шт. Высота сиреней до 5 м, возраст старше 5 лет. Высота елей 3-10 м, возраст 21-30 лет. Сосны имеют высоту 6-10 м, возраст 21-30 лет. Высота ясени 6-10 м, возраст 21-30 лет. Клен ясенелистный имеет возраст 21-30 лет, высоту до 5 м. Состояние всех обследованных деревьев и кустарников удовлетворительное, декоративность кроны хорошая, энтомовредители не обнаружены.

Групповые посадки характеризуются сомкнутостью верхнего полога, большинство растений находятся в хорошем состоянии с развитой кроной. Предлагается провести следующие мероприятия в сквере: лесохозяйственные работы, заключающиеся в обрезке сухих веток и стволиков, внесение удобрений, подкормка елей эпином, улучшить фитосанитарный надзор, проводить своевременную обработку от вредителей и болезней [10]. Увеличить ассортимент многолетних растений в цветниках. Регулировать стрижку живой изгороди. Дополнительно посадить около 30 деревьев и кустарников.

Для определения качества атмосферного воздуха в сквере «Шахматистов» были проведены инструментальные замеры атмосферного воздуха на содержание оксидов азота (IV), серы, формальдегида, свинца и неорганической пыли. Результаты представлены в таблице 2. При проведении инструментальных замеров загрязняющих веществ была ясная погода, давление – 736 мм.рт.ст.; t = +20-21 °C; направление ветра – юго-западное; скорость ветра – 2,96-2,99 м/с; влажность воздуха – 35-36%.

Таблица 2

Результаты инструментальных замеров атмосферного воздуха в сквере «Шахматистов» за 2018 год

№	Место отбора пробы	Наименование определяемого показателя				
		пыль неорг.	NO_2	SO_2	HCOH	Pb^{2+}
		концентрации загрязняющих веществ, мг/м^3				
1	Точка 1 (со стороны пр. Республики)	0,04	0,01	0,01	-	0,000031
2	Точка 2 (со стороны ул. Кенесары)	0,04	0,001	0,007	0,0423	0,000030
ПДК$_{м.р.}$ для населенных мест, мг/м^3		0,5	0,2	0,5	0,05	0,003

Как видно из таблицы 2, содержание пыли неорганической находится в интервале 0,04 мг/м^3, оксида азота (IV) – 0,001-0,01 мг/м^3, оксида серы (IV) – 0,007-0,01 мг/м^3, формальдегида – 0,0423 мг/м^3, свинца – 0,000030-0,000031 мг/м^3, что не превышает ПДК$_{м.р.}$

Урбаноземы городов в основном создаются человеком в результате перемешивания, погребения, завоза грунта и природной почвы. Искусственно созданный человеком слой почвоподобного тела, в дальнейшем будет трансформирован под влиянием факторов почвообразования и человека в городские почвы с различным составом и свойством. Поэтому, целью наших исследований являлось изучение экологического состояния почвенного покрова сквера «Шахматистов» и оценка обеспеченности древесно-кустарниковой растительности основными макроэлементами и гумусом.

Данные агрохимической характеристики урбаноземов сквера «Шахматистов» (таблица 3) свидетельствуют о том, что содержание гумуса в верхнем 0-20 см слое составляет 4,45%; на глубине 20-40 см – 2,63%, что указывает на низкое содержание гумуса. Такая же ситуация сохраняется по содержанию валовых форм азота и фосфора. Легкогидролизуемый азот в верхних горизонтах (0-20 см) содержится 0,23 мг на 100 г почвы, в нижних горизонтах (20-40 см) – 0,136 мг на 100 г почвы, что показывает на низкую обеспеченность весной. По содержанию подвижного фосфора урбазем сквера низкообеспечен, т.к. его содержание на глубине 0-40 см составило – 0,03 мг на 100 г почвы. Содержание обменного калия на глубине 0-20 см составляет 77,6 мг/100 г почвы; на глубине 20-40 см – 48,6 мг/100 г почвы, что говорит о высокой обеспеченности почвы обменным калием.

Таблица 3

Агрохимическая характеристика почвенного покрова сквера «Шахматистов»

Объект	Глубина, см	%		валовые, %		подвижные, мг/100 г		
		гумус	CO_2 карб.	N	P_2O_5	$N_{л.г}$	P_2O_5	K_2O
Сквер «Шахматистов»	0 - 20	4,45	0,69	0,230	0,03	4,76	8,06	77,6
	20 - 40	2,63	0,69	0,136	0,03	2,80	2,73	48,6

ВЫВОДЫ

Таком образом, проведенная ландшафтно-экологическая оценка сквера «Шахматистов» показала, что в сквере произрастает 295 древесно-кустарниковой растительности. Ассортиментный состав зеленых насаждений представлен 19 породами. Доля лиственных пород составляет 65,7%, хвойных – 34,2%. Определен возрастной состав деревьев: до 10 лет – 12,3%; 11-20 лет – 17,3%; 21-30 лет – 24,2%; старше 30 лет – 46,2%. Возраст кустарников старше 5 лет. Площадь газонов составляет 2749 кв.м., цветников – 49 кв.м, протяженность живых изгородей – 75,5 пог.м. Площадь озеленения сквера в целом составляет около 70%. В качестве хозяйственных мероприятий рекомендуется санитарная обрезка сухих ветвей, фитосанитарный контроль 17 деревьев. Необходимо посадить около 30 деревьев.

Инструментальные замеры атмосферного воздуха в сквере «Шахматистов» на содержание оксидов азота, серы, формальдегида, свинца и неорганической пыли с помощью газоанализатора ГАНК-4 не показали превышения максимально-разовых предельно допустимых концентраций примесей в атмосфере. Агрохимические исследования почвы сквера показали низкую обеспеченность гумусом, подвижным фосфором, легкогидролизуемым азотом и высокую обеспеченность обменным калием. Сквер «Шахматистов» характеризуется низкой долей хвойных растений и живых изгородей, однотипностью цветников, отсутствием многоярусных посадок. В целом сквер выполняет свои санитарно-гигиенические, эстетические, декоративно-планировочные функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. О Стратегическом плане устойчивого развития города Астаны до 2030 года: Постановление Правительства Республики Казахстан от 21.02.2006 года, № 113. http://adilet.zan.kz
2. Экологический кодекс Республики Казахстан от 9 января 2007 года № 212 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 1.01.2019 г.). http://adilet.zan.kz
3. Концепция озеленения города Астаны на 2007-2030 годы. http://www.saulet.astana.kz
4. Денисов В.В. Экология города. – Ростов н/Д: Феникс, 2015. – 568 с.
5. Сарсекова Д.Н. Методика проведения эколого-ландшафтной инвентаризации зеленых насаждений города Астаны. – Астана: КАТУ, 2014. – 25 с.

INFLUENCE OF FERROUS CULTURES ON THE PROCESS, SLEEPING AND CONSUMER PROPERTIES OF YOGHURT

Saltybaev A.
biological sciences, associate professor.
Almaty Technological University
Sarsembaev Kh.
doctoral candidate, master of technical sciences, teacher
Almaty Technological University
Aydralieva Sh.
master student
Almaty Technological University

ВЛИЯНИЕ ЗАКВАСОЧНЫХ КУЛЬТУР НА ПРОЦЕСС, СКВАШИВАНИЯ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ СВОЙСТВА ЙОГУРТА

Салтыбаев А.Д.
кандидат биологических наук, доцент.
Алматинский технологический университет
Сарсембаев Х.С.
докторант, магистр технических наук, преподаватель
Алматинский технологический университет
Айдралиева Ш.Д.
магистрант.
Алматинский технологический университет

Abstract

This article discusses the effect of 3 types of direct starters: “Lactoferm”, “Genesis” and “Vivo” on the ripening regimes and organoleptic indicators of the quality of several samples of yoghurt, the formation of a dense structure and a thick consistency of products. The results of the fermentation culture time of ferment cultures, the effects of fermentation fermentation duration on titrated acidity, the effects of fermentation fermentation time on clot density and syneresis and organoleptic characteristics were obtained. The results of the content of vitamins, macro and microelements in samples of yogurt were also obtained.

Аннотация

В данной статье рассматривается влияние заквасок прямого внесения 3-х видов: «Lactoferm», «Genesis» и «Vivo» на режимы сквашивания и органолептические показатели качества нескольких образцов йогуртов, формированию плотной структуры и густой консистенции продуктов. Получены результаты по времени сквашивания заквасочных культур, влияния продолжительности сквашивания заквасок на титруемую кислотность, влияния времени сквашивания заквасок на плотность сгустка и синерезиса и органолептические показатели. Также получены результаты содержания витаминов, макро и микроэлементов в образцах йогурта.

Keywords: yoghurt, acidity, ferments, sensory evaluation, clot, flavor, syneresis.

Ключевые слова: йогурт, кислотность, закваски, органолептическая оценка, сгусток, аромат, синерезис.

Введение

Как известно для получения большинства кисломолочных продуктов используются закваски, которые являются функционально необходимыми компонентами, без которых невозможно производство кисломолочных продуктов.

Микроорганизмы, входящие в состав заквасок для йогурта, в зависимости от физиологических особенностей образуют при сквашивании молока молочно-белковые сгустки с разными типами консистенции: колющиеся или вязкие с различной степенью тягучести. Так для питьевого йогурта применяют закваски вязкого типа с пониженной тенденцией к синерезису. Как известно, *Streptococcus thermophilus* в основном отвечает за производство кислоты, в то время как *Lactobacillus bulgaricus* придает йогурту своеобразный аромат. На взаимодействие между двумя типами бактерий влияют количество каждого внесенного типа, а также температура и время сквашивания. При разработке новых видов йогуртов первостепенное внимание уделяется свойствам заквасок, способствующих формированию плотной структуры и густой консистенции продуктов, сокращению продолжительности сквашивания и низкому постокислению. Низкое постокисление улучшает вкус и консистенцию продукта в процессе производства, упаковки и транспортировки, особенно в условиях недостаточного охлаждения или перепада температур. В соответствии с вышеизложенным, в данной работе было проведено исследование заквасок прямого внесения.

Объекты и методы исследований

Объектами исследований являлись: молоко коровье 1сорта, концентрированные закваски, кисломолочный продукт (йогурт), молочнокислые бактерии.

В работе применялись стандартные методы исследования так, проведение титруемой кислотности (T^0) проводили титриметрическим методом, определение минеральных веществ на основе абсорбционной спектрометрии, витамины определяли методом капиллярного электрофореза, органолептическую оценку полученных образцов проводили методом закрытых дегустаций.

Результаты и их обсуждение

Так, изучено влияние трех видов заквасок прямого внесения – закваски «Lactoferm» «Genesis» и «Vivo» на режимы сквашивания (температуру и продолжительность) и органолептические показатели качества полученных образцов йогуртов, формированию плотной структуры и густой консистенции продуктов.

Закваска «Vivo» представляет собой культуру с определенной комбинацией штаммов, включает *Streptococcus thermophilus и Lactobacillus delbrueckii* подвид *bulgaricus*. Согласно рекомендациям производителя применение ее в производстве позволяет получить йогурт с очень густой консистенцией, мягким вкусом и низким постокислением. Закваска «Lactoferm» – культура, включающая *Streptococcus thermophilus и Lactobacillus delbrueckii* подвид *bulgaricus*, дающая вязкий сгусток, выраженный аромат и вкус. Имеет ограниченное постокисление, наблюдается небольшой синерезис. Закваска «Genesis» – культура, включающая *Streptococcus thermophilus и Lactobacillus delbrueckii* подвид *bulgaricus.* Данная заквасочная культура образует не сильно вязкий сгусток, но с выраженным вкусом и ароматом. В процессе хранение отмечено невысокий уровень постокисления и отделение сыворотки. Установлено, что все три вида заквасок при диапазоне температуры сквашивания 40±5°C образуют сгусток в течение 4-6 часов. В течение этого времени титруемая кислотность достигает 75°T, что является оптимальным для образования сгустка. (Рисунок 1)

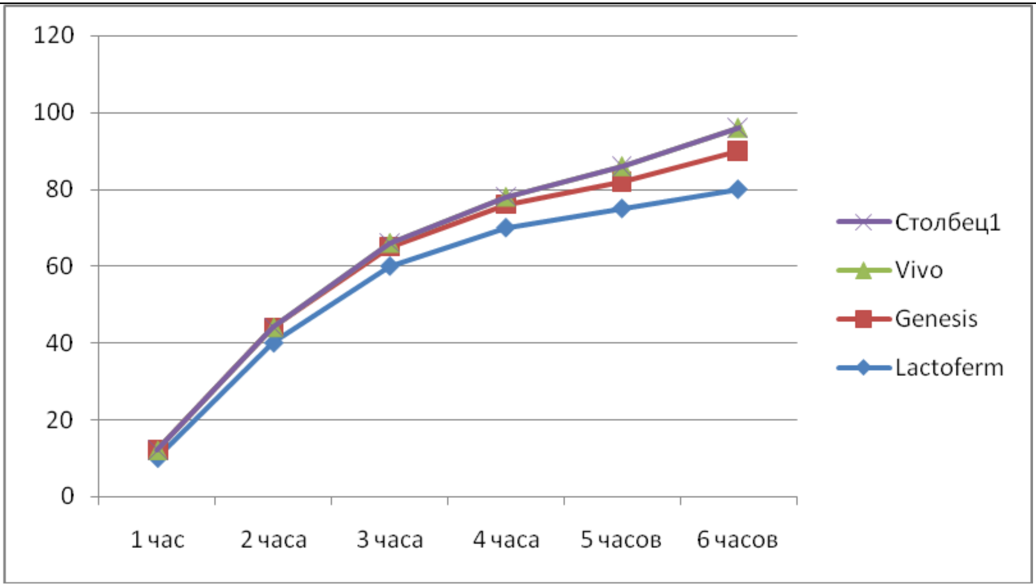


Рисунок 1. Влияние продолжительности сквашивания заквасок на значение титруемой кислотности

Отмечено, при использовании закваски «Vivo» сгусток отличался более плотной консистенцией с отсутствием признаков синерезиса, что можно объяснить присутствием в составе данной закваски экзополисахаридов - таблица 1.

Таблица 1

Зависимость плотности сгустка и наличия синерезиса от времени сквашивания заквасок

Время, мин.	Типы закваски		
	Vivo	«Genesis»	«Lactoferm»
30	+	+	+
60	+	+	+
90	+	+	+
120	+	+	+
150	+	+	+
180	+	+	+
210	+	+	+
240	++	+	+
270	++	+	+
300	++	++	+
330	++	++	++
360	+++	++	++

+ - сгусток отсутствует

++ - сгусток плотный, без отделившейся сыворотки

+++ - сгусток плотный, отделившейся сыворотки не более 8%

При формировании спроса решающую роль играют органолептические показатели, тогда как его химический состав и пищевая ценность большинством потребителей принимаются во внимание лишь во вторую очередь. Оценку этих свойств осуществляют органолептическим методом. К органолептическим показателям йогуртов относятся внешний вид, цвет, консистенция, вкус и запах.

При оценке органолептических показателей использовали качественные и количественные методы. Качественная оценка представляет собой описание, а количественная характеризуется интенсивностью ощущений и выражается в виде чисел, отсчитываемых по определенной шкале. Образцы хранили при температуре 2-6 °С, анализы проводили через 4ч после изготовления.

Температура образцов йогурта для дегустации составляла 10-12°С. При органолептической оценке определяли, внешний вид и цвет йогурта, не перемешивая, осматривали поверхность продукта, на которой не допускается наличие плесени. Поверхность йогурта должна быть гладкой, блестящей, без воздушных пузырьков и других признаков неоднородности.

Плотность сгустка оценивали ложкой или в ротовой полости. Цвет йогурта определяли в чашке Петри, которую помещали на белую поверхность и осматривали. Консистенция йогурта зависит от способа производства. Йогурт, произведенный термостатным способом, должен иметь плотную консистенцию с ненарушенным сгустком (допускается отделение сыворотки).

При проведении органолептической оценки, отмечали пороки вкуса и запаха (резкий, горький, с посторонними вкусом и ароматом, кислый, отсутствие аромата, пустой, невыраженный вкус, излишне сладкий, окисленный), пороки внешнего вида (нетипичный цвет или оттенок, нарушение поверхности), пороки консистенции (слизистая, зернистая или крупитчатая, излишне плотная, недостаточно плотная).

Органолептическую оценку качества опытных образцов йогуртов проводили по эталонной 5 - балльной шкале. Результаты органолептической оценки качества опытных образцов йогуртов приведены в таблице 2.

Таблица 2

Органолептические показатели йогурта

Показатели	Характеристика	Образцы		
		«Vivo»	«Genesis»	«Lactoferm»
Вкус	Свойственный кисломолочному продукту	5	4	4
Запах	Свойственный косломолочному продукту, без посторонних привкусов	5	5	5
Консистенция	Однородная, сметанообразная, нежная	5	5	5
Цвет	Белый, без посторонних добавок	5	5	5

При оценке органолептических показателей по различным показателям, таким как консистенция, вкус, запах, цвет максимальный балл получен о образце йогурта при использовании закваски «Vivo», которая представляет собой культуру с определенной комбинацией штаммов, включает *Streptococcus thermophilus и Lactobacillus delbrueckii* подвид *bulgaricus*. Которая, позволила получить йогурт с очень густой консистенцией, мягким вкусом и низким постокислением.

В ходе дальнейшего проведения исследований для определения активности заквасочных культур было определено содержание витаминов и проведен расчет минерального состава опытных вариантов йогуртов. Результаты расчета витаминного и минерального состава опытных образцов йогуртов представлены в таблицах 3-5.

Результаты по количественному содержанию витаминов в исследуемых образцах йогурта полученные с использованием различных заквасок, представлены в таблице 3.

Таблица 3

Содержание витаминов в исследуемых образцах йогурта

Наименование показателя	Молочнокислый продукт (йогурт)		
	Образец № 1 закваска «Vivo»	Образец № 2 закваска «Genesis»	Образец № 3 закваска «Lactoferm»
Витамин С, мг/100г	0,16	0,10	0,09
Витамин $B_{5,}$ мг/100 г	0,013	0,15	0,11
Витамин А, мг/100г	0,01	0,02	0,02
Витамин B_1, мг/100г	0,03	0,01	0,02
Витамин B_2, мг/100г	0,15	0,13	0,14
Витамин B_3, мг/100г	1,2	1,3	1,1
Витамин B_6, мг/100г	0,03	0,05	0,04

По полученным результатам, представленным в таблице 2 наибольшее содержание витамина «С» отмечается в образце № 1 которое составило 0.16 мг на 100 г продукта. Содержание витамина «А» (ретинол) в целом по всем вариантам опыта отличалось незначительно и соответствовало норме. Водорастворимые витамины группы В обнаружены во всех исследуемых образцах йогурта, вместе с тем отмечается резкое увеличение содержания витамина «B^5» - (пантотеновая кислота, регулирующая обмен веществ) в образцах №2 и №3 в количестве 0.15 и 0.11 мг. соответственно, в отличии от образца № 1 где содержание данного витамина составило 0.013 мг на 100 г продукта.

В дальнейшем был определен минеральный состав исследуемых образцов йогурта. Результаты исследований представлены в таблице № 4,5.

Таблица 4

Количество макроэлементов в исследуемых образцах

Минеральный состав образцов йогурта	Йогурт №1		Йогурт №2		Йогурт №3	
	Кол-во в образце, (мг)	Суточ норма, (мг)	Кол-во в образце, (мг)	Суточ норма, (мг)	Кол-во в образце, (мг)	Суточ норма, (мг)
Калий, K	152	2500	147	2500	145	2500
Кальций, Ca	124	1000	122	1000	124	1000
Магний, Mg	15	400	15	400	14	400
Натрий, Na	50	1300	52	1300	50	1300
Сера, S	27	800	27	800	27	800
Фосфор, Ph	95	1300	96	1300	92	1300

Таблица 5

Количество микроэлементов в исследуемых образцах

Минеральный состав образцов йогурта	Йогурт №1		Йогурт №2		Йогурт №3	
	Кол-во в образце	Суточ норма	Кол-во в образце	Суточ норма	Кол-во в образце	Суточ норма
Железо, Fe	0.1 мг	18 мг	0.12 мг	18 мг	0.1	18 мг
Медь, Cu	10 мкг	1 мг	10 мкг	1 мг	9 мг	1 мг
Марганец, Mn	0.006 мг	2 мг	0.006 мг	2 мг	0.004	2 мг
Цинк, Zn	0.4 мг	12 мг	0.4 мг	12 мг	0.3 мг	12 мг
Йод, I	9 мкг	0.1мг	8 мкг	0.1мг	9мкг	0.1мг
Фтор, F	20 мкг	4мг	20 мкг	4мг	15мкг	4мг
Селен, Se	2 мкг	0.05 мг	2 мкг	0.05 мг	1.5 мкг	0.05 мг

Проведенные исследования по минеральному составу показали, что в целом все образцы содержат достаточное количество микро и макроэлементов. Вместе с тем, отмечается значительное количество кальция (Са) и калия (К) в исследуемых образцах йогурта, количество которого превышало его содержание в других образцах. В целом, количество микроэлементов не сильно варьировало по вариантам опыта.

Заключение, выводы

Из полученных данных видно, что закваски оказывают огромное влияние на качество производимых кисломочных продуктов. Наибольшее формирование сгустка наблюдается при 6 часовом сквашивании продукта, при этом установлено что, при использовании закваски «Vivo» сгусток отличался более плотной консистенцией без признаков синерезиса.

Оценка органолептических показателей по различным показателям, таким как консистенция, вкус, запах, цвет показала что, все закваски эффективны в использовании, однако стоит отметить что, наивысшей эффективностью обладает закваска «Vivo» получившая максимальный балл, данная закваска представляет собой культуру с определенной комбинацией штаммов, включающая штаммы *Streptococcus thermophilus и Lactobacillus delbrueckii* подвид *bulgaricus*. Данная закваска, позволила получить йогурт с очень густой консистенцией, мягким вкусом и низким постокислением.

По полученным результатам исследования, содержания витаминов в образцах йогуртов, наибольшее содержание витамина «С» отмечается в образце № 1 которое составило 0.16 мг на 100 г продукта. Содержание витамина «А» (ретинол) в целом во всех образцах соответствовало норме. Витамины группы В также обнаружены во всех исследуемых образцах йогурта, вместе с тем отмечается резкое увеличение содержания витамина «B^5» в образцах №2 и №3 в количестве 0.15 и 0.11 мг. соответственно на 100 г продукта.

Анализ минерального состава образцов показал, что в целом все образцы содержат достаточное количество микро и макроэлементов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Степаненко П. П. Микробиология молока и молочных продуктов.—М.: Лира, 2002.—413с.

2. Белов, В.В. Производство творожных изделий и йогуртов с использованием стабилизационных систем / В.В. Белов, А.В. Носков // Молочная пром-сть.1994. №2. - С.26-27.

3. Белокриницкая, Е.А. Влияние наполнителей на физикохимические свойства йогуртов / Е.А. Белокриницкая, Н.Ю. Чеснокова, Л.В. Левочкина // Пищевая промышленность. – 2009. - №5. – с.52-53. 14.

4. Тамим, А.Й. Йогурт и другие кисломолочные продукты / А.Й. Тамим, Р.К. Робинсон. СПб.: Изд- во Профессия, 2003. - 664 с.

EARTH SCIENCES

THE RADIATION SITUATION IN ST. PETERSBURG

Androsova N.
Candidate of Geology-Mineralogical Sciences professor,
faculty of urban studies and urban management,
Moscow Polytechnic University.

РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Андросова Н.К.
к.г-м. н., доцент, факультет урбанистики и городского хозяйства,
Московский политехнический университет.

Abstract.
Natural and man-made sources of radon are considered. With the help of radiation monitoring system the assessment of radiation situation in St. Petersburg is given.
Аннотация.
Рассмотрены природные и техногенные источники поступления радона. С помощью системы радиационного контроля дана оценка радиационной обстановки Санкт-Петербурга.

Keywords: Radioactive contamination, radiation monitoring, radiological examinations, radiation dose.
Ключевые слова: Радиоактивное загрязнение, системы радиационного контроля, радиоэкологическое обследование, дозы облучения.

Санкт-Петербург является самым крупным северным городом со сложным геологическим строением, высокой обводненностью поверхностными и подземными водами. Санкт-Петербург расположен на склоне Балтийского щита в пограничной зоне между щитом и чехлом Русской платформы. Песчано-глинистые ледниковые образования четвертичного возраста мощностью в основном 20-40 м практически полностью перекрывают нижележащие палеозойские отложения, которые обнажаются в долинах рек.

Платформенный чехол представлен терригенно-карбонатными отложениями венда, кембрия и ордовика, общая мощность которых в разных частях города колеблется от 100 до 300 м; промежуточный, протоорогенный, этаж, выполнен преимущественно терригенными и терригенно-вулканогенными толщами рифея мощностью от десятков метров до 1 км и более в пределах Пашско-Ладожского грабена, который занимает большую часть Ладожского озера и частично его западное, восточное и южное побережья.

Кристаллический фундамент южного склона Балтийского щита, сложенный глубокометаморфизованными породами архея и раннего протерозоя, а также гранитами, гранито-гнейсами и другими образованиями, залегает на глубине от 100 м на северо-западе до 300 м на юге.

Характерной чертой города является наличие большого количества рек, каналов, озер и прудов. Подземные воды на территории города в основном минерализованные, пресные прослеживаются от северных границ города до г. Сестрорецка.

С платформенными осадочными отложениями связаны месторождения кембрийских глин, пригодных для кирпичного и гончарного производства, а также фосфоритоносных песков ордовикского возраста. Кроме того, в гдовских песчаниках и в подстилающих докембрийских корах выветривания выявлены инфильтрационные урановые проявления, в том числе небольшое месторождение Славянское на юго-востоке города. Содержание урана в горных породах превышает фоновое в 10 раз. В результате наблюдается повышенная радоноопасность в Красносельском и Пушкинском районах.

Санкт-Петербург характеризуется повышенным уровнем всех факторов радиационного риска, как природных, так и техногенных. Естественные источники радиации связаны с геологическими условиями. Санкт-Петербург расположен в зоне обширных геологических разломов, из которых выходит радон и продукты его распада. Среди техногенных источников радиационного риска: атомные энергетические установки ЛАЭС в г. Сосновый Бор, исследовательские атомные реакторы в институте ядерной физики им. В. П. Константинова и на стенде ЦНИИ им А. Н. Крылова в Санкт-Петербурге, атомные энергоустановки на Балтийском заводе, радиохимические лаборатории для работ с радиоактивными веществами и др. [5, стр. 83].

Для общей оценки радиационной обстановки на административных территориях города и Ленинградской области действует сеть постов контроля АСКРО (автоматизированная система контроля радиационной обстановки), в настоящее время насчитывают 22 стационарных постов наблюдения (рис.1). Кроме них существуют локальные системы радиационного контроля: на Водоканале - система обнаружения радиоактивного загрязнения питьевой воды; на таможенных пунктах - система предупреждения нелегального перемещения радиоактивных материалов через границу и т.п. [2, стр. 42].

По итогам контроля радиационный фон в городе в последние 5 лет остается в пределах нормы. Радиоактивное загрязнение на открытых территориях сформировалось за счет неконтролируемого поступления радиоактивных веществ, материалов и изделий, применяемых в науке, медицине и промышленности (рис.2).

Рис. 1. Карта постов радиационного мониторинга
http://www.sc-mineral.ru/ru/p/radionucl_rus/

Рис. 2. Карта активности радона в помещениях Санкт-Петербурга
http://www.dishisvobodno.ru/rad_eco_spb.html

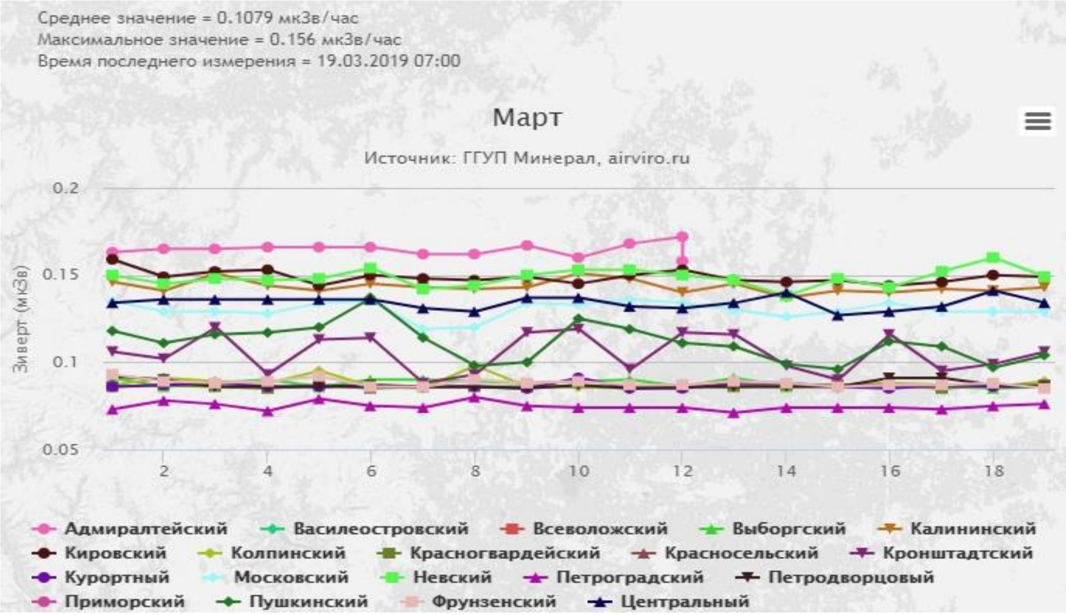
Постоянно проводится инвентаризация радиоактивных веществ (РВ) предприятий, где имеются реакторы и их носители, термоядерные установки, ускорители заряженных частиц, генераторы нейтронов, радиоизотопные установки, гамма-дефектоскопы. [3, стр. 48]

Наибольшей насыщенностью опасными объектами (1 и 2 групп) характеризуется Калининский район, а наибольшее количество ИИИ всех групп приходится на Центральный и Адмиралтейский районы. В 2017 году продолжалось радиоэкологическое обследование объектов социальной сферы города. При обследовании выявлено 3 радиоактивных аномалии с мощностью дозы гамма-излучения свыше предельно допустимой. Аномалии обусловлены предметами со светосоставом постоянного действия. Все предметы изъяты для захоронения.

Полностью завершено радиоэкологическое обследование всех ВУЗов города. В ходе обследования выявлены участки радиоактивного загрязнения, объединяющих более 950 источников ионизирующего излучения (ИИИ) с максимальной мощностью дозы гамма-излучения до 100 мР/ч. Источники излучения представлены в основном предметами, приборами со светосоставом постоянного действия (СПД). [4, стр.66]

Одновременно с обследованием проводилась дезактивация и сдача на захоронение выявленных ИИИ. Среди них образцы горных пород и химических реактивов, содержащих естественные радионуклиды, приборы со встроенными в них ИИИ и приборы с неустановленной природой радиоактивности.

В настоящее время разрабатывается новый сервис, который обрабатывает данные об уровне радиации с постов АСКРО по районам города. На рисунке 3 представлена радиационная обстановка по районам города, которая наблюдалась в марте 2019 г.



Радиационная обстановка в марте 2019 г.
https://zivert.spb.ru/

Радиационная обстановка в городе на протяжении последних пяти лет не менялась. Главную роль (>80%) в облучении населения радоном и продуктами его распада играют природные источники. [1, стр.33].

Сведения о дозах облучения персонала предприятий и населения отражаются в ежегодных радиационно-гигиенических паспортах Санкт-Петербурга, анализ которых позволяет выбрать приоритетные мероприятия по сохранению здоровья населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Доклад об экологической ситуации в Санкт-Петербурге в 2017 году/ Под редакцией И.А. Серебрицкого – СПб.: ООО «Сезам-принт», 2018. 158 с.
2. Доклад об экологической ситуации в Санкт-Петербурге в 2016 году / Под редакцией И.А. Серебрицкого – СПб.: ООО «Сезам-принт», 2017. 158 с.
3. Доклад об экологической ситуации в Санкт-Петербурге в 2015 году/ Под редакцией И.А. Серебрицкого – СПб.: ООО «Сезам-принт», 2016. 158 с.
4. Доклад об экологической ситуации в Санкт-Петербурге в 2014 году/ Под редакцией И.А. Серебрицкого – СПб.: ООО «Сезам-принт», 2015. 158 с.
5. Охрана окружающей среды, природопользование и обеспечение экологической безопасности в Санкт-Петербурге в 2013 году/Под ред. И.А.Серебрицкого. - СПб.: ООО"Балтийская волна", 2014.- 436 с.

STORM EROSION OF ARCTIC COASTS UNDER THE COMBINED ACTION OF THERMAL AND MECHANICAL FACTORS

Marakhtanov V.

Candidate of geographical Sciences, senior researcher at the laboratory of Genecology of the North, faculty of geography, Lomonosov Moscow state University, Moscow

ШТОРМОВОЙ РАЗМЫВ АРКТИЧЕСКИХ ПОБЕРЕЖИЙ ПРИ СОВМЕСТНОМ ВОЗДЕЙСТВИИ ТЕПЛОВОГО И МЕХАНИЧЕСКОГО ФАКТОРОВ

Марахтанов В.П.

К.геогр.н., старший научный сотрудник лаборатории геоэкологии Севера географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Abstract

The method of account of the joint effect of the sum of positive air temperatures and periodic storms on the rate of retreat of coastal slopes, composed of loose permafrost rocks. The basis of this technique is the notion of a "thermo mechanical thawing soil". The effect of thermal and mechanical factors is determined by the value of the special index calculated from the data of meteorological observations. In the Marre-Sale region on the Yamal Peninsula this figure correlates closely with the magnitude of retreat of the coast during 1979 – 2009.

Аннотация

Предложена методика учета совместного воздействия суммы положительных температур воздуха и периодических штормов на скорость отступания береговых откосов, сложенных рыхлыми мерзлыми породами. В основе методики лежит понятие «термомеханическое оттаивание грунта». Степень воздействия теплового и механического факторов определяется через величину специального показателя, рассчитываемого по метеоданным. В районе Марре-Сале на полуострове Ямал этот показатель имеет тесную корреляцию с величиной отступания берега за 1979 – 2009 г.г.

Keywords: Arctic coast, storm erosion, thermomechanical thawing of soil, entropy

Ключевые слова: арктическое побережье, штормовой размыв, термомеханическое оттаивание грунта, энтропия

Тепловой и механический фактор играют главную роль в развитии деструктивных природных процессов на арктических побережьях, сложенных рыхлыми многолетнемерзлыми породами (ММП) или льдом. Это находит отражение даже в самом названии указанных процессов – термоабразия, термоденудация, термоэрозия. Важно отметить, что воздействие тепловой энергии во всех этих процессах опережает воздействие механической, поскольку «Размыв ММП в естественных условиях происходит только по мере их оттаивания» [1, стр. 37] . Другими словами, деструкция породы происходит по схеме «оттаивание-снос», причем процесс может иметь циклический характер [2].

Считается, что при штормовом размыве берегов арктических морей основным процессом является термоабразия, при которой «механическое и тепловое воздействия водных масс на ММП береговой зоны неразрывно связаны» [1, стр. 6]. В ряде работ, содержащих определение понятия термоабразии [1,3,4,5], говорится, что при этом процессе морская вода непосредственно контактирует с размываемой ей толщей ММП. Исходя из такого подхода, «не следует также тепло воздушных масс и солнечную радиацию считать агентами термоабразии» [1, стр. 6]. а размыв и отступание берега должны обусловливаться образованием абразионных ниш в ММП под воздействием волнения и вдольбереговых течений с последующим обрушением мерзлых блоков и размывом их морской водой. О возможном эффекте такого процесса можно, например, судить по данным из [6], согласно которым шторм продолжительностью 156 часов выработал в песчано-алевритовых ММП термоабразионные нищи глубиной до 10 - 12 м, а на 2-километровом участке берега обрушились блоки грунта длиной до 25 - 30 м и шириной до 8 - 10 м.

«Однако реальный механизм разрушения берегов далеко не всегда ограничивается процессом термоабразии. Для побережья Карского моря, скорее наоборот, термоабразия является всего лишь одним из механизмов разрушения берегов» [7, стр. 60]. Так, в летний период, в промежутках между штормами, происходит оттаивание ММП, слагающих склон, под воздействием тепла воздушных масс и солнечной радиации. Часть оттаявшего грунта сносится вниз под действием гравитации (термоденудация), а большая часть (особенно на склонах с малольдистыми ММП), формирует относительно устойчивый сезонно талый слой (СТС). При каждом шторме «Динамическое воздействие вод на оттаявшие породы приводят к размыву СТС и продуктов денудации в основании берега. Вследствие этого лежащие выше по склону отложения СТС лишаются опоры, сплывают вниз к подножию берегового уступа» [8, стр. 78]. Поскольку при этом склон отступает только под динамическим воздействием моря, Л.А. Жигарев считает такой процесс абразионным, а не термоабразионным [8]. По нашему мнению, в данном случае мы имеем дело с термоабразией, так как отступание склона происходит под совокупным (хотя и разделенным во времени) воздействием термического (тепло воздуха, формирующее СТС) и механического (морская абразия, размывающая СТС) факторов. Таким образом, мы вслед за Т.П. Кузнецовой и Т.Н. Каплиной считаем термоабразией разрушение берегов, сложенных ММП, в результате механического и термического воздействия морской воды, а также под действием тепла воздушных масс [1, стр. 5].

Периодический штормовой размыв СТС береговых откосов как основной фактор их отступания широко распространен на участках побережий арктических морей, сложенных эпигенетически промерзшими песчано-глинистыми грунтами сравнительно небольшой (порядка 20 – 40 %) льдистости. Подобные берега, например, характерны для Карского моря [7]. На морях восточного сектора российской Арктики общая протяженность таких берегов составляет, более 3000 км [9].

С целью изучения последствий штормового размыва берегового откоса крутизной 40 – 50°, сложенного с поверхности песчано-алевритовыми грунтами СТС, на юго-западном берегу Байдарацкой губы нами были проведены экспериментальные работы в октябре 1993 г. На трех профилях до начала осеннего штормового периода через каждые 1,5 м была измерена мощность СТС. Сильный шторм при скорости ветра до 20 м/с наблюдался 3 – 5 октября 1993 г. Он сопровождался нагоном воды, достигавшим подножия береговых откосов. В результате воздействия штормовых волн продукты денудации были унесены в море, а на склоне обнажились мерзлые породы. В табл. 1 показана мощность СТС до и после шторма.

Табл. 1

Мощность слоя оттаявших отложений береговых откосов

№№ точек	Мощность сезонноталого слоя, см					
	Профиль № 1		Профиль № 2		Профиль № 3	
	до шторма	после шторма	до шторма	после шторма	до шторма	после шторма
1	65	25	130	30	>0	50
2	105	0	>150	0	145	0
3	>150	0	>150	0	150	35
4	135	0	>150	0	150	75
5	110	0	>150	0	155	65
6	75	0	>150	0	135	60
7	45	60	85	70	65	46
8	55	55	-	-	-	-

В основании берега были размыты мерзлые породы с формированием термоабразионных ниш. На профиле № 1 глубина ниш составила 1,0 -1,5 м, на профиле № 2 глубина 2,5 – 4,0 м, высота по краю откоса 2,0 м, на профиле № 3 глубина 2 м, высота 1,1 м. К западу от профиля № 3 глубина ниш не превышала 0,5 м.

Расчеты количества материала, унесенного в море с берега, показали, что его основная часть (70 - 75 %) уносится уже в рыхлом состоянии под воздействием гидродинамических факторов (штормового волнения и волнового прибойного потока) и только 25 – 30 % размывается под воздействием термического (температура воды) и гидродинамического факторов. При этом над термоабразионными нишами впоследствии не происходило блоковых обрушений мерзлого грунта, т.е. термоабразия «в чистом виде» на скорость отступания берегового откоса не влияла. Унесенный морем рыхлый материал представлен грунтами СТС, из которых меньшая часть образована продуктами термоденудации, скопившимися у подножия откоса до начала шторма, а большая – грунтами СТС, смытыми со склона во время шторма.

Таким образом, значительный вклад в отступание арктических берегов, сложенных ММП песчано-глинистого состава, в большинстве случаев вносят:

- тепловая энергия воздушных масс;
- механическая энергия моря.

Для конструктивного исследования воздействия этих факторов на динамику арктических побережий необходимо использовать их количественные показатели, значения которых можно сопоставлять с величиной отступания берега в тех или иных условиях. Тепловой фактор можно оценить количественно через сумму положительных температур воздуха $\sum t$. Этот параметр выражается через произведение температуры

(°*C*) на время (секунды, часы, сутки и т.д.). Мы в дальнейшем будем использовать в качестве времени сутки, т.е. выражать тепловой фактор через сумму положительных температур *°C·сут.* Для оценки механического фактора разные исследователи применяли различные показатели: ветроволновая энергия [10], условная волновая энергия [11], повторяемость штормов [12]. Важную роль играют параметры ветра (скорость и направление), определяющие возможность возникновения волнения, способного вызывать размыв береговых откосов. Согласно [9], процесс эрозии берегов реализуется при штормовых ветрах морских румбов скоростью более 10 м/с, которые генерируют волнение, направленное к побережью. Особую ценность для исследований представляют работы, в которых изложены результаты многолетних измерений скорости отступания берега в совокупности со значениями (в том же временном интервале) обозначенных выше показателей теплового и механического факторов, например, [7, 11, 13].

Там представлены многолетние (1979 – 2010 г.г.) данные, полученные на специально оборудованном стационаре на западном побережье Ямала в районе полярной станции Марре-Сале. На участке берега протяженностью 4,5 км было оборудовано более 60 створов. Начиная с 1979 г., ежегодно в конце теплого сезона по каждому створу проводились измерения расстояния от кромки берегового обрыва до ближайшего пикета на створе [11]. Было изучено геологическое и геокриологическое строение клифа, содержание льда, морфология клифа и прилегающего участка морского дна, механизм и скорость разрушения берега [7, 11]. Размыву подвергаются отложения марресальской свиты, представленные глинами с прослоями алевритов и тонкозернистых песков, со льдистостью глин преимущественно 0,1 – 0,2, местами с пластовыми льдами двух генераций – нижней (2 – 5 м над уровнем моря) с мощностью льда 1 – 2 м и верхней (на высоте около 20 м над уровнем моря, на контакте с вышележащей толщей песков ненецкой свиты) мощностью 2,5 – 3,5 м [11].

В табл. 2 представлены многолетние (осредненные по створам) данные по скорости отступания берегового откоса *H*, сумме положительных температур воздуха $\sum t$ и величине ветроволновой энергии *E* на Марре-Сале. Скорость отступания заимствована из [11] (данные за 1979 – 2000 г. г.) и [13] (данные за 2001 – 2009 г. г.). Сумма положительных температур получена на сервере «Погода России», ветроволновая энергия определена по графику [14, рис. 7]. Для интервалов в несколько лет в табл. 2 приведены осредненные данные за соответствующий интервал.

Табл. 2

Многолетние данные по Марре-Сале за период 1979 – 2009 гг.

Годы	1979	1980	1981	1982-1984	1985-1986	1987-1988	1989-1990	1991	1992-1993	1994-1995	1996	1997
H, м	1	1,5	1	2,2	1,7	2	3,3	1,9	1,7	1,9	1,2	0,8
$\sum t$., ^{0}С·сут	663	365	657	719	586	681	825	744	672	820	544	-
E *10^5	10,1	9,0	3,5	8,5	8,8	10,5	10,3	11,6	9,8	17,2	9,2	10,7
Годы	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
H, м	1,3	0,5	0,8	1,1	1,4	0,9	1,3	1,45	2,8	2,1	2,8	1,5
$\sum t$., ^{0}С·сут	603	393	773	708	627	784	808	849	718	827	795	802
E *10^5	6,0	8,0	5,3	5,0	5,1	4,0	4,3	18,4	8,3	11,4	12,0	15,8

По данным табл. 2 автором были определены коэффициенты корреляции *r* между скоростью отступания берега *H* и суммой положительных температур воздуха $\sum t$, а также между *H* и величиной *E* *10^5. В первом случае r = 0,40, во втором r = 0,35. Результаты эти свидетельствуют об отсутствии значимой связи скорости отступания берега с используемыми показателями теплового и механического фактора. Несущественная роль показателя $\sum t$ в динамике берегов Карского моря отмечается в [7, 13]. В [9] термические характеристики атмосферы причисляются к основным природным факторами, определяющими динамику береговой криолитозоны. Там предложена методика оценки влияния средней температуры воздуха безледного периода на предложенный С.О. Разумовым параметр неустойчивости, который «…характеризует потенциальную способность криогенных берегов разрушаться с той или иной интенсивностью под воздействием активных внешних факторов в данных климатических и геокриологических условиях» [9, стр. 87]. В то же время напрямую определить зависимость скорости отступания берега от суммы положительных температур воздуха в рамках предложенной методики не представляется возможным.

В свете существующих представлений, главную роль в эрозии морских арктических берегов играет волновая деятельности моря, причем характер этой деятельности различными исследователями оценивается по-разному. Так, в [7, 11] говорится об основном вкладе невысоких волн, поскольку повторяемость штормов с высотой волны 1 м и более не превышает 5 %. В этих работах приведены графики зависимости скорости отступания берега на Марре-Сале (см. табл. 2) от суммарной энергии волн. Корреляция между этими показателями составляет 0,7 – 0,8. Корреляция между энергией штормов и скоростью отступания берега равна всего лишь 0,1 [7]. В то же время в [9] считается, что «Наиболее весомое влияние оказывают дрейфующие льды и повторяемость разрушительных штормов. Их совместный вклад в динамику берегов составляет приблизительно 70 % от общего влияния всех основных факторов» (стр. 86).

Установленный ранее факт большего вклада в штормовой размыв арктических побережий механического (энергия морского волнения) фактора по сравнению с тепловым (сумма положительных температур воздуха) был предопределен методическими особенностями предшествующих исследований, а именно рассмотрением воздействия каждого фактора изолированно от другого. Подобная односторонность может быть преодолена в рамках концепции термомеханического оттаивания грунта, когда тепловой и механический фактор учитываются совместно [2].

Термомеханическое оттаивание – «*циклический процесс послойного оттаивания и удаления грунта при совокупном воздействии тепловой энергии воздушных или водных масс и механической энергии земного тяготения или движущейся воды*» [2]. Примером проявления термомеханического оттаивания служит периодический размыв штормами береговых откосов, сложенных дисперсными мерзлыми породами.

Данный процесс может подразделяться на несколько циклов «оттаивание берегового откоса – размыв оттаявшего слоя грунта морскими волнами при шторме». Суммарная толщина оттаявшего и удаленного слоя (величина термомеханического оттаивания) может в несколько раз превосходить толщину слоя сезонного оттаивания грунта при отсутствии размыва [2]. Это различие зависит от степени неоднородности распределения суммы положительных температур между циклами – энтропии *I*, которую можно рассчитать по известной в информатике формуле Шеннона:

$$I = -\sum_{i=1}^{N} p_i \log_2 p_i \qquad (1),$$

где *N* – количество циклов «оттаивание - штормовой размыв», $p_i = \sum t_i / \sum t$, $\sum t_i$ – сумма положительных температур воздуха в течение данного цикла, $\sum t$ – сумма положительных температур воздуха за время оттаивания берегового откоса. Для учета не только неоднородности распределения тепла, но и его количества, можно использовать произведение $\boldsymbol{I\sum t}$. В этом произведении **совместно** учитываются воздействие механического (через I) и теплового (через $\sum t$) факторов на штормовой размыв берега.

Возможность использования подобного подхода для совместного учета теплового и механического факторов при прогнозе величины штормовом размыве берегового откоса, сложенного ММП, лучше всего пояснить на следующем примере. Допустим, мы располагаем данными о среднесуточных температурах воздуха в летний период в районе берегового откоса, сложенного глинистой толщей со следующими характеристиками: среднегодовая температура грунта t_ξ = –5 °С, теплота фазовых переходов при оттаивании грунта Q = 84000 кДж/м^3, теплоемкость С = 2100 кДж/м^3·°С, λ = 1,5 Вт/м·°С. Необходимо определить величину штормового размыва при двух вариантах. В обоих случаях число штормов равно трем, но распределены они во времени неодинаково. При варианте I штормы происходят в конце июня, в конце июля и в конце второй декады сентября, при варианте II – в конце августа и по окончании первой и второй декад сентября. Сумма положительных температур за теплый сезон $\sum t$ равна 1100 *°С·сут*. Исходные данные и результаты расчетов представлены в табл. 3.

Табл. 3

Прогноз величины штормового размыва берегового откоса при различных вариантах взаимодействия теплового о механического факторов

Месяц	Декада	Среднесуточная температура воздуха, °С	Сумма температур, ^{0}С·сут		Величина оттаивания и сноса, м	
			за декаду	накопленная на конец декады	I вариант	II вариант
Июнь	I	5	50	50	0,19	0,19
	II	8	80	130	0,41	0,41
	III	12	120	250	0,63	0,63
Июль	I	12	120	370	0,79	0,79
	II	15	150	520	0,45	0,93
	III	15	150	670	0,71	1,03
Август	I	13	130	800	0,85	1,09
	II	10	100	900	0,34	1,12
	III	8	80	980	0,52	1,15
Сентябрь	I	6	60	1040	0,62	0,23
	II	4	40	1080	0,68	0,34
	III	2	20	1100	0,71	0,09
Суммарная величина размыва H, м					2,35	1,58
Термомеханический коэффициент $G = H/\xi$ (ξ = 1,18 м)					2	1,34
Энтропия I					1,57	0,57
$I\sum t$.					1757	625

Расчет величины оттаивания грунта в зависимости от суммы положительных температур, приведенной в табл. 3, выполнялся по формуле В.А. Кудрявцева [15, формула (4.1.9)]. Для возможности расчете величины оттаивания грунта в зависимости от суммы положительных температур эта формула была модифицирована [2]. В ней вместо параметра A_0 использовался параметр $|t_\xi| + U$, в котором U вычислялось по эмпирической формуле [2]:

$$U = 2{,}59\cdot10^{-9}\sum t^3 - 9{,}48\cdot10^{-6}\sum t^2 + 0{,}01356\sum t. \quad (2)$$

В табл. 3 в клетках с темным фоном представлена толщина оттаявшего слоя, который был смыт под воздействием шторма. Величина термомеханического коэффициента G показывает, во сколько раз толщина смытого слоя больше мощности СТС (ξ) при отсутствии размыва [2].

Для оценки влияния параметра $I\sum t$ на интенсивность штормового размыва была выполнена соответствующая обработка климатических данных метеостанции Марре-Сале за период 1979 – 2009 г.г. По каждому году было вычислено значение энтропии I на основе использования ежедневных данных по положительной температуре воздуха и датах штормовых ветров морских румбов со скоростью более 10 м/сек, с продолжительностью не менее суток. Величина $\sum t$ бралась из табл. 2. На рис. 1 показана зависимость годового отступания берега H (табл. 2) от величины $I\sum t$.

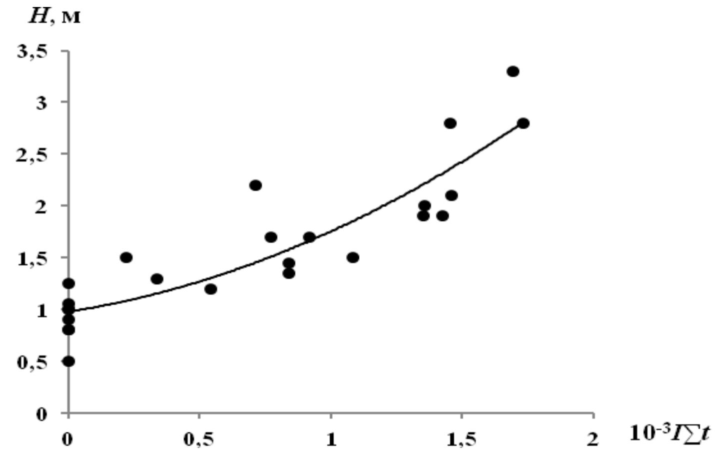


Рис. 1. Зависимость скорости отступания берега H от параметра I∑t

Коэффициент корреляция между $I\sum t$.и H равен 0,9 Аппроксимирующая формула:

$$H\text{, м} \approx 0{,}38(10^{-3}BI)^2 + 0{,}39(10^{-3}BI) + 1 \qquad (3).$$

На рис. 2 представлена рассчитанная по изложенной выше методике динамика оттаивания ММП и отступания берегового откоса на Марре-Сале в 2006 г. Число циклов «оттаивание - штормовой размыв» (по метеоданным) равнялось 9, $\sum t = 718$ (табл. 2), $I = 2{,}416$, $I\sum t = 1735$.

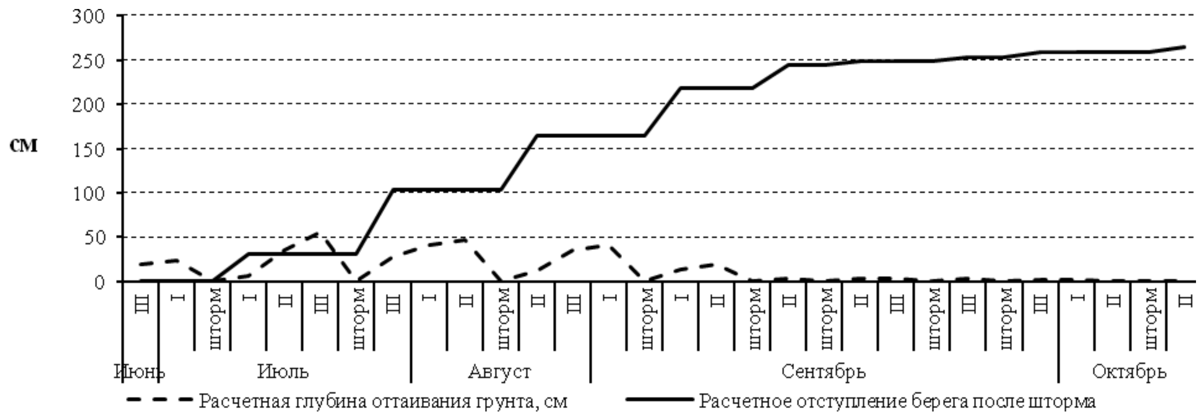


Рис. 2. Расчетная динамика берегового откоса на Марре-Сале в 2006 г

Величина отступания откоса после каждого шторма рассчитывалась как частное от деления толщины размытого (оттаявшего) слоя на синус угла склона, принятого равным 50^0. По расчету берег отступил на 2,65 м. Фактическое отступание в 2006 г. составило 2,8 м (см. табл. 2). Подобные графики можно построить по каждому году, для которого имеются соответствующие исходные данные для расчета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арэ Ф.Э. Основы прогноза термоабразии берегов. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1985. 172с.
2. Марахтанов В.П**.** Термомеханическое оттаивание грунтов (понятие и методика расчета) // Криосфера Земли. 2006. Том X. № 4. С. 59 – 67.
3. Романовский Н.Н. К вопросу о формах разрушения берегов о. Большого Ляховского. – В кн. Новосибирские острова. Л.: Морской транспорт, 1963. С. 54 – 66.
4. Арэ Ф.Э. Развитие рельефа термоабразионных берегов // Известия АН СССР. Серия география. 1968. № 1. С. 92 – 100.
5. Сафьянов Г.А. Динамика береговой зоны морей. М.: МГУ,1973. 175 с.
6. Жигарев Л.А., Новиков В.Н., Попов Б.А., Совершаев В.А. Исследование береговой зоны Арктических морей // Вестник МГУ. Серия 5, география. 1984. № 3. С. 45 – 50.
7. Васильев А.А., Стрелецкая И.Д., Черкашев Г.А., Ванштейн Б.Г. Динамика берегов Карского моря // Криосфера Земли. 2006. Том X. № 2. С. 56 – 67.
8. Жигарев Л.А. Роль термоабразии и термоденудации в разрушении берегов // Береговые процессы в криолитозоне. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1984. С. 77 – 81.
9. Григорьев М.Н., Разумов С.О., Куницкий В.В., Спектор В.Б. Динамика берегов восточных арктических морей России: Основные факторы, закономерности и тенденции // Криосфера Земли. 2006. Том X. № 4. С. 74 – 94.
10. Попов Б.А., Совершаев В.А. Принципы выбора исходных данных для расчета потоков волновой энергии // Береговая зона моря. М.: Наука, 1981. С. 47 –52.

11. Васильев А.А., Покровский С.И., Шур Ю.Л. Динамика термоабразионных берегов Западного Ямала // Криосфера Земли. 2001. Том V. № 1. С. 44 – 52.

12. Разумов С.О. Модель эрозии льдистых морских берегов в условиях многолетних колебаний средней летней температуры воздуха и стационарной повторяемости штормов // Криосфера Земли 2003. Том VII. № 4. С. 39 – 50.

13. Васильев А.А., Широков Р.С., Облогов Г.Е., Стрелецкая И.Д. Динамика морских берегов западного Ямала // Криосфера Земли. 2011. Том XV. № 4. С. 72 – 75.

14. SPE 166927 Алексей Вергун, Алиса Баранская, Наталия Белова, Анатолий Камалов, Осип Кокин, Дмитрий Кузнецов, Наталья Шабанова, Станислав Огородов. Мониторинг динамики берегов Баренцева и Карского морей // Конференция SPE по разработке месторождений в осложненных условиях и Арктике 15 – 17 октября 2013 года в Москве, Россия.

15. Основы мерзлотного прогноза при инженерно-геологических исследованиях. М.: МГУ, 1974. 431с.

HISTORICAL SCIENCES

"THE DEATH OF THE ELITE". THE SWEDISH GUARD IN THE BATTLE OF POLTAVA ON JUNE 27 (JULY 8), 1709.

Bespalov A.V.
Associate Professor, PhD in History,
Professor of the Department of History and Economic Theory,
Academy of State Fire Service EMERCOM of Russia,
Moscow, Russia

"ГИБЕЛЬ ЭЛИТЫ". ШВЕДСКАЯ ГВАРДИЯ В СРАЖЕНИИ ПОД ПОЛТАВОЙ 27 ИЮНЯ (8 ИЮЛЯ) 1709 ГОДА.

Беспалов А. В.
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и экономической теории, доцент,
Академия государственной противопожарной службы МЧС России,
г. Москва, Россия

Abstract

In this article, based on an analysis of previously published documents, biographical reference books, regimental histories, scientific monographs and articles, the actions of the Swedish Royal Guard in the Battle of Poltava (1709), as well as the loss of its officer corps during this battle, are considered.

Аннотация

В данной статье на основе анализа ранее опубликованных документов, биографических справочников, полковых историй, научных монографий и статей рассматриваются действия шведской королевской гвардии в Полтавском сражении (1709 г.), а также потери её офицерского корпуса в ходе этой битвы.

Keywords*:* king, organization, history, guard, battle.

Ключевые слова: король, организация, история, гвардия, сражение.

В июле 2019 года исполняется 310 лет Полтавскому сражению, изменившему баланс сил на севере Европы в пользу России. Именно на полтавском поле во многом решился исход Великой Северной войны (1700-1721 гг.).

Для России итогом участия в коалиции европейских стран, направленной против Швеции стало не только возвращение ранее утраченных земель, закрепление за собой широкого выхода к Балтийскому морю и превращение в великую державу, но и приобретение бесценного опыта в международных отношениях *[10,C.4]*.

Для Швеции Полтава на долгое время оставалась незаживающей раной. На поле полтавской битвы погибла лучшая армия королевства, а вместе с ней и "элита элит"- королевская гвардия.

Задача автора статьи состоит в том, чтобы на основе анализа ранее опубликованных документов, биографических справочников, полковых историй, научных монографий и статей рассмотреть действия шведской королевской гвардии в Полтавском сражении (1709 г.), а также потери её офицерского корпуса в ходе этой битвы.

К 1709 году корпус королевской гвардии Швеции состоял из трех кавалерийских и одного пехотного соединения, общей численностью 5900 человек.

Своим появлением гвардия Швеции обязана первому королю Швеции из династии Васа- Густаву I (1523-1560). Старейшим подразделением гвардии является корпус личных телохранителей короля – драбантов. В 1521 году,скрываясь от преследований датского короля Кристиан II (1513-1523 гг.), претендент на шведский трон Густав Васа, перемещался в сопровождении четырех верных дворян. Они и стали прообразом корпуса драбантов. В июне 1523 г. король Швеции Густав I (1523-1560) официально подписал указ о создании корпуса телохранителей Его Величества, которые «будут сопровождать высокую особу во всех церемониях и походах, будут стоять на страже у его изголовья…»*[33]*.

Численность корпуса драбантов определялась в 64 человека. При Карле IX (1604-1609 гг.) драбанты были развернуты в эскадрон, численностью в 200 человек*[33]*. В 1708 г. количество драбантов было сокращено до 150 человек. Традиционно главой корпуса был лично монарх.

Вплоть до 1618 г. корпус комплектовался исключительно из дворян шведского, финского и иностранного происхождения. Громкие победы в череде войн XVII века вывели Швецию в ряд «великих» европейских держав.

Территориальные приобретения в Северной Германии, Прибалтике и России сделали Шведское королевство многонациональным, что не могло не сказаться на составе корпуса драбантов.

В 1695 году в нем проходили службу 143 шведа, 29 финнов, 11 шотландцев, 4 лифляндца, 3 эстляндца и 10 немцев*[45,P.49]*.

Дворяне составляли около 56 % от общей численности корпуса. Остальные драбанты относились к выходцам из семей разночинцев.

К отбору в данное подразделение относились очень строго.

Во-первых, кандидат на службу должен был быть обязательно протестантом, умеющим читать, писать, считать. Следует отметить, что ряд телохранителей имел за плечами университетское образование.

Во-вторых, рост кандидата должен был составлять от 175 до 200 см.

В-третьих, будущий телохранитель должен был блестяще владеть холодным и огнестрельным оружием.

В-четвертых, его допускали в корпус только при представлении двух письменных рекомендаций*[25,С.28-32]*.

Предпочтение отдавали младшим офицерам, уже умеющим опыт участия в боевых действиях. Каждый драбант при зачислении на службу представлялся лично королю, и, он принимал окончательное решение в отношении его дальнейшей судьбы.

Карл XII ввел для своих телохранителей еще одно правило-он требовал, чтобы его «викинги» оставались холостяками.

В целом этот элитный корпус был предметом зависти для окружающих. Конкуренция была крайне высокой, но даже при таком положении вещей в корпусе служили целыми семьями, а зачастую и династиями. Это можно отнести к родам Хамильтонов, Врангелей из Адиналя, Хорнам, Дугласам и т.д.

Как мы уже указывали выше, капитаном корпуса лейб-драбантов являлся монарх. В данном случае речь идет о короле Карле XII.

Офицерами в корпусе состояли капитан-лейтенант (в чине генерал-майора), лейтенант (полковник), квартирмейстер (подполковник), шесть капралов (подполковников), шесть вице-капралов (майоров). Каждый рядовой драбант имел звание ротмистра (капитана). Кроме строевых чинов в корпус лейб-драбантов входили: аудитор, профос, пастор, цирюльник с помощником, два кузнеца, седельщик, оружейник и палочник*[45,P.46]*.

До 1702 г. драбанты имели защитное вооружение - нагрудные кирасы у унтер-офицеров, рядовых и двойные (т.е. защищавшие не только спину, но и грудь) у офицеров. В период Польской компании Карл XII упразднил кирасу в корпусе телохранителей. Король считал, что они являются малоэффективной защитой от пуль и только утомляют всадников и лошадей.

В период 1700-1709 гг. в корпусе сменилось четыре капитан-лейтенанта. Первым командиром драбантов при Карле XII стал граф Арвид Бернхард Хурн аф Экебюхольм. Он родился в семье полковника Густава Хурна и Анны Хелены фон Герттен 6 апреля 1664 года в усадьбе Вуорентака в Финляндии . 9 августа 1682 года был зачислен мушкетером в лейб-гвардии пеший полк. 9 июля 1683 года повышен в звании до сержанта. 7 марта 1685 года произведен в фенрихи. В 1686 году вышел в отставку и уехал в Венгрию. До 1693 года воевал под имперскими и нидерландскими знаменами. В 1693 году вернулся в Швецию. 31 декабря 1693 года произведен в капитаны гвардии. 7 февраля 1696 года пожалован чином лейтенанта корпуса лейб-драбантов Его Величества короля Швеции. Участник Великой Северной войны (1700-1721). За отвагу, проявленную в сражении с датчанами при Гумлебеке 18 июля 1700 года произведен в звание капитан-лейтенанта. В тот же день получил звание генерал-майора кавалерии и был возведен в баронское достоинство. В сражении под Нарвой (1700) во главе драбантов, опрокинул, стоящие на валу русские армейские полки, но завяз в бою с русской гвардией. В сражении на Двине (1701) лихой атакой опрокинул саксонских кирасир и захватил шесть вражеских орудий. был ранен в руку пулей. Участник польского похода (1702-1706). В битве под Клишовым (1702) с польско-саксонскими войсками получил ранение копьем, но поле боя не оставил.11 января 1704 года произведен в генерал-лейтенанты. Отправлен в качестве шведского представителя на сейм в Варшаву, на котором действовал в пользу Станислава Лещинского. После сдачи Варшавы (1704) войскам осадившего её Августа II попал в плен, но в 1705 году по обмену он был освобождён и вернулся в Швецию. 27 декабря 1705 года назначен королевским советником*[18, С.176-177]*.

Его сменил граф Карл Густав Врангель из Адиналя, внук знаменитого шведского фельдмаршала графа Карла Густава Врангеля. Он родился 30 ноября 1667 года в Стокгольме. Высшее образование получил в Упсальском университете. Службу начал в лейб-гвардии пешем полку в звании фенриха 26 мая 1688 года. В составе шведского вспомогательного корпуса на нидерландской службе принял участие в войне за пфальцское наследство (1688-1697). В 1691 году перешел на французскую службу в звании лейтенанта полка королевской гвардии. 19 марта 1694 года произведен в капитаны гвардии. В 1694 году вышел в отставку и вернулся в Швецию. 15 января 1695 года назначен лейтенантом корпуса лейб-драбантов Его Величества (что равнялось армейскому званию полковника). С начала Великой Северной войны (1700-1721) при особе короля Карла XII. 2 июля 1706 года произведен в чин капитан-лейтенанта корпуса лейб-драбантов (генерал-майора кавалерии). Умер 29 мая 1707 года в Саксонии от полученных ранее ран*[18, С.42-43]*.

Выбывшего из строя графа заменил его кузен-Отто Магнус Врангель из Адиналя. Отто Магнус Врангель, внучатый племянник фельдмаршала графа Карла Густава Врангеля, родился в 1670 году в Ревеле, в семье капитана Тавастгустского пехотного полка Рейнгольда Врангеля.Учился в Рижском университете. Службу начал в 1685 году в чине ротмистра Эстляндского адельсфана. С 1696 по 1700 гг. на саксонской службе. Воевал с турками в 1696-1697 гг. 18 июля 1700 года пожалован званием лейтенанта корпуса лейб-драбантов Его Величества.

С начала Великой Северной войны (1700-1721) при особе короля Карла XII. После смерти троюродного брата 12 августа 1707 года произведен в чин капитан-лейтенанта корпуса лейб-драбантов (генерал-майора кавалерии). Погиб в сражении при Головчино 4 июля 1708 года*[18, С.43]*.

Новым командиром драбантов стал граф Карл Густав Хорд аф Сегестад. Именно он и выведет драбантов на полтавское поле.

Родился граф 11 июня 1674 года в имении Фогелас в Скараборгском лёне в семье обер-коменданта Мальмё генерал-лейтенанта Юхана Хорда аф

Сегестад и баронессы Карин Стаке. 1 ноября 1684 года поступил в университет Лунда. Военную карьеру начал 7 февраля 1696 года в чине фенриха лейб-гвардии пешего полка. В том - же году в составе дипломатической миссии выехал в Нидерланды, где и поступил на службу во французскую армию. В 1699 году вернулся в Швецию. Участник Великой Северной войны (1700-1721). 5 июля 1700 года зачислен рядовым в корпус лейб-драбантов Его величества короля Швеции. 14 сентября 1700 года Хорд получил звание капрала драбантов. 12 декабря 1703 года был назначен генерал-адъютантом кавалерии, а 11 июня 1706 года произведен в полковники Вестгётландского сословного драгунского полка. Однако к новому месту службы так и не доехал, оставаясь при особе монарха. 8 ноября 1706 года Хорд получил чин лейтенанта корпуса лейб-драбантов. После гибели в сражении у Головчино 4 июля 1708 года капитан-лейтенанта барона Отто Магнуса Врангеля аф Адиналя, Хорд исполнял обязанности капитан-лейтенанта корпуса драбантов*[18, С.185-192]*.

Второй по старшинству гвардейской частью являлся лейб-гвардии пеший полк, созданный в 1523 году.

Лейб-гвардии пеший полк (Livgarde till fot) в отличие от полков индельты вербовался из добровольцев во всех ленах Швеции на постоянной основе. До 1703 г. полк состоял из трех, а с 1703 г. - из четырех батальонов. Три батальона (1-й, 2-й, 3-й) полностью состояли из мушкетеров и пикинеров, а 4-й батальон - из гренадеров. Всего в полку насчитывалось 24 роты (из них 6 - гренадерских). Одна рота постоянно находилась в Стокгольме, неся охрану королевского дворца. По своему штату гвардейские роты были меньше армейских. Они состояли из трех офицеров, 6 унтер-офицеров, 108 рядовых и 3 музыкантов. Рота делилась на 6 дивизионов по 18 рядовых, в том числе 2 дивизиона пикинеров (36 чел.) и 4 дивизиона мушкетеров (72 чел.). В батальоне насчитывалось 648 человек*[32,P.45]*.

К началу русского похода (август 1707 г.) гвардейский полк насчитывал 2592 рядовых, а включая унтер-офицеров, офицеров, музыкантов и нестроевых - 3000 человек. Лейб-гвардейский полк являлся офицерской школой, так как через него проходило до 40% всего офицерского состава шведской армии, производившегося в офицерские чины из состава рядовых и унтер-офицеров гвардии*[32,P.41]*.

Длительное время Лейб-гвардии пеший полк возглавлял граф Кнут Поссе, являвшийся одним из наставников наследного принца, а затем и короля Карла XII. Этот выпускник Упсальского университета начал свою карьеру в качестве пажа, а затем и камер-пажа короля Карла XI. В 1673 году начал свою службу в полку пешей гвардии в звании фенриха. Участвовал в его составе в сражениях Сконской войны (1675-1679 гг.). Был ранен в битве при Лунде в 1676 году. 21 июня 1679 года повышен в звании до майора гвардии. 8 мая 1685 года произведен в подполковники. С 10 августа 1696 года полковник корпуса лейб-драбантов и лейб-гвардии пешего полка. 24 октября 1696 года возведен в баронское достоинство. 18 июля 1700 года получил звание генерал-майора. Участвовал в высадке в Зеландии (1700), сражениях при Нарве (1700), на Двине (1701), при Клишове (1702) где был тяжело ранен. 5 апреля 1703 года произведен в генерал-лейтенанты. Участвовал в осаде Торна (1703). Назначен королевским советником и генерал-губернатором Стокгольма 5 декабря 1705 года. 25 июня 1706 года возведен в графское достоинство (№51)*[18,С.115-116]*.

На посту командира полка его в 1706 году сменил племянник- Карл Магнус Поссе. За его плечами была длительная служба под французскими знаменами. С 1700 года Карл Магнус Поссе в рядах Лейб-гвардии пешего полка прошел все ступени службы, начиная с командира роты. Поэтому выбор короля был очевиден. В 1708 году граф был ранен в сражении при Головчино.

Третьей по старшинству гвардейской частью являлся Конный лейб-регемент Его Королевского величества ***(Livregementet till häst)***, сформированный в 1667 году.

Полк состоял из 3 эскадронов (12 рот)*[1,Pp.400-407]*. Относился к полкам "индельты". Набирался из лёнов Вестманланд, Уппланд, Сёдерманланд и Нёрке-Вермланд.

По штату каждая рейтарская рота состояла из 125 человек (124 рядовых и одного трубача). Организационно она делилась на 3 взвода: отборный, штандартный и замковый. Каждый взвод делился на 3 отделения, т.е. всего в роте было 9 отделений, которые состояли из рядов, причем 6 отделений имели по 5 рядов, а остальные 3 по 4 ряда. Всего в роте 42 ряда, в том числе 40 - по три рядовых и два - по два рядовых*[1,Pp.103-105]*.

На каждую роту полагалось по два ротмистра, два лейтенанта, два корнета, штандарт-юнкер, два квартирмейстера и 5 капралов. В нестроевой состав роты входили: пастор, писарь, профос, кузнец. В первых трех ротах, как и в пехоте, командирами считались штаб-офицеры - полковник, подполковник, два майора. Назывались и нумеровались конные роты точно так же, как и в пехоте. В полку, кроме того, состояли: полковой квартирмейстер, полковой адъютант, штаб-трубач, литаврщик, фельдшер с двумя помощниками, оружейник и мастер-седельщик*[1,Pp.98-99]*.

Лейб-регимент имел по штату в 12 ротах 1500 человек (1488 рядовых и 12 трубачей)*[32,Pp.33-34]*. Кроме того, при каждом полку было 33 ротных денщика, 157 офицерских слуг и 200 обозников.

До 1706 года полком командовал граф Якоб Спенс. Якоб Спес родился в Эстгётерланде в 1656 году. 1 декабря 1662 года поступил в университет Упсалы. После окончания университета, продолжил обучение в Страсбурге с 26 апреля 1671 года. 22 июля 1674 года зачислен корнетом в конный лейб-регимент. 27 марта 1675 года повышен в звании до капитана. 10 сентября 1675 года назначен лейтенантом корпуса лейб-драбантов Его величества. Участник Сконской войны (1675-1679). 23 декабря 1676 года произведен в подполковники Шведско-Финляндского адельсфана. 18 февраля 1680 года произведен в капитан-лейтенанты корпуса лейб-драбантов с сохранением ранга подполковника. В 1688-1693 гг. воевал во Фландрии в составе шведского вспомогательного корпуса на нидерландской службе. 28 декабря 1693 года произведен в полковники и назначен командиром

Конного лейб-регимента. 4 июля 1698 года произведен в генерал-майоры. Участник Великой Северной войны (1700-1721). 11 мая 1701 года был произведен в генерал-лейтенанты. С 9 января 1704 года генерал от кавалерии и генерал-инспектор армии в Швеции. Вышел в отставку с военной службы в 1706 году*[18,С.158]*.

На посту командира полка его заменил барон Карл Густав Крейтц. Он родился 25 января 1660 года в Фалуне в имении Таксхаммар. В двухлетнем возрасте зачислен лейтенантом в Лейб-гвардейский конный полк. В 1674 году стал студентом Уппсальского университета. В 1675 году вступил камер-пажом на придворную службу и вместе с Карлом XI отправился в военный поход во время войны с Данией в 1675—1679 годах.. 1 сентября 1677 года произведен в капитан-лейтенанты Карельского кавалерийского полка фон Меллина. 12 сентября 1679 года пожалован ротмистром. После окончания войны вернулся в Конный лейб-регимент.

Когда вспыхнула Северная война, Крейц был ротмистром Седерманландской роты. В 1701 году участвовал в переходе Западной Двины, в том же году 6 августа стал майором. После боя Лаутенбургом в 1703 году, 12 декабря дослужился до подполковника Лейб-гвардейского конного полка, а 9 января в 1704 года — до полковника. За победу под Клёцком и Ляховичами в 1706 году получил звание генерал-майора с назначением на должность командира Лейб-гвардейским конным полком*[18,С.73-74]*.

В отличие от своих предшественников, не придававших большого значения драгунской коннице, Карл XII стал в Швеции ее подлинным создателем и учителем. До воцарения Карла XII, его предшественники старались набирать драгунские полки из числа уроженцев Северной Германии только на период военных действий. Это было связано в первую очередь с недостатком финансовых средств на их содержание*[49,Pp.15-16]*.

С другой стороны, именно драгуны в силу своей специфической подготовки, а они обучались действовать как в конном, так и пешем строю, должны были стать, по замыслу шведского монарха, тем самым мобильным родом войск, который бы смог действовать оперативно на больших расстояниях и достойно противостоять противникам на поле боя*[49,P.18]*.

Поэтому именно при нем драгуны становятся массовым и самым любимым родом войск короля. Нет ничего удивительного в том, что в 1700 году в составе гвардии, по инициативе генерал-лейтенанта барона Карла Густава Рёншильда появляется гвардейский драгунский полк.

Лейб-драгунский полк (Livdragonregementet), набранный во всех областях Швеции на тех же условиях, что и Лейб-гвардии пеший полк, относился к вербованным драгунским полкам. Он состоял из 12 рот по 125 человек, т.е. 1500 человек штатного состава. Организация рот в драгунских полках была та же, что и в рейтарских, только вместо ротмистров у драгун были капитаны, а вместо корнетов - прапорщики. Его шефом и первым командиром и был назначен барон Карл Густав Рёншильд.

Карл Густав Рёншильд родился в Штральзунде 6 августа 1651 года.

Его родителями были член королевского государственного суда Герт Рёншильд и Биргитта Торскескаль. Получил образование в трех университетах- Упсальском, Грейфсвальдском и Лундском. Военную карьеру начал в чине фенриха Нёрке-Вермландского полка в 1673 году. Участник Сконской войны (1675-1679 гг.).

5 ноября 1677 года Карл Густав Рёншильд за выдающиеся военные заслуги был произведен сразу в чин подполковника, минуя звание майора, что было редчайшим случаем в истории шведской армии. Сконская война была той школой, которая выковала будущего полководца. Она позволила получить ему навыки командования частями во время военных действий, увидеть все недостатки и преимущества шведской армии.

В январе 1680 года Рёншильд подал королю Карлу XI докладную записку, в которой изложил свои предложения по поводу реформирования армии. Его доклад был одной из отправных точек, на которые опирался Карл XI, проводя военную реформу - так называемую «молодую индельту», которая заменяла периодические рекрутские наборы, постоянной повинностью крестьян содержать солдат армии Его величества.

26 января 1689 года Карл Густав был произведен в чин полковника и назначен шефом Германского лейб-пехотного полка, а также комендантом крепости Ландскруна.

В мае 1693 года Карл Густав был назначен шефом Северо-Сконского кавалерийского полка. При этом еще с 1690 года он был военным советником и наставником принца Фридриха Гольштейн-Готторпского, племянника Карла XI.

Став шефом Северо-Сконского кавалерийского полка в возрасте 42 лет и, являясь зрелым командиром с большим практическим опытом, Рёншильд приступил к выработке новой тактики, которая впоследствии прославила «каролинскую» конницу на полях Великой Северной войны (1700-1721).

Примерно с 1694 года начинается сближение Рёншильда с наследным принцем Карлом, будущим великим полководцем королем Карлом XII. Надо отметить, что помимо военных способностей Карл Густав обладал и достоинствами ловкого придворного, что делало его особу еще ближе к правящему монарху. 4 июля 1696 года Рёншильд получил долгожданный чин генерал-майора. Это вводило его в круг высшего офицерства Швеции. В апреле 1697 года от рака желудка умер король-реформатор Карл XI, завещав престол своему юному сыну Карлу XII.

Молодой король Карл XII (1697-1718) очень любил и уважал своего военного наставника. 1 июля 1698 года Карл Густав был произведен в звание генерал-лейтенанта и назначен генерал-губернатором Сконе. В 1699 году он был возведен в баронское достоинство. В качестве особой милости ему было поручено формировать лейб-драгунский полк, шефом которого он стал. После начала Великой Северной войны (1700-1721) Рёншильд был одним из организаторов высадки королевских войск в

Дании (Зеландская десантная операция) в 1700 году и в планировании сражения под Нарвой (1700).

В бою при Дюне в июле 1701 года армия Карла XII одержала убедительную победу. При этом Рёншильду было поручено прикрытие коммуникаций и обеспечение снабжения армии. В сражении он участия не принимал. Зато в сражении под Клишовым 8/9 июля 1702 года барон командовал правым флангом армии.

14 апреля 1703 года Рёншильд был пожалован званием генерала от кавалерии. В декабре 1705 года король назначил Рёншильда командующим отдельным корпусом, оставленным в Польше против саксонской армии генерала фон Шуленбурга. 3 февраля 1706 года генерал от кавалерии барон Рёншильд наголову разгромил под Фрауштадтом русско-польско-саксонскую армию фельдмаршала Шуленбурга.

21 июня 1706 года король произвел барона Карла Густава Рёншильда в чин фельдмаршала и удостоил графского титула(№48).

В сражении у городка Головчино 3/ 4 июля 1708 года фельдмаршал командовал кавалерией*[15,С.58-111]*.

С 1705 года полк возглавил барон Хуго Юхан Хамильтон аф Хагебю.Сын генерал-майора барона Малькольма Хамильтона и Катарины Макалеер, племянник Хуго Хамильтона, родился в Эребру в 1668 году. В 1681 году зачислен фельдфебелем в Эльфсборгский пехотный полк, шефом которого являлся его отец. 30 июля 1683 года был произведен в фенрихи. В январе 1691 года переведен тем - же чином в лейб-гвардии пеший полк. 1 июля 1692 года повышен в звании до лейтенанта. Участник войны за пфальцское наследство (1688-1697). Воевал в 1692-1695 годах сначала в составе французской, а затем нидерландской армии. 17 февраля 1695 года получил чин капитана с назначением командиром роты Эльфсборгского пехотного полка. 4 апреля 1700 года произведен в подполковники лейб-драгунского полка. В сражении под Нарвой 19 ноября 1700 года в конном строю взял русскую артиллерийскую батарею. 29 ноября 1700 года произведен в полковники. Участник сражений при Клишове (1702), Пултуске (1703), Фрауштадте (1706). Участник русского похода (1707-1709). Сражался при Головчино 4 июля 1708 года. 4 декабря 1708 года произведен в генерал-майоры и назначен шефом Эстгётландского кавалерийского полка*[18,С.173-174]*.

В "русском походе" 1707-1709 гг. участвовал весь гвардейский корпус, понесший в нём довольно большие потери. Особенно пострадала гвардейская пехота и драгуны. Именно из-за больших потерь, Лейб-гвардии пеший полк в октябре 1708 года был пополнен остатками Упландского, Смоландского и Нёрке-Вермландского резервных (третьеочередных) полков. К июню 1709 года в Лейб-гвардии пешем полку было порядка 2000 боеспособных солдат и офицеров. Корпус Лейб-драбантов представлял собой 1 роту, численностью в 100 человек. Численность Конного лейб-регимента сократилась до 1000 шпаг, а от лейб-драгунского полка осталось 8 рот или порядка 900 человек*[9, С.67]*.

При составлении диспозиции на предстоящее 27 июня сражение, силы гвардии были распределены следующим образом*[39]*:

- В личный эскорт короля во главе с лейтенантом Ю. Ертой вошли два капрала, вице-капрал, 12 рядовых драбантов и 24 солдата Лйб-гвардии пешего полка.

- Рота драбантов во главе с лейтенантом графом Карлом Густавом Хордом, 12 рот Конного лейб-регимента и четыре роты Лейб-драгунского полка вошли в состав первой кавалерийской колонны правого фланга под командованием генерал-майора барона Крейтца.

- В состав четвертой пехотной колонны вошли гренадерский (капитан Л. Русеншерна) и первый пехотный (капитан Г. Гадде) батальоны Лейб-гвардии пешего полка под общим командованием полковника Карла Магнуса Поссе.

- В состав третьей пехотной колонны генерал-майора барона Карла Густава Рууса вошли второй (капитан Г. Маннесверд) и третий пехотный (майор барон Э. Юлленшерна).

Всего на поле битвы вышло 1800 гвардейских пехотинцев, 1000 гвардейских рейтар, 400 гвардейских драгун и 100 драбантов.

Еще один гвардейский отряд в составе 200 пехотинцев лейб-гвардии пешего полка и 200 гвардейских драгун остался в осадных траншеях под Полтавой*[39]*.

«Ночью 27 июня 1709 г. света луны не было. В глухой темени в 23 часа шведские батальоны, поднимаясь с разных стоянок от Крестовоздвиженского монастыря и д.Павленки, натыкались друг на друга, останавливались и путались. Скорее всего, этот шум был услышан ночной разведкой генерал-лейтенанта К.Э.Рённе, который приказал русской кавалерии сесть в сёдла. На путь к исходным позициям длиной всего в 3,5 км шведской пехотой было затрачено почти два часа! Всем было позволено сесть, чтобы дождаться кавалерии, полки которой в темноте разбредались и даже ушли в сторону. С редутов, хотя едва забрезжило, шведскую пехоту не было видно. Остановка шведов стала причиной ошибочной записи в «Обстоятельной реляции» о Полтавской битве, согласно которой неприятель всю ночь простоял в прогалине между лесами у д. Павленки и Малые Будищи. И вот уже 300 лет в отечественных исторических работах, картах, атласах и беллетристике подъём шведской пехоты со своих стоянок путается с исходными позициямй перед атакой»*[12,С.536-537]*.

Уходило драгоценное для шведов темное время суток. Около 3 часов, после подхода кавалерии, начинается перестроение шведской армии в боевой порядок. Из-за недостатка места всадники правого фланга остались стоять в походных колоннах. Пока шло перестроение, отряд в 50 шпаг под командованием генерала В.А. Шлиппенбаха и полковник А. Юлленкрук с несколькими унтер-офицерами, сведущими в фортификации, осмотрели укрепления русских и, доложили об увиденном, графу Реншильду. Однако русские уже заметили шведов и подняли тревогу.

Приходилось срочно менять план сражения и атаковать редуты. Шведское командование не было готово к этому варианту. Управление войсками нарушилось. Ситуация была такова, что альтернативы у каролинов не было. Русская артиллерия, находившаяся на редутах, громила колонны врага на пределе прямого выстрела. «Первым выстрелом из редутов было убито два гренадера гвардии, причем у одного была оторвана голова и ранены капитан Хорн и 4 мушкетера Эстгётского полка …»*[8, P.58]*.

После короткого совещания у носилок короля было принято решение атаковать. Время показывало 3.50 утра. "Замысел атаки двух средних колонн (Рууса и Стакельберга прим. авт.), вероятно, состоял в том, чтобы нейтрализовать опасный обстрел с флангов, которым угрожала эта часть линии редутов (№ 6-10 - А.Б.). Остальная пехота - первая и четвертая колонны, а также задние батальоны второй и третьей - должна была тогда, поддержанная этой вспомогательной атакой, быстро достигнуть задней линии редутов и либо обойти их, либо пробиться через них... Редуты были препятствием, которое надо было миновать по пути к настоящему объекту атаки - русскому лагерю. Не все командиры знали об этом- промах, за который шведам придется дорого заплатить"*[36, H.116]*.

Батальоны, находившиеся на правом фланге, из-за близости Яковецкого леса не смогли развернуться в линию. Управление войсками, нарушенное с началом обстрела шведских боевых порядков, еще более усугубилось. Атака королевской пехоты была сумбурной с самого начала. Ей удалось захватить недостроенные редуты №9 и №10, гарнизоны которых были полностью уничтожены. Беспорядок, царящий в рядах каролинцев, стал еще более заметен. Два гвардейских батальона, шедшие в колонне Рууса, уклонились вправо и по приказу командира полка полковника М. Поссе примкнули к частям пешей гвардии, шедшими в 4 колонне.

Вестерботтенцы, потеряв контакт с Далекарлийским полком, стали продвигаться к задней линии редутов с батальонами второй и первой колонны.

Действительно, огонь русской артиллерии был точен и эффективен. Потери идущих в атаку скандинавов росли. Шведская артиллерия, наоборот, молчала. Примечательно мнение генерала Левенгаупта на этот счет, "когда наши рядовые солдаты услышали, что ни единая пушка не пришла к ним на подмогу, они стали терять мужество". Сам Левенгаупт, ехавший на коне во главе 4 колонны, вывел ее на широкую прогалину за деревней Малые Павленки. На марше к ней присоединились 2 и 3 батальоны гвардии из 3 колонны Рооса. Здесь на прогалине между Реншильдом и Левенгауптом произошел короткий разговор. Генерал, указывая на то, что его батальоны оторвались от левого фланга, спросил Реншильда - нельзя ли сделать остановку. Реншильд ответил: "Нет, нет, нельзя давать неприятелю ни минуты". Подобное мнение высказал проезжавший мимо генерал Стакельберг. Батальоны Левенгаупта продолжили марш к задней линии редутов и русскому лагерю. Замысел Петра I, по приказу которого редуты были построены в виде буквы Т, удался, боевые порядки атакующих оказались разорванными.

Русское командование, ограничивавшееся до этого момента обороной, заметив усиливавшийся разрыв между крыльями боевого порядка противника, бросило в атаку 17 драгунских полков А.Д.Меншикова и некоторое количество иррегулярной кавалерии. Ее эффект был ошеломительным. Шведская пехота подалась назад и, над батальонами раздался громкий крик, более похожий на мольбу: "Кавалерию вперед, ради Бога, кавалерию вперед!" Шведская кавалерия, до сих пор стоявшая в колоннах, а не в линиях, беспорядочно двинулась вперед. В авангарде скакали Лейб-драбанты, а за ними Смоландский рейтарский полк и Лейб-регимент. Из-за недостатка пространства для развертывания боевого порядка эскадроны шведов вступали в бой постепенно, один за другим. За время этих взаимных атак и контратак шведская кавалерия потеряла 14 знамен и штандартов. Основную тяжесть боя вынесли на себе рейтары Лейб-регимента. Схватка кавалерии началась около 4 часов утра.

Петр I, не желая превращать схватку за редуты в генеральное сражение, приказал Меншикову отойти. Однако вскоре царь, которому доложили об отрыве от главных сил 6 батальонов Рууса, приказал Меншикову атаковать шведов, а командование передать генерал-лейтенанту Боуру*[2,Л.7-12]*.

Боур немедленно выполнил приказ царя и начал планомерный отход своих полков на север - под защиту артиллерии укрепленного лагеря. Отход русских воодушевил скандинавов. В их рядах стали раздаваться крики: "Виктория! Победа!" Кавалерия правого фланга, под командованием Крейца, преследуя русских драгун, попала под обстрел артиллерийских орудий, бивших из лагеря. Шведов, несмотря на понесенные потери, спасло плотное облако пыли, поднятое отступающими русскими драгунами, и быстрота движения.

«Оборонительный план боя на редутах был выполнен полностью. Шведы поплатились большой кровью и осуществили свой план частично - треть пехоты не прошла редуты и около тысячи тел осталось лежать вокруг них»*[12, C.552]*.

Шведская пехота, несмотря на ураган, обрушившихся на нее плотных залпов русской пехоты и артиллерии, занимавшей редуты, упрямо двигалась вперед, держась за своей кавалерией.

К 5 часам утра большинство шведских соединений вышло на предстоящее поле битвы. В то время, когда кавалеристы Крейца преследовали уходящих к балке Побыванке русских драгун, 10 батальонов Левенгаупта, обойдя глубокую промоину, начали атаку русского укрепленного лагеря. Король со своим конвоем и свитой находился поблизости от пехотинцев Левенгаупта. "Батальоны Левенгаупта были теперь готовы к бою. Штурм лагеря начался снова, под аккомпанемент глухого треска лагерных орудий. Но не успели они хоть сколько-нибудь продвинуться к изрыгающим огонь валам, как генерал получил новый приказ в отмену прежнего. Атаку следовало немедленно прекратить. Вместо этого надо было отойти от лагеря и маршировать на запад. Приказ был выполнен"*[36,P.139]*. Это мнение шведов о неудачной атаке русского лагеря. Совсем другая картина рисуется при изучении отечественных документов и источников.

Генерал-фельдцехмейстер Я.В. Брюс специально подпустил шведскую пехоту на дальность картечного огня (200-300 шагов). Только после этого 87 орудий русской артиллерии, находившейся в укрепленном лагере, открыли огонь из всех стволов. За стеной образовавшегося дыма шведы в течение 45 минут могли двигаться навстречу выстрелам, но ближе 64 метров так и не смогли подойти. "Жестокость потерь заставила шведских генералов около 6 часов утра отозвать атакующих"*[29,C.222]*.

"Массированный удар русской артиллерии явился переломным моментом в ходе Полтавского сражения, подготовившим переход всей русской армии в наступление"*[28,C.99]*.

Именно поэтому шведы вместо общей атаки лагеря были вынуждены отойти к Будищенскому лесу на расстояние примерно 2 километров от русского лагеря. Королевские полки медленно собирались в луговине. Сюда же подошли и стали строиться (на опушке Малобудищенского леса) расстроенные эскадроны Крейца. Здесь же шведское командование обнаружило отсутствие 6 батальонов генерала Рууса (треть всей пехоты наступающих), полковника Сигрота, разведывательного отряда В.А. фон Шлиппенбаха и артиллерии. Казаков, стоящих на поле боя, также оказалось мало.

Опасаясь, что Карл XII решил уклониться от нового столкновения, Петр I решил сам атаковать противника. 42 батальона пехоты были построены в две линии: 24 в 1-й и 18 во 2-й. Они составляли дивизии Голицына (в ее состав входила и отдельная бригада ездящей пехоты), Репнина и Алларта. Кавалерия правого фланга под командованием генерал-лейтенанта Боура состояла из кавалерийских дивизий генералов Шаумбурга и Бема (3 конно-гренадерских, 8 драгунских полков и Генерального шквадрона А.Д.Меншикова). Всего 45 эскадронов (9-10 тыс. чел.). Кавалерия левого фланга под командованием А.Д. Меншикова состояла из 6 драгунских полков - 24 эскадрона (всего около 4800 чел.). Пехота насчитывала около 17850 чел., причем 10 тыс. находилось в 1-й линии.

Всего в боевом порядке стояло около 32 тыс. чел. при 127 орудиях. 6 драгунских полков с князем Волконским были посланы к Тахтаулову для поддержки частей Скоропадского. В лагере оставалось 11 пехотных батальонов (около 4700 чел.). Зная силу натиска шведов, Петр I приказал построить пехотные батальоны в 5 шеренг, а не в 4, как было принято в уставе. И все же русская боевая линия оказалась длиннее шведской примерно на 400 шагов.

Реншильд и Левенгаупт, посоветовавшись с королем, решили предварительно разбить русскую кавалерию, а затем вновь атаковать укрепленный лагерь. Но теперь, после понесенных потерь, требовались подкрепления. Генерал-адъютант А.Г. Юлленклу не смог выполнить поручения, так как кругом находились русские и, не было возможности пробиться. Одновременно прибыл генерал Спарре, сообщивший, что не смог пробиться к Руусу из-за того, что русские заняли ранее отбитые у них редуты. Надежда на воссоединение рассыпалась в прах. Но это было еще не все. Реншильд сообщил королю, что русские вышли из лагеря.

«Таким образом, в контрнаступление пошла 26 тыс. армия, 56% всех регулярных сил и 5-6 тыс. иррегулярной конницы. К решающей схватке численность армии в 1,8 раза превысила шведскую. Если по кавалерии она была почти равной, то в пехоте русские имели неоспоримое 3-х кратное преимущество. Это должно быть поставлено в заслугу царю, так как именно пехота являлась лучшим родом войск. По артиллерии перевес был подавляющий - в 8 раз. Следовательно, царю удалось добиться большого превосходства по артиллерии и пехоте. Особо подчеркнём роль русской артиллерии, чьи действия в поле подорвали боевой дух шведских солдат. Этот фактор стал следствием дальновидной стратегии и правильного выбора тактического рисунка предстоящего сражения воплотившего в себя классическое правило Наполеона: всё искусство войны заключается в том, чтобы оказаться сильнее неприятеля в определённом месте в определенный момент»*[11,C.259-260]*.

Итак, вместо ожидания подхода подкреплений (а это могло случиться не ранее второй половины дня), шведам пришлось строиться к бою. Положение было таковым, что если армия не совершит марш к югу, то попадет в окружение. Отойдя к опушке Малобудищенского леса, шведы начали перестроение в боевой порядок. Из-за того, что кавалерия правого крыла оказалась зажатой между своей пехотой с одной стороны и Будищенским лесом с другой, Крейтц не смог построить ее на правом фланге пехоты. Он был вынужден развернуть ее позади пехотной линии на небольшом лугу. Кавалерия левого крыла находилась в некотором беспорядке из-за недостатка пространства для развертывания своих рядов. Несмотря на все это, было принято решение немедленно атаковать русских. Вытянутые в одну тонкую линию, 10 батальонов шведской пехоты (не более 4000-4500 чел.), пошли в атаку.

«Шведская пехота была готова настолько, насколько ей позволила нехватка времени; подготовиться лучше она уже не успевала. Через жаркую равнину тонкой синей чертой протянулся боевой порядок длиной около полутора километров. Эта тонкая синяя черта включала в себя примерно четыре тысячи солдат, поделенных на десять батальонов. Батальонам уже досталось в жестоких схватках возле редутов, и в среднем в каждом из них насчитывалось не более 300–400 человек. Они стояли в одну линию, растянутую и неплотную, с большими интервалами между отдельными соединениями…

Утром батальонов было восемнадцать. Теперь нужно было вступать в решающую битву с десятью. Десять батальонов против сорока двух.

До конца жизни большей части шведских пехотинцев оставалось лишь прошагать эту версту по пыльной равнине.

Боевой строй шведской пехоты состоял из следующих подразделений, если перечислять с правого фланга и в том порядке, в каком они переходили трясину. С самого края стоял первый батальон лейб-гвардии под командованием капитана Густафа Гадде. (Двадцатидевятилетний Гадде родился в Векелакском приходе Выборгского лена, он обладал граничившими с безрассудством отвагой и смелостью, лицо у него было добродушное, располагающее к себе, с темными, близко посаженными глазами. Он начал служить в гвардии четырнадцатилетним подростком и с тех пор дослужился до капитана. Под Нарвой он со своими молодцами захватил много русских знамен, но это чуть не кончилось плачевно: он был окружен, ранен в руку, однако сумел пробиться к своим. В сражении под Клишовом в 1702 году он получил четыре ранения — два в грудь, одно в руку и одно в шею, — и его оставили на поле битвы, посчитав мертвым. Как водится в таких случаях, Гадде обобрали мародеры, после чего, голый и истерзанный, он был брошен на произвол судьбы среди трупов. Уже в сумерках его обнаружили и доставили к фельдшеру. На память об этом сражении у него в теле до сих пор сидели две пули. Под Клишовом он сам, без приказа, вырвался вперед из боевого порядка, с чего и начались его злоключения.)

Далее следовал гренадерский батальон лейб-гвардии — то самое соединение, что довольно долго проплутало среди редутов, а потом одно стояло под градом артиллерийских снарядов перед русским лагерем. В отличие от других пехотных полков, гвардия не призывалась из числа военных поселенцев, а набиралась путем вербовки, и в мирное время она была расквартирована в Стокгольме. Это было престижное соединение, своего рода школа офицеров, в которой проходили подготовку будущие претенденты на командирские должности, прежде чем они, как это часто бывало, получали назначение в какой-либо другой конец обширного королевства. Соединение было элитное, о чем, в частности, свидетельствовали щегольские мундиры офицеров. Рядовые носили обычную синюю форму с желтой подкладкой, обшлагами и чулками, а также знакомые черные треуголки. У капралов были воротники из шерстяного бархата, обшитые золотым и серебряным шнуром. Барабанщики, сопелочники и рожечники также были одеты в яркую, живописную форму со множеством галунов и прочих украшений.

Над этими двумя батальонами реяли красивые белые знамена гвардии, которых насчитывалось в общей сложности восемь штук. (Впрочем, в этот день в состав батальонов входили не только гвардейцы, но еще рядовые и офицеры из других полков, относившихся к корпусу Левенхаупта.)

Рядом с гренадерами располагался единственный батальон Скараборгского полка...

Четвертый батальон справа был Кальмарского полка...

Следующие камни в тоненькой синей стене были заложены двумя оставшимися батальонами лейб-гвардии, вторым — под началом капитана Ханса Маннерсверда, и третьим — под командованием майора Эрика Юлленшерны. Эрику было тридцать лет, он родился в Стокгольме, был не женат и приходился племянником генералу Левенхаупту. Над этими двумя частями также реяли белые гвардейские знамена»*[31,С.156-157]*.

Два батальона Вестманландского полка не успели встать в строй, так как находились за левым флангом атакующих у д.Малое Будище. Из-за отсутствия поддержки артиллерии и плохого качества ружейного пороха Левенгаупт стремился как можно ближе подвести свои батальоны к русским линиям. Из-за спешки и плохого равнения в начале атаки батальоны правого фланга ушли вперед, в то время как левофланговые части отстали. Шведские батальоны, идущие в атаку, были построены на фронте 1450 метров. Интервалы между ними составляли 50 метров. В то время как пехота, сближаясь с противником, уже попала под артиллерийский обстрел, кавалерия все еще металась в беспорядке. Особенно это было заметно у Крейца.

« Видя, как войска московитов быстро выходят из укрепленного лагеря шведы, не имея должного равнения в линии, пошли в атаку, дабы не быть стесненными на узком месте…Они, выдержав стойко огонь московитских пушек и мушкетов, падая рядами и не имея возможности ответить огнем на огонь, упрямо шли вперед»*[5,Pp.171-172]*.

Сквозь стену огня и сеченого железа шведы рвались вперед. "Несколько полков в особенности пострадали от русской артиллерии. Кальмарский полк одною очередью выстрелов был наполовину уничтожен, тут был убит и командир его полковник Ранк. Та же участь постигла и Упландский полк…"*[30,С.38]*.

"Весь мир мог убедиться, что нигде на земле не найти солдат, которые терпеливейше переносят жару и мороз, напряжение и голод, самоотверженней исполняют приказы, по сигналу охотнее идут в бой, смелее стремятся к смерти, которые меньше склонны к военному бунту, спокойнее ведут себя в лагере, набожнейше живут, а изменяя боевые порядки, быстрее перестраиваются... Выявилось, как верны шведы, как храбро воюют за благо своего короля и идут ему на помощь просто сквозь неприятеля"*[4,Pp.89-90,92]*.

Сблизившись на расстояние примерно в 50 метров, шведы выдержали жестокий ружейный залп русских батальонов, но, несмотря на это, упорно шли вперед. Левенгаупт ехал примерно посередине шведского строя.

"В дыму и хаосе он еще мог кое-как управлять следующими подразделениями: единственным батальоном скараборгцев, сильно пострадавшим Кальмарским полком, вторым и третьим батальонами лейб-гвардии и двумя батальонами уппландцев. Еще два лейб-гвардейских батальона (те, что были на правом фланге) тоже подтянулись и ринулись в атаку на вражеских пехотинцев"*[36,P.180]*.

Шедшие на левом фланге, Эстгётский полк и 2 батальон Нёрке-Вермландского полка сильно отстали*[48,P.119]*. Когда шведы сблизились с русскими на расстояние 25-30 метров, Левенгаупт крикнул: "Пали!". Каролины сдвоили свои ряды и произвели залп по отступающим русским солдатам. Из-за плохого качества пороха в некоторых подразделениях он просто выгорел на полке. По данным В.А. Молтусова, ружейный огонь каролинов наоборот произвел сильное опустошение в рядах русской пехоты.

Шведы потеснили Бутырский, Московский, Сибирский, Псковский и 1-й батальон Новгородского полка. 2-й батальон лейб- гвардии захватил четыре орудия, а 3-й - два орудия. 1-й батальон лейб-гвардии захватил 4 знамени и 6 пушек. Одна из пушек была повернута в сторону русских и, Гадде лично произвел из нее несколько выстрелов по солдатам врага*[50,P.94]*. Несколько русских полковых орудий было захвачено гренадерами лейб-гвардии.

Потеснив первую линию почти посредине, шведы ждали поддержки своей кавалерии, но ее все не было.

«Не менее драматичные события происходили левее, где дралась дивизия Алларта. Её полки подверглись нападению вражеской конницы. Драгуны Ельма пытались отбросить пехоту. Атакованные с фронта и фланга батальоны занимали круговую оборону, на что никогда не обращали внимания русские и советские историки. Большие потери понес Казанский полк более 80 чел. убитыми, Псковский - 23 убитыми и 47 ранеными вместе с командиром батальона секунд-майором Семёном Петровичем Нейбушем. Меншиков, отведя конницу за поперечные редуты, полагал, что противник будет пробиваться назад в этом месте. Однако, вовремя заметив попытку прорыва и охвата левого крыла, он не задумываясь бросит в бой драгун. Закрывая фланг, Крейтц развернул кавалерию на отражение атаки. В беспощадном поединке столкнутся гвардейские части обеих армий, произошел крупный кавалерийский бой, в память о котором 200 лет спустя, на том же месте будет поставлен обелиск "Шведам от русских". Лейб-регимент потеряет убитыми 18 капралов и драгун, 10 смертельно ранеными, падут 83 лошади. 17 чел. погибнет в Новгородском полку, 8 пропадёт без вести, падёт 47 лошадей. Полк захватит у шведов "литавры с завесы". Наиболее отличится из всех драгунских полков - Киевский. Его командир полковник Михаил Иванович Леонтьев будет ранен, но это не помешает взять 7 знамён и серебрянные литавры Конной гвардии, пожалованные королём за подвиги в сражении под Клишовым в 1702 г. Этот же полк найдёт носилки с постелью Карла XII»*[11,С.265-266],[24, С.19]*.

«Однако решающие события назревали на правом фланге и в центре. Наступавшая там гвардейская бригада остановила и сходу опрокинула левое крыло шведов. Наиболее мощная группировка пехоты сдавила с разных сторон разрозненные батальоны противника и устремилась вперёд, заходя в тыл. Сопротивления здесь шведы практически не оказали. Любопытно, что из 47 офицеров Семёновского полка входившего в бригаду, ранен был только один прапорщик – Иван Козлов. В центре отважно бился Киевский полк полковника Григория Карташёва, старшим капитаном 1-й роты которого состоял фельдмаршал Шереметев. Капитан-поручик этой роты Василий Михайлович Антонов захватил ротою 5 знамён, а командир батальона капитан Александр Маслов взял своей частью шведского подполковника с батальоном. За этот подвиг его пожаловали в премьер-майоры (минуя промежуточный чин секунд-майора)» *[11,С.266]*.

Так как разрыв между шведскими батальонами увеличился до 100-150 метров, особенно на левом фланге, где стояли 2-й батальон Нёрке-Вермландского полка, эстгётцы и упландцы, то русская пехота и кавалерия хлынули в эти разрывы. Шведская пехота левого крыла обратилась в бегство.

На правом фланге в атаку пошел кавалерийский отряд Крейца. Гилленкрок попытался организовать атаку, но не успели эскадроны сделать полуоборота направо, как увидели свою бегущую пехоту. Русские обошли фланги боевого порядка шведов и неумолимо сжимали тиски окружения.

Попытка Левенгаупта остановить бегущих, не удалась. Управление войсками, и до этого осуществлявшееся не лучшим образом, рухнуло. Разрозненные атаки, предпринятые Нюландским рейтарским полком, не остановили охвата левого крыла шведов. Бегущие с левого фланга пехотинцы опрокинули шедший им на помощь Вестманландский полк. Новые попытки Левенгаупта и Спарре остановить солдат провалились. Уппландский, Скараборгский, Кальмарский полки, а также 2 и 3-й батальоны лейб-гвардии попали в окружение.

Хотя атака отряда Крейца не удалась, она приостановила наступление русских на несколько минут. Этого времени хватило на то, чтобы батальон гренадеров Лейб-гвардии и 1-й батальон этого же полка смогли уйти с поля битвы. Потеряв почти всех офицеров и командира 2-го батальона убитыми, гвардейцы пустились наутек. Из 10 батальонных командиров погибло на поле боя семеро, а трое, оставшихся в живых, были ранены[22,С.162]. Вслед за пехотой обратилась в бегство и большая часть кавалерии. Кроме отряда Крейца, русских попытались задержать и кавалеристы левого фланга, что им и удалось сделать.

В тяжелейшее положение попал король со своей свитой и охраной. После гибели Уппландского и Скараборгского полков, а также остатков 3-го батальона лейб-гвардии, дравшегося до последнего, русская пехота и артиллерия обрушила свой огонь на отряд, окружавший шведского монарха.

Погибло много придворных, более 20 лейб-драгун, порядка десяти драбантов, почти все лейб-гвардейцы пешего полка и 80 кавалеристов Северо-Сконского полка, входивших в состав конвоя короля*[23,С.229-233]*. Многие попали в плен. Королю и части его свиты удалось пробиться к Будищенскому лесу, где собирались отступающие и бегущие подразделения его армии. Попал в плен и шеф лейб-драгунского полка, командовавший шведскими войсками в сражении фельдмаршал граф Карл Густав Реншильд.

Итак, проанализируем потери офицеров гвардейских полков, участвовавших в Полтавском сражении*[42,P.19-29],[50,P. 12,15,41,44,58,69,90,94,127,203,213,227,230,257,262,269,270,279,294,332,342,367,394,401,448,458,473,491,510,511,520,531,538,579,588,612,624,627,630,656,664,671, 676,687,692,709,710,718,722,727,749,758,759,775,776,789],[41.P.31-35],[47,P.67-69],[38,P.234-237]*:

Полк	До сражения (примерное количество) с учетом больных, раненых и инвалидов, находившихся в обозе		После сражения					
			Штаб-офицеры			Обер-офицеры		
			Безвозвратные потери		Санитарные потери	Безвозвратные потери		Санитарные потери
	Штаб-офицеры	Обер-офицеры офицеров	Убитые	Пленные	Раненые, контуженные, травмы.	Убитые	Пленные	Раненые, контуженные, травмир.
Королевская гвардия								
Лейб-гвардии пеший (с включенными в него остатками Смоландского, Упплándского и Нёрке-Вермландского третье очередных полков)	**6**	**79**	**4**	**1**	**-**	**27**	**26**	**20**
Корпус лейб-драбантов	**13**	**87**	**2**	**1**	**3**	**12**	**4**	**1**
Конный лейб-регимент	**4**	**61**	**-**	**-**	**-**	**5**	**9**	**28**
Лейб-драгунский	**3**	**63**	**-**	**1**	**-**	**7**	**4**	**12**
Итого по гвардии	**26**	**290**	**6**	**3**	**3**	**51**	**43**	**61**

Что касается примерных потерь младшего командного состава и рядовых гвардии в сражении, то на основании анализа списка пленных, взятых у Переволочной и полковых историй, они выглядели следующим образом*[42,P.19-29],[47,P.67-69],[38,P.234-237],[26,c.307,310-311]*:

Полк	До сражения (примерное количество) с учетом больных, раненых и инвалидов, находившихся в обозе	После сражения	
		Унтер-офицеры и рядовые	
		Безвозвратные потери	
	Унтер-офицеры и рядовые	Убитые	Пленные (включая раненых, контуженных, больных и инвалидов)
Королевская гвардия			
Лейб-гвардии пеший (с включенными в него остатками Смоландского, Упплáндского и Нёрке-Вермландского третьеочередных полков)	**2200**	**850**	**1350**
Конный лейб-регимент	**1100**	**159**	**941**
Лейб-драгунский	**1100**	**300**	**350 (450 человек были включены в свиту короля и ушли с ним в Бендеры)**
Итого по гвардии	**4400**	**1309**	**2641**

В процентном отношении потери лейб-гвардии пешего полка составили 38,6 % от его списочного состава, Конного лейб-регимента- 14,45 %, а Лейб-драгунского полка- 27,2 %. Совокупные потери гвардии в сражении достигали 29,75 % от её общего списочного состава.

Полтавская битва стала трагедией для многих шведских семей. Погиб и был пленен цвет шведского дворянства. Огромные потери понесли и гвардейские соединения. Однако именно в Полтавской битве шведская гвардия продемонстрировала свои традиционные качества - стойкость, храбрость, мужество, профессионализм, верность долгу и присяге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Krigsarkivet. (Военный архив Швеции) KRA. 0388. Stora Nordiska Kriget.: krigshandlingar (Великая Северная война: военные дела).1. Samtida relationer i original eller avsrift. (Подлинники докладов и реляций).Vol.4: Skrivelser och rapporter 1702-1720. (Письма, доклады и рапорта). S. 98-99,103-105,400-407.
2. РГАДА (Российский Государственный архив древних актов). Ф.96 (Шведские дела).1709. Д.4. Л.6. RGADA (Russian State Archive of Ancient Acts). F.96 (Swedish affairs) .1709. D.4. L.6.
3. Кордт В.И. Боі під Лісним і під Полтавою за щоденником шведского лейтенанта Ф.Вейе/В.И. Кордт.// Записки историчнo-филологiчного видділу Украінской А.Н., Київ, 1931. Кн.24.
4. Krman. D. Itinerarium. Cestovny dennik z rokov 1708-09. Bratislawa.1969.-98 s.
5. Några aktstycken av David Natanael von Siltmanns hand rörande verksamheten vid svenska armen 1708-1709. // KFÅ. 1937. S.171-172
6. Nils Gullenstiernas berattelse/ N.Gullenstiernas //Karolinska Krigares Dagbocker.Lund. 1913.Bd.8. Norsbergns dagbok// KKD.Lund. 1903. Bd.3. S. 89-90
7. Petre R. Fanrik R. Petre dagbok 1702-1709/R. Petre// Karolinska krigares dagböker. Bd.1. Lund, 1903
8. 8.Weihe F.C. Löjtnanten Fredrik Kristian von Weies dagbok (1708-1712)/ F.C. Weihe // HHT. 1902.
9. Беспалов А.В. Армия Карла XII: организация и военное искусство в 1700-1709 гг.: дис. … канд.ист.наук:07.00.03: защищена 02.10.2002:утв. 30.06.2003/ Беспалов Александр Викторович.- М., 2002.- 291 с.
10. Беспалов А.В. Организация и военное искусство армий стран-основных участниц Великой Северной войны (1700-1721 гг.) в рамках военно-политических союзов.: дис…. докт. ист.наук: защищена 30.11.2011: утв.25.05.2012/Беспалов Александр Викторович- М., 2011.-836 с.
11. Молтусов В.А. Полтавская битва. Новые факты и интерпретация.: дис. … канд. ист.наук: 07.00.02: защищена 02.11.2002:утв. 30.07.2003/ Молтусов Валерий Алексеевич- Харьков.,2002.-303 с.
12. Артамонов В.А. Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской победы. -М., МППА БИМПА, 2009.-686 с.
13. Беспалов А. Северная война. Карл XII и шведская армия. Путь от Копенгагена до Переволочной 1700-1709/А.В. Беспалов.-Москва.: Рейтар, 2000.-192 с.
14. Беспалов А.В. Битвы Северной войны (1700-1721)/А.В. Беспалов.-Москва.: Рейтар, 2005.-254с.
15. Беспалов А.В. Сподвижники Карла XII/А.В. Беспалов.-Москва.: Рейтар, 2003.-152 с.
16. Беспалов А. В. Карл XII/А.В. Беспалов.-Москва.:АГПС МЧС РФ,2008.-239с.
17. Беспалов А.В. Слава и забвение. Генералы Карла XII на полях сражений Великой Северной войны (1700-1721 гг.) /А.В. Беспалов.Москва.:АГПС МЧС РФ. 2010.-366с.
18. Беспалов А.В., Копылов Н.А. Генералы Карла XII/А.В. Беспалов, Н.А. Копылов.Москва.:АГПС МЧС РФ.2015.-176с.
19. Беспалов А.В. Крестный путь. Потери офицерского корпуса армии Швеции в сражении под Полтавой 27 июня 1709 года/А.В. Беспалов. Москва.: АГПС МЧС РФ. 2008.-64с.
20. Беспалов А.В. Офицеры Карла XII/А.В. Беспалов // «Рейтар» №12 (9/ 2004 г.). С. 46-56
21. Беспалов А.В. Потери офицерского корпуса шведской армии в сражении под Полтавой 27/28 июня 1709 г. /А.В. Беспалов // «Рейтар» №27 (3/ 2006 г.). С. 70-88
22. Беспалов А.В. Потери шведского офицерского корпуса в Полтавском сражении» /А.В. Беспалов //Полтава. К 300-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М., ИРИ РАН. 2009. С. 154-166.
23. Беспалов А.В. Карл XII на поле Полтавской битвы/А.В. Беспалов// Новая и новейшая история. №3. 2011. С. 229-233
24. Беспалов А.В.Знамена и штандарты шведской армии периода Великой Северной войны (1700-1721 гг.)/А.В. Беспалов// Полтавская битва и ее международное значение. Тезисы докладов юбилейной международной научной конференции. ФГУК «ГИК МЗ «Московский Кремль», ИВИ РАН. М.:-2009.- С. 18-19.
25. Беспалов А.В. « Последняя дружина викингов».Корпус Лейб-драбантов Карла XII до 27 июня 1709 года/ А.В. Беспалов //Армии и битвы. Харьков: - №12.2009. -С. 28-32.
26. Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого)/составитель Т.С. Майкова, под общей редакцией А.А. Преображенского - в 2-х выпусках. Выпуск 1. М.:»Кругъ»,2004.-632 с.
27. Григорьев Б.Н. Карл XII или пять пуль для короля/Б.Н. Григорьев. Москва.: Молодая гвардия.2006.-550с.
28. Колосов Е.Е. Артиллерия в Полтавском сражении/ Е.Е.Колосов //Полтава: Сборник статей к 250-летию Полтавского сражения. -М: Академия наук СССР,1959.-С.91-111.
29. Павленко Н.И. Артамонов В.А. 27 июня 1709/Н.И. Павленко, В.А. Артамонов. *М*.: Молодая гвардия, *1989*. — 270 с.
30. Прочко И.С. Артиллерия в Полтавской битве/И.С. Прочко // Артиллерийский журнал, 1949. №7. С.35-39
31. Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии/П.Энглунд. М.: Новое книжное обозрение, *1995*.- 225 с.
32. Åberg A., Göransson G. Karoliner/ A.Åberg, G.Göransson.- Stockholm. 1976.-194 s.
33. Areen E.E. Kongl. Maj:tz drabanter. 1-2/ E.E.Areen // NDA 25/9, 29/9. 1936.
34. Bengtsson F. Karl XII/ F. Bengtsson.-Zürich.1948.-778 p.
35. Bring S.E. Magnus Stenbock/ S.E.Bring.-Stockholm.1910.-146 p.
36. Englund P. Poltava. Berättelsen om en armens undergång/P.Englund. –Atlantis.-1988.-276 p.
37. Florén A. Kungar och krigare: Tre essäer Karl X Gustav, Karl XI och Karl XII/ A.Florén.- Stockholm.-1992.-238 p.

38. Hamilton J.A.W. Kungl. Livregementets dragoner/ J.A.W.Hamilton.// Personhistoriska Tidskrift.- V.10.1927. s.234-237

39. Karl XII på slagfältet. Karolinsk slagledning sedd mot bakgrunden av taktikens utveckling från äldsta tider. Bd. I-IV. Stockholm, 1918-1919.

40. Konow J. Karoliner Rehnskiöld. Fältmarskalk/J. Konow.- Karlskrona.- 2001.-180 p.

41. Kuylenstierna O. Karl XII:s drabanter/ O.Kuylenstierna // Vårt förstar. 1909.- s.30-48; 1910, s. 19-95.

42. Kungl.Svea Livgardes historia. Biografi. Del.6.Stockholm, 2001.-124 s.

43. Roberts M. The Swedish Imperial Experience, 1560-1718/ M. Roberts.- Cambridge.-1979.-156 p.

44. Stille A. Karl XII:s fälttågsplanner 1707-1709/ A.Stille.-Stockholm.-1908.-120p.

45. Schreber von Schreeb T. Kongl. Maj:tz drabanter 1695-1718. Deras organization, beväpning och mundering/ T.Schreber von Schreeb // Karolinska försbundets årsbok.- 1936.- s. 43-152.

46. Schreber von Schreeb T. Carl XII:s drabantkår. Historik jämte personförteckning 1700-1721/ T.Schreber von Schreeb.- Stockholm. 1942.- 356s.

47. Strömberg N.G. Livregementet till häst åren 1667-1723/ N.G. Strömberg .- Stk. 1914.-288 s.

48. .Zech E. Kungl. Värmlands regementes historia, senare upplagen 1617-1950/ E.Zech.- Karlstadt, 1951.-514 s.

49. *Waxberg H. Hästen i det karolinska rytteriet/ H.Waxberg.*- Boras 1973. -205 s.

50. Levenhaupt A. Karl XII's officerare. Biografiska anteckningar/ A. Levenhaupt.- Stockholm.- 1920-1921.- Vol.1-2.- 800 p.

THE HISTORY OF LITHUANIA THROUGH THE PRISM OF ITS STATE SYMBOLS

Zagoruyko M.

Ph.D., Philosophy Doctor, Director of Educational and experimental soil-ecological center

Moscow State University of M.V. Lomonosov

ИСТОРИЯ ЛИТВЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЕЁ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИМВОЛОВ

Загоруйко М.В.

Ph.D., доктор философии, Директор УО ПЭЦ

Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

Abstract

The subject of this work is the historical path of development of the symbols of the Lithuanian state. Lithuania has its own way of development of heraldic symbols. The heraldry of Lithuania is characterized by the features of Slavic coats of arms and it harmoniously echoes the Polish heraldic school without losing its own identity. The Lithuanian state symbols are based on the Gediminas and Jagiellonian dynasties. Heraldry of Lithuania begins to form at the turn of XIII-XIV centuries. The basis of the state symbols fall the dynastic symbols - coat of arms against Kolumniy and the Jagiellonian coat of arms with the emblem Vytenis - Pogon *(Vytís)*. Finally formed by the XV century coat of arms of Lithuania takes pride of place in the coat of arms of The Grand Duchy of Lithuania, and after the division thereof in the coat of arms of the Russian Empire. Lithuania throughout its history remained faithful to its historical coat of arms, so losing it for 50 years of the Soviet period, it regains its legitimate coat of arms in the early 90-ies of XX century. The history of the flag of the state of Lithuania is more chaotic. The search for a single national flag began in the troubled time of the first quarter of the XX century. The flag of the Republic was a more controversial symbol than the emblem of the state.

The study used the cultural, historical and ethnographic method of research. This made it possible to determine the common ethno-cultural origins of the peoples of Lithuania and their symbols. The historical-comparative method, along with the historical-genetic method, allowed to build the trajectory of the state symbols.

The main conclusions of the article are that the coat of arms of Lithuania corresponds to its historical background, made according to the rules of heraldry. It is worth noting that Lithuania is one of the few CIS countries has state standards describing the coat of arms and flag, which indicates the high development of heraldic culture in the country. The situation is more complicated with the flag of the Republic. The flag was based on symbols adopted in the troubled period, which led to disputes. The flag of Lithuania is not combined with the coat of arms and requires significant understanding.

Аннотация

Предметом исследования данной работы является исторический путь развития символов Литовского государства. У Литвы собственный путь развития геральдических символов. Геральдике Литвы свойственны черты славянских гербов и она гармонично перекликается с Польской геральдической школой не теряя собственной самобытности. В основе Литовской государственной символики стоят династии Гедиминовичей и Ягеллонов. Геральдика Литвы начинает формироваться на рубеже XIII-XIV веков. В основу государственных символов ложатся династийные символы - герб Колюмны и герб Ягеллонов с одноименным гербом Витеня - Погоня. Окончательно оформившись к XV веку герб Литвы занимает почётное место в составном гербе Великого Княжества Литовского, а после раздела оного в гербе Российской империи. Литва на протяжении всей своей истории оставалась верна своему историческому гербу, поэтому потеряв его на 50 лет советского периода, она возвращает себе законный герб в начале 90-х годов XX века. История флага государства Литовского более хаотичная. Поиск единого национального флага начался в смутное время первой четверти XX века. Флаг республики оказался более спорным символом, нежели герб государства.

В исследовании использовался культурно–исторический и этнографический метод исследования. Это позволило определить единые этнокультурные истоки народов Литвы и свойственные им символы. Историко-сравнительный метод, наряду с историко-генетическим методом, позволил выстроить траекторию развития символов государства.

Основными выводами статьи являются то, что герб Литвы соответствует её историческим предпосылкам, сделан согласно правилам геральдики. Стоит отметить, что Литва одна из немногих стран СНГ имеет государственные стандарты описывающие герб и флаг, что говорит о высоком развитии геральдической культуры в стране. Более сложная ситуация складывается с флагом республики. В основу флага были положены символы принятые в смутный период, что привело к возникновению споров. Флаг Литвы не сочетается с гербом и требует существенного осмысления.

Keywords: Heraldry, Coat of arms Of Lithuanian, The history of the coat of arms of Lithuanian, Mistakes in the coat of arms, Flag Of Lithuanian, Territory Of Lithuanian, Symbols Of Lithuanian, Political structure Of Lithuanian, Prognostic aspects of heraldry, Mistakes in the flag of republic.

Ключевые слова: Геральдика, Герб Литвы, История герба Литвы, Ошибки в гербе, Флаг Литвы, Территория Литвы, Символы Литвы, Политические устройство Литвы, Прогностические аспекты геральдики, Ошибки в флаге республики.

Драконоборческий Егорий, копье в горниле аллегорий
Утратив, сохранил досель
Коня и меч, и повсеместно в Литве преследует он честно
Другим не видимую цель.
Кого он, стиснув меч в ладони, решил настичь? Предмет погони
Скрыт за пределами герба.
Кого? Язычника? Гяура? Не весь ли мир? Тогда не дура
Была у Витовта губа.

И.А.Бродский
«Литовский дивертисмент»

История государственных символов Литвы связана с историей народа. Геральдике Литвы свойственны черты славянской геральдики, когда герб дается армигеру по территориальному принципу его проживания. То есть свой герб, феодал получал от земли, а не наоборот как это было принято в Западной Европе, когда земля получала герб феодала. Геральдика Литвы также самобытна, как и геральдика Польши и имеет те же черты: один символ – один герб. Как и все Балтийские народы, Литва противостояла захватническому вторжению рыцарей крестоносцев. На момент вторжения, народ Литвы представляет собой союз одноименного племени литва и балтийского племени жмудь. Крестовый поход, против народов Прибалтики начатый Папой Римским Целестином III (1193 г.), обернулся для Литвы начальной точкой образования государственности. Не сломившись под натиском рыцарей и даже одержав победу при Сауле в 1236 году, правители Литвы понимают, что только союз с Папой Римским даст им возможность ослабить натиск завоевателей и создать независимое национальное государство. К 1250 году Народы Балтии, проживавшие восточнее Литвы, уже были покорены рыцарями. Русь была ослаблена татаро-монгольским нашествием. Поэтому Новогрудский князь Миндовг из политических соображений принимает католичество и уже в 1253 году Папа Римский коронует его королём Литвы. Ослабления натиска крестоносцев, позволило Литве в XIII-XIV веках вырасти, достигнув берегов Черного моря. Крещение в католичество Миндовга не стало крещением для всей Литвы. Многие русские князья из династии Рюриковичей и князья литовской династии Гедеминовичей, управлявшие Литвой, были православные и вели тяжелую борьбу с Тевтонскими рыцарями. Возможно, именно поэтому большинство литовских гербов имеют червлёный щит. Щит символизирует землю и народ, а червлёный цвет – кровь, пролитая за сюзерена [1]. Наиболее ярким и самобытным символом Великого Княжества Литовского является герб «Колюмны». Этот герб чем-то отдаленно напоминающий трезуб Рюриковичей (см. рис.1). Данный символ ещё принято называть «Гедеминовы столбы», традиционно принято считать, что данный символ появился в Литве при правлении Князя Гедемина (1316-1341 года княжения). Однако есть сообщения, что ещё на древних литовских монетах времён Миндовга (1236-1263 года княжения) уже использовался данный символ.

Герб Колюмны.

XIV век

Рисунок №1

Данный герб отдалённо напоминает "Тризубец" Рюриковичей, однако у герба "Колюмна" есть и своя "Римская история", связанная с Полемоном I царём Понта (38—8 гг. до н. э.). Изучая историю появления римских князей, со своими символами на берегах Балтии невольно вспоминаешь легенду о призвании Варягов на Русь. На земли Руси пришли Рюрик, Синиус и Трувор, а на земли Литвы Довспрунг, Юлиан Урсин, Гектор Гастолер и Проспер Цезарин (Искарин или Спримнус). Якобы Проспер Цезарин проживал в Риме у Траяновой колонны, которая и изображалась в его гербе. В истории России "Нормандская теория" подвергалась критики многими учёными и небезосновательно. Так, например последние исследования в области молекулярной генеалогии показали, что Рюрик относился к южно балтийским славянам, а работа Клесова А.А. "Кому мешает ДНК-генеалогия? Ложь, инсинуации, и русофобия в современной российской науке" вообще разоблачает "Нормандскую теорию" как миф [2]. Не исключено, что миф о Римской династии в корнях Литовских князей будет так же развенчан и работы на эту тему уже ведутся [3], например Хроника Быховца свидетельствует о жемайтском происхождении денастии Гедеминовичей. Что же касается герба Колюмны, то данный символ появившийся на рубеже XIII-XIV века, точно не имел ничего общего с Трояновой колонной и скорее по стилистике близок к печати Рюриковичей, нежели к символам римских императоров. В гербе Колюмны можно увидеть архитектуру замка с башнями и центральными воротами, таких замков много на территории Литвы. Некоторые авторы в области геральдики видят в Колюмнах столбы у входа в святилище, объясняя их эпическими образами повозки девицы Сауле (Солнца), которую тянут кони-близнецы Ашвеняй. [4]

Не менее интересна и мифична история появления герба "Погоня". Витязь на коне с мечём или копьём часто использовался как печать русских, литовских и польских князей. Сейчас доподлинно не известно, кто первый из Литовских князей стал использовать данный символ, однако исторический и лингвистический подход указывает на великого князя литовского Витеня правившего Литвой 1295-1316 гг. Так например в Густынской летописи приводится следующее изречение: "Витень нача княжити над Литвою измысли себе герб и всему князству Литовскому печать: рыцерь збройный на коне з мечем, еже ныне наричут погоня". Как видно из летописи этот герб князь Витень не получал от кого-то а "измысли" самостоятельно и не для себя, а "всему князству Литовскому", что несомненно делает его самобытным земельным гербом государства. Так же обращает на себя внимание лингвистический аспект, так на литовском языке герб Погоня называется "Витисом" (от литовского глагола "vyti"- гнать, изгонять, выгонять), что так же созвучно с именем князя. Если принять во внимание ещё и тот факт, что князь Витень был предшественником Гедемина становится понятно, почему на некоторых монетах и гербах эти символы объединяли, следуя геральдической логики герб Колюмны можно считать личным гербом династии Гедеминовичей, а герб Погоня земельным гербом Литвы (см. рис.2).

Объединение герба Колюмны и герба Погоня		
 Монета 1567 года	 Печать Сигизмунда Кейстутовича (1365-1440 гг.)	 Герб Великого княжества Литовского 1435 г.

Рисунок №2

Начиная с внука Гедемина, Владислава II Ягайло (1362-1434 гг.) в гербе Великого княжества литовского появляется новый символ - двойной "апостольский" крест (с равными по длине горизонтальными перекладинами). Необходимо отметить, что исторически с Владислава II начинается династия Ягеллонов (XIV-XVI века), отмеченная правителями Литвы, Польши, Венгрии, Хорватии и Чехии. С Владислава II символ личного герба Ягеллонов появляется на гербе Великого Княжества Литовского (см. рис.3).

Родовой символ Ягеллонов в различных гербах		
 Герб Венгрии XIV-XVIII века	 *Родовой герб Ягеллонов 1377-1572 гг.*	 *Герб Литвы XIV-XVI века*

Рисунок №3

Существует несколько версий приобретения данного символа Ягеллонами. По одной из них данный символ получил основатель династии Литовских князей Миндовг (1195-1263 гг.) от папы римского Иннокентия IV в честь принятия католичества. По другой версий двойной крест Владислав II Ягайло приобрёл благодаря браку с Ядвигой дочерью короля Венгрии и Польши Людовика I Великого. Позаимствовав данный символ с герба Венгрии. Обе версии не выдерживают критики. Первая версия не находит подтверждения в печатях, знамёнах и монетах периода князя Миндовга. Вторая версия вызывает вопросы геральдического характера, так как на гербе Венгрии данный символ изображен следующим образом: *серебряный патриарший крест, лапчатый на концах, поставленный на золотой короне, венчающей зеленую гору о трех вершинах*. Если бы Владислав II Ягайло, позаимствовал данный символ с герба Венгрии, то по правилам геральдики он бы взял полную композицию, сохранив цвета щита и символов. Однако герб династии Ягеллонов описывается очень лаконично: *в лазурном поле золотой крест с двумя равными перекладинами.* Литовская геральдика самобытна, именно поэтому скорее всего "крест Ягеллонов", так же как и "Гедеминовы столбы" берёт своё начало от личности князя Владислав II Ягайло, его обширных имений или какого-то ключевого события в его жизни. Обратимся к биографии Ягайло. Дата его рождения доподлинно неизвестна, считается что он родился между 1350 и 1362 годами в союзе Литовского князя Ольгерда и тверской княжны Иулиании. Родной дед и бабушка княжны и поныне почитаемые православные святые Анна Кашинская (1280-1368 гг.) и Михаил Ярославич Святой (1271-1318 гг.). Отец же Ягайло великий князь Литовский Ольгерд (1296-1377 гг.) принял православие ещё до совей первой женитьбы на Витебской княжне Марии Ярославне 1318 г. Князь Ольгерд присутствует на Памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде, а также внесён в помянник Киево-Печерской лавры как «кн. великий Ольгерд, наречённый в св. крещении Дмитрий» [5]. Это был и по происхождению, и по вере русский князь, однако сложные отношения с соседями заставляли многих великих князей литовских маневрировать между православием и католичеством, спасая собственные языческие земли от вторжения иноплеменников - тевтонов. Вступая во временные союзы с Римским престолом князья Литвы на протяжении веков старались сохранить свой народ и свои земли от разорительных Северных крестовых походов. Рождаясь православными, они принимали католичество для предотвращения вторжения крестоносцев, а умирая погребались по языческим традициям. Такова была цена уплаченная князьями Литвы в непростых геополитических маневрах становления молодого государства, возникавшего на стыке западной и восточной цивилизации. Не обошла стороной эта судьба и будущего основателя династии Ягеллонов, родившегося в семье с глубокими православными традициями и крещённого под именем Иаков [6]. Уже в 1385 году князь Ягайло встал перед тяжёлым выбором: примкнуть к православной Москве посредством брака с Софьей дочерью Дмитрия Донского или принять католичество и жениться на польской королеве Ядвиге. Выбрав в пользу католичества князь Ягайло в 1386 году был вынужден крестить свой двор и рыцарей, а с 1837 года в Вильне началось крещение дворянства и крестьян. Именно это событие и является источником символа Ягеллонов - лотарингский крест. В локальной перспективе католицизм объединил Литву и Польшу, которые смогли дать отпор тевтонской экспансии в Грюндвальской битве 1410 года. Далее этот союз был закреплён Люблинской унией 1569 года. Однако религиозные противоречия католической знати и православного населения сочувствовавшего Московским князьям и ищущего их защиты, в долгосрочной перспективе привели к ослаблению Великого княжества Литовского с последующим его поглощением со стороны Российской империей в конце XVIII века. Люблинская уния по сути своей создала новое государство Речь Посполитая (1569-1795 гг.), в символах данного государства объединились гербы Польши и Литвы (см. рис.4).

Герб Речи Посполитой

15691795 гг.

Рисунок №4

Герб представлял собой объединённый герб обеих государств в четверочастном червлёном щитке, в первой и четвертой частях польский серебряный орёл, во второй и третьей частях литовская «Погоня» с символом Ягеллонов. В малом щитке поверх основного герба обычно располагался герб правящего монарха. В зависимости от государя менялись и другие атрибуты герба например щитодержатели, орденские ленты, а на королевских печатях добавлялись гербы присоединённых к Речи Посполитой земель: Русского королевства (Галиции), Молдавского княжества, Королевской Пруссии и т.д.. Анализируя данный герб с точки зрения правил геральдики видно, что герб Польши находится в первой четверти щита (главная часть), в данном случае герб достаточно точно отражает внутриполитическое состояние государства и превалирование Польши над Литвой в данной конфедерации. Одной из причин создания данной конфедерации стала грядущая катастрофа Ливонской войны и усиление Московского государства. Однако присоединение к Польше не принесло Литве ничего хорошего, так как началась повальная католизация и полонизация населения, а так же потеря влияний Литвы на больших территориях. Созданное государство было полно противоречий и конфликтов интересов, новые законы и концентрация власти в руках сейма, практически блокировали принятия любых решений. Наделенные властью мелкие магнаты на региональном уровне погрязли в коррупции. Результатом стала анархия разрушившая Речь Посполитую.

Российское государство никогда не рассматривало Литву как иноплеменные земли, тому доказательством служит Титул царя Алексея Михайловича (1629-1676 гг.). Так более чем за 100 лет до вхождение Литовских земель в состав Российской империи титул царя звучал следующим образом:

Великий Князь Литовский.
 1672 год

Рисунок №5

Божиею милостию, Мы, Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и **Великий Князь Литовский**, Смоленский, Тверский, Волынский, Подольский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северныя страны Повелитель, и государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей и иных многих государств и земель, восточных и западных и северных, отчич и дедич, и наследник, и Государь, и Обладатель. [7]

В Царском Титулярнике 1672 года находим изображение символа Литовских земель (см.рис.5). Стоит отметить, что окончательное закрепление в Большом титуле российских государей *Великий Князь Литовский* произошло при Павле I, после раздела Речи Посполитой. Считается, что раздел Речи Посполитой завершил исторический процесс объединения восточных славян и близких к ним народов в единое государство. Земли современной Литвы распределились между Виленской, Ковенской губерниями. После присоединения к Российской империи Царства польского по решению Венского конгресса 1815 года к вышеуказанным губерниям добавилась северная часть Сувалкской губернии. Гербы и описание указанных губерний представлены в Таблице №1.

Таблица №1

Гербы губерний Российской империи находившихся на территории современной Литвы [8]	
	Гербъ Виленской губернiи Въ червленомъ щитѣ на серебряномъ конѣ, покрытомъ червленымъ трехконечнымъ, съ золотою каймою, ковромъ, серебряный, вооруженный всадникъ (погонъ), съ подъятымъ мечемъ и со щитомъ, на коемъ осьмиконечный червленый крестъ, что составляетъ гербъ Великаго Княжества Литовскаго (см. прил. къ осн. Госуд. зак. I,A,§3,IV). Щитъ увѣнчанъ Императорскою короною и окруженъ золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою лентою.
	Гербъ Ковенской губернiи Въ лазуревомъ щитѣ, серебряный памятникъ, воздвигнутый въ городѣ Ковно, въ воспоминанiе войны 1812 года. Сей памятникъ украшенъ золотыми Императорскими орлами и увѣнчанъ золотымъ русскимъ, съ двумя перекладинами вверху, крестомъ. Щитъ увѣнчанъ Императорскою короною и окруженъ золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою лентою.

	Гербъ Сувалкской губерніи Въ золотомъ щитѣ на черномъ холмѣ зеленая ель, все обрамлено двумя лазуревыми волнообразными поясами. Щитъ увѣнчанъ Императорскою короною и окруженъ золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою лентою.

Герб Литовских земель (Пгоня) получил свое отражение и в Большом гербе Российской империи. Именно на него идёт ссылка в описании герба Виленской губернии.

1857 годъ, Указъ №31720 - Апрѣля 11. Высочайше утвержденныя подробныя описанія государственнаго герба, государственной печати и гербовъ Членовъ Императорского Дома.

I. О государственномъ гербѣ.

Фрагмент с Большого Государственного Герба Российской империи

Рисунок №6

А. Большой Государственный гербъ

§3. Надъ сенію главнаго (съ государственнымъ гербомъ) щита шесть щитовъ:

III. Щитъ соединенныхъ гербовъ Княжествъ и Областей Бѣло-Русскихъ, раздѣленный вилообразно на три части. Въ *первой* гербъ **Полотскій**: въ серебряномъ полѣ, на черномъ конѣ, съ серебряною и червленою сбруею, всадникъ (pogon) въ черном вооруженіи, съ подъятою саблею; рукоять золотая; щитъ червленый, съ серебрянымъ осьмиконечнымъ крестомъ. Во *второй* гербъ **Витебскій**: въ червленомъ полѣ серебряный всадникъ въ вооруженіи, съ подъятымъ мечемъ и круглымъ щитомъ; сѣдло на серебряномъ конѣ червленое, покрытое трехконечнымъ золотымъ, съ лазуревою каймою, ковромъ. Въ *третьей* части гербъ **Мстиславскій**: въ серебряномъ полѣ червленый волкъ; голова влево; языкъ также червленый.

IV. Щитъ соединенныхъ гербовъ Княжествъ и областей Сѣверо-Западной Россіи, раздѣленный вилообразно на три части. Въ *первой* гербъ Великаго Княжества Литовскаго: въ червленом полѣ, на серебряномъ конѣ, покрытомъ червленымъ трехконечнымъ, съ золотою каймою, ковромъ, всадникъ (pogon) серебряный, въ вооруженіи, съ подъятымъ мечемъ, и со щитомъ, на коемъ осьмиконечный червленый крестъ. Во *второй* гербъ Самогитскій: въ золотомъ полѣ черный, стоящій на заднихъ лапахъ, медвѣдь; языкъ червленый. Въ *третьей* гербъ Бѣлостокскій; щитъ пересѣченный: въ верхней части, въ червленомъ полѣ**,** серебряный орел; въ нижней, въ золотом полѣ, лазуревый вооруженный всадникъ, съ подъятымъ мечемъ и серебрянымъ щитомъ, на коемъ червленый осьмиконечный крестъ; конь черный, покрытый червленымъ, трехконечнымъ, съ золотою каймою, ковромъ. **[9]**

Если проанализировать те изменения которые коснулись герба Великого Княжества Литовского, то видно что с "Погони" исчезли атрибуты династии Ягеллонов и вместо католического патриаршего креста появился православный патриарший крест, тот же православный крест и на гербе Полоцком и Белостоцком. Получается, что по сути земельный герб "Погоня" сохранился на присоединённых территориях но в идеологическом смысле он стал русским. Так же стоит отметить вниманием герб Самогитский, как территориальная единица она сначала входила в Литовскую губернию, с 1801 года в Виленскую губернию, а с 1842 года это составная часть Ковенской губернии. Однако возникает вопрос почему на Большом Гербе Российской империи нет герба Ковенской губернии, в то время как, отдельно выделен герб территории находящейся в её составе? Самогития - Жемайтия, т.е. место проживания племени жмудь, т.е. наиболее ярко выраженного литовского населения [10]. Все иные исторические литовские земли как то Аукштайтия, Сувалкия, Дзукия и малая Литва были заселены балтийскими племенами и славянами. Тем самым Российская империя на своём гербе подчёркивала наличие в её составе территорий и коренных народов их населяющих, тем более что эти народы на протяжении веков совместно со славянами отражали немецкую экспансию на восток, разворачивая орды крестоносцев как в партизанских войнах так и при открытом противостоянии (Грюнвальдская битва 1410 г.).

Присоединив польские и литовские земли Российская империя столкнулась с рядом проблем, перечислим наиболее крупные из них:

1. Центральная Польша и западная часть Литвы были под протекторатом Папы Римского и в составе России значительно увеличилась численность католического населения;

2. В составе Речи Посполитой шляхетства т.е. дворянского сословия было более 10% в то время как в Российской империи это сословие едва превышало 1%;

3. Вся многовековая история Польши строилась на противоборстве и длительных войнах с Русским государством. Эти войны имели как территориальные, так и конфессиональные цели. Только в Наполеоновских войнах через Польские легионы сражавшиеся на стороне Бонапарта прошло около 35 тыс. человек.

В связи с вышеперечисленным ассимиляция, переселение или насильственное раскатоличевание присоединённых народов были невозможны. Российская империя приняла решение медленного окрестьянивания польских дворян. Так шляхта превратилась в "однодворцев", а потом в "крестьян из бывших однодворцев". На ниве исторической памяти о противостоянии польского и русского народов, в религиозно чуждом государстве, которое ещё и лишало дворянских привилегий 90% присоединённого шляхетства, одно за одним возникали польские восстания. Каждое польское восстание ставило своей целью восстановление Речи Посполитой, что автоматически втягивало в противостояние с Российской империей и Литву. Оба восстания 1830-1831 гг. и 1863-1864 гг. в своих гербах сразу давали понять где был очаг востания, какие цели преследовались восставшими и какие территории вовлекались в мятеж (см. рис.7).

Символы Польских восстаний.

1830-1831 гг.

1863-1864 гг.

Рисунок №7

На печатях мятежного правительства 1830-1831 гг. изображался герб в виде увенчанного золотой короной рассеченного кармазинового щита, в правой половине которого был изображен серебряный польский орёл, а в левой – серебряная "Погоня" с католическим патриаршим крестом на щите, что подчёркивало религиозную принадлежность.

На печатях Временного национального правительства 1863-1864 гг. изображался увенчанный золотой короной кармазиновый щит, в частях которого были изображены: В первой части серебряные орёл с мечём в правой лапе и католическим крестом в левой (Польские земли), во второй части Погоня с католическим патриаршим крестом (Великое Княжество Литовское), в третьей части архангел Михаил - герб г.Киева, как символ (Украинских территорий Речи Посполитой).

Герб Литвы 1928-1940 гг.

Рисунок №7

Трагические события 1917 года проявили весь спектр противоречий и притязаний на литовскую территорию не только со стороны России и Германии, но и со стороны "дружественной" Польши. Литва занятая германскими войсками в 1918 году получает признание как независимого государства, но остаётся оккупирована германскими войсками. Не удивительно, что провозглашая Литву как конституционную монархию Литовский Государственный Совет зовёт в качестве монарха Вильгельма II, герцога Фон Ураху, графа Вюрттенберг. По сути Литва становится сателлитом Восточной Пруссии, а её южные рубежи включая город Вильно находятся под оккупацией Польши. Необходимо отметить, что многовековая "дружба" и союз с Польшей, дали свои плоды, на момент вхождения польских войск в г. Вильно и г. Гродно 1920 года, это были полностью полонизированные города, численность литовского населения была менее 10%. В момент с 1922 г. по 1940 г. в жерновах первой мировой войны происходит попытка воссоздания государства Литва со столицей г. Вильнюс (оккупированной польскими войсками), а по факту со столицей в г. Каунасе, под немецким протекторатом. Являясь разменной монетой в противостоянии Германии и России (СССР) в 1940 году данная территория возвращается в состав государства в качестве Литовской Советской Социалистической республики. В период самостоятельности с 1928 года по 1940 год в статье 8 Конституции Литвы был описан герб государства:

"Государственный герб: белый всадник в красном поле". [11]

По сути это полностью обезличило весь символизм Погони (см.рис.7), так же стоит отметить, что описание герба дано обывательское, а не геральдическое. Смутные времена всегда наносят своё отражение на символы государства.

Герб Литовской ССР 1940-1990 гг.

Рисунок №8

В 1940 году земли Литвы возвращаются в состав Советской России. Литовской ССР передаются почти весь Свенцянский район, часть Островецкого района, а также Друскининский район Белорусской ССР. Можно по разному относится к данному процессу, но территория современной независимой Литвы сформировалась именно в 40-х годах. При помощи русского оружия, ценою жизней русских солдат юг Литвы (Виленский край включая Вильнюс) был освобождён от польских войск, а в 1944 году Литва полностью освобождена от Фашистской Германии в составе которой она принадлежала к Рейхскомиссариату Остланд. Так же в состав Литовской ССР возвращён Мемельский край (Клайпеда), единогласно переданный Сеймом Литвы в 1939 году Гармании. Советский Союз сформировал территорию современной Литвы, присоединив к ней примерно 20% её нынешней территории. Герб Советской Литвы был выполнен в традиции гербов советских республик. Герб представлял собой изображение золотого серпа и молота в золотых лучах солнца на белом фоне, обрамленного колосьями и дубовыми листьями, перевитыми красными лентами с надписями слева на литовском «Visų šalių proletarai, vienykitės!» и справа на русском языках «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В верхней части герба располагалась пятиконечная звезда, в нижней его части — буквы на красной ленте "LTSR". Положение о гербе было закреплено в 167 статье Конституции Литовской ССР от 20 апреля 1978 года. Данный герб один из немногих гербов СССР не претерпевавший изменений, герб утвержденный в 1940 году от герба 1978 года отличался только интенсивностью цветов.

Литва была одним из первых государств объявивших о выходе из состава СССР. В 1990 году принят закон Литовской Республики №I-130 "О Литовском государственном гербе" в котором дано следующее описание:

Герб Литовской Республики1990-1991 гг.

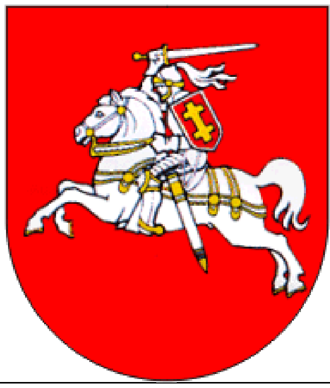


Рисунок №9

Статья 1. Государственный герб Литвы представляет собой изображение Витиса: на красном фоне гербового щита всадник в доспехах серебристого цвета на коне, держащий в правой руке поднятый над головой меч серебристого цвета. У левого плеча всадника щит, на красном фоне которого - изображение двойного креста золотистого цвета. Рукоятка меча и крепления ножен, шпоры всадника, удила узды, подковы коня, а также украшения ремней и другого снаряжения - золотистого цвета.

Герб Литовского государства независимо от его размера всегда должен соответствовать цветному или черно-белому изображению, *прилагаемому к настоящему Закону (см. рис.9).* [12]

Как и многие республики выходившие из состава СССР в 90-х годах Литва использовала в качестве символа государства, герб разработанный на рубеже 20-х годов. Данный герб был разработан скульптором Юозасом Зикаросом и отличался от традиционного изображения "Погони". Поэтому в 1991 году уже привлекая к работе профессиональных геральдистов Сейм Литвы принимает изменения в ранее принятый закон, так законом №I-1751 "Об изменении в законе Литовской Республики "О Литовском государственном гербе" вносятся изменения в статью 1:

Герб Литовской Республики 1991 г.- настоящее время

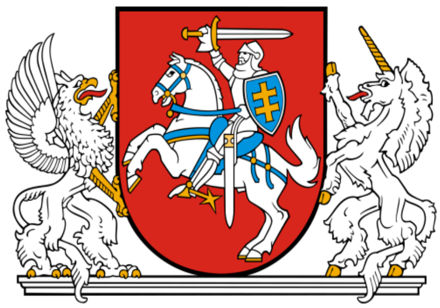
Рисунок №10

Литовским государственным гербом является Витис: в червлёном поле гербового щита изображен белый в латах всадник на белом коне держащий в правой руке поднятый над головой серебряный меч. На левом плече всадника висит лазоревый щит с двойным золотым крестом. Седло, чепрак, узда и подпруга коня лазоревые. Рукоять меча, удила узды, стремена и шпоры, ножны и металлические крепления сбруи коня золотые(см.рис.10). [13]

Автором данного герба является профессиональный геральдический художник Литвы Арвидас Каждайлис (Arvydas Stanislavas Každailis (1939 г.)). За основу герба был выбран герб Великого Княжества Литовского изображённый на гобелене в Вавельском замке г.Кракова (Польша). После закона 1991 года, была ещё череда законов определяющих сферы использования герба и разрешающих его использование различным ведомствам. Последний законодательный акт от 1 апреля 2008 года №X-1471

"О государственном гербе, гербах и гербовых знаках", уточнил геральдическое описание герба и обобщил все предыдущие законы относительно использования герба Литвы. Помимо официального герба утвержденного законом, существует Президентский герб и Парламентский герб (см.рис.11) не описанные никакими законодательными актами, но использующимися на официальных штандартах государства. Возможно в перспективе данные символы получат соответствующее законодательное описание и будут использоваться как большой, средний и малый герб государства.

Нерегламентированные символы Литвы.



Президентский герб

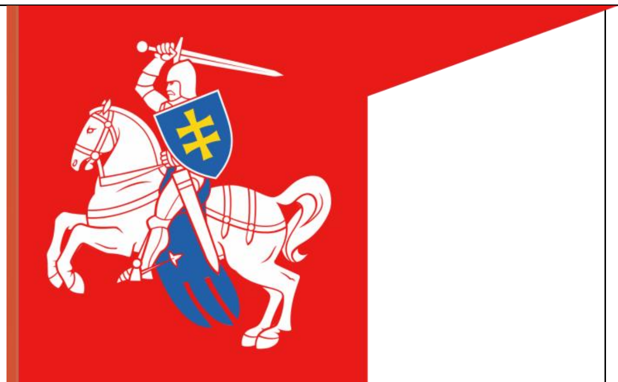
Парламентский герб

Рисунок №11

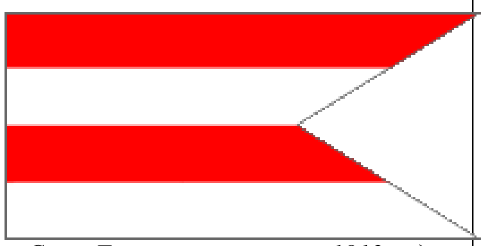
С геральдической и прогностической точки зрения Парламентский герб наиболее ярко соединил в себе все символы государства. Щит увенчан княжеской короной изображённой на Литовском статуте 1586 года, т.е. над всем превалирует закон. На девизной ленте изображена последняя строчка гимна Литвы "Единство процветёт", а полная фраза из гимна звучит следующим образом: "Во имя той Литвы единство процветёт!". Единство народа в независимости от национальности и вероисповедания, действительно является ключом к процветанию Литовского государства. Над девизной лентой изображены золотые Гедеминовы столбы, а щитодержателями служат серебряные грифон и единорог. Гедеминовы столбы как символ древней истории государства и династии её правителей. Символ династии Ягеллонов на щите Витиса, отражает как исторические, так и конфессиональные приоритеты государства. На данный момент в Литве проживает около 80% католиков и только 5% православных. Единорог в качестве щитодержателя встречается в гербах Шотландии, Великобритании и Канады как символ осторожности, осмотрительности, благоразумия, чистоты, непорочности, строгости и суровости. Грифон являлся щитодержателем гербов Австрии, Бадена, Мекленбурга символизируя могущество, власть, бдительность, а также служит символом быстроты, соединенной с силой [14]. В древних легендах грифоны являлись хранителями кладов. Щитодержатели данного герба конечно не имеют ни догматического ни исторического отношения к Литве, скорее это англосаксонские символы. Но с учетом внешней политики современной Литвы, эти символы точно отражают существующий вектор развития государства.

Стоит несколько слов сказать и о флаге Республики Литва. Первое упоминание о знамени Великого Княжества Литовского относится к концу XIV века. Немецкий историк и герольд Тевтонского ордена Виганд Марбургский в описании одной из битв ордена с литовцами, указал на наличие знамён у литовских воинов. Благодаря сохранившимся художественным картинам и знамёнам можно смело утверждать, что с конца XIV до конца XVIII века использовались преимущественно красные стяги с изображением "Погони" (см. рис.12). В 1812 году Наполеон предпринял попытку восстановления Великого Княжества Литовского и 19-ый полк литовских улан получил знамя состоявшее из двух красных и двух белых полос (см. рис.12).

Стяги Литвы.



Литовский стяг XIV-XVIII века.



Стяг Литовского легиона 1812 год.

Рисунок №12

С конца XIX века в среде литовской интеллигенции и студенчества начинается обсуждение различных вариантов флагов, которые используются на общественных мероприятиях. Йонас Басанавичюс (1851-1927гг.), литовский публицист, историк, общественный деятель борющийся за национальное возрождение Литвы в 1905 и в 1917 году на национальных съездах несколько раз настойчиво предлагал признать красное прямоугольное полотнище с изображением белого Всадника герба "Погоня" национальным литовским флагом. Данное предложение было дважды отвергнуто представителями съезда, по причине "монархичности" знамени. Революционный настрой общества, отрицание старых устоев и традиций привели к этому решению. Тогда Йонас Басанавичюс предлагает альтернативу использование красного и зелёного цвета, как традиционных цветов литовского национального костюма, а так же цветов флага Малой Литвы. Национальный Литовский совет собирается с разрешения немецких оккупационных властей 18 сентября 1917 года и использует зелёно-красную символику. Члены совета решают, что данный символизм мрачный и директор Ковенского музея Тадеуш Довгрид предлагает разделить данные цвета узкой полосой желтого цвета символизирующего рассвет. 25 апреля 1918 года временный государственный орган - Литовский совет утверждает флаг Литвы, состоящий из трёх горизонтальных равновеликих полос – жёлтой, зелёной и красной. Литве оккупированной немцами, разрешено вывешивать свой флаг только вместе с немецким и ниже него. В 1922 году Сейм Литвы принял конституцию государства в которой закрепил желто-зелено-красный флаг оккупационной Литвы образца 1918 года. Единогласно данный флаг не был принят населением государства и вплоть до 1938 года продолжались активные споры и предлагались варианты изменения флага государства. Предлагался как флаг Малой Литвы, так и новый вариант от заслуженного художника польско-литовского происхождения Мстислава Валериановича Добужинского (1875 – 1957гг.), интересно отметить, что среди предложенных вариантов так же были флаги в цветовой гамме флага Северной Осетии. Ещё несколько вариантов флагов были предложены Игнас Шейнюс (1889 – 1943гг.) он вертикально развернул цвета флага Малой Литвы, получился флаг похожий на флаг Италии. Также им было предложено два варианта флага с красным крестом Ягеллонов. Флаг в лазоревой расцветке очень понравился представителям торгового флота, они предлагали, в крайнем случае, утвердить его как морской флаг. Варианты эскизов государственных полотен и принятый флаг государства в период 1917-1938 годы представлены в Таблице №2.

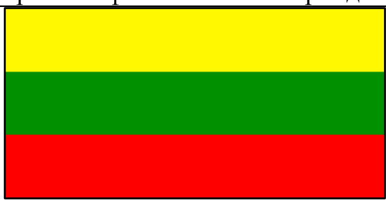
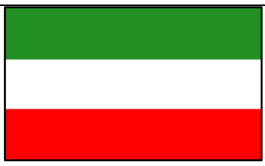
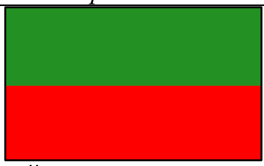
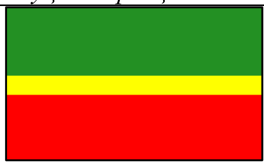
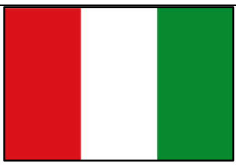
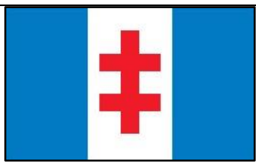
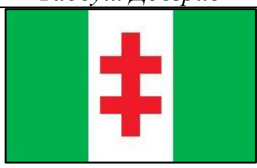
Основные варианты флага Литвы в период 1917-1938 гг.			
 *Флаг принятый в конституции образца 1922 года*			
 *Малая Литва*	 *Йонас Басанавичюс*	 *Тадеуш Довгрид*	 *Мстислав Добужинский*
 *Игнас Шейнюс*	 *Игнас Шейнюс*	 *Игнас Шейнюс*	 *Мстислав Добужинский*

Таблица №2

В период 1939-1940 года Литва входит в состав Советского Союза. 25 августа 1940 года в принятой конституции Литовской ССР был установлен флаг республики:

Статья 117. Государственный флаг Литовской Советской Социалистической Республики состоит из красного полотнища с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними – золотых букв: "Lietuvos TSR" [15]

В 1953 году Президиумом Верховного Совета Литовской ССР флаг республики был приведён в соответствие с принятыми флагами советских республик и указом от 15 июля получил следующее описание:

"Государственный флаг Литовской Советской Социалистической Республики представляет собой полотнище, состоящее из трёх горизонтально расположенных цветных полос: верхней - красного цвета, составляющей восемь двенадцатых ширины флага; средней - белого цвета, составляющей одну двенадцатую ширины флага; нижней - зеленого цвета, составляющей три двенадцатых ширины флага. В верхнем левом углу красной части полотнища расположены золотые серп и молот и над ними красная пятиконечная звезда, обрамленная золотой каймой. Отношение ширины флага к его длине 1:2".

Данный флаг автором Антанасом Йоно Жмуйдзинавичюсом (1876-1966 г.) был задуман и реализован опираясь на материалы 1917-1918 гг. и повторил обратную последовательность цветов флага Малой Литвы. Надо отметить что в Литовской ССР достаточно трепетно относились к вопросу использования флага, так не меняя его изображения более восьми раз вносились законодательные акты по усовершенствованию положения и инструкций применения флага. Литва одна из первых республик на территории СССР которая ещё до выхода из СССР на законодательном уровне 18 ноября 1988 года утвердила национальный флаг, флагом республики. Так в 168 статье конституции Литовской ССР было указано:

Государственным флагом Литовской ССР установлено прямоугольное полотнище, состоящее из трёх горизонтальных равновеликих цветных полос: верхней - жёлтой, средней - зелёной, нижней - красной. Отношение ширины флага к его длине - 1:2. [16]

Все флаги Литовской ССР в период с 1940 по 1990 года консолидированы в Таблице №3.

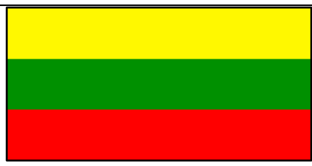
Флаг Литовской ССР 1940-1990 гг.		
		
1940-1953 гг.	*1953-1988 гг.*	*1988 г.*

Таблица №3

В 1990 году Литва стала одной из республик возглавивших Парад суверенитетов. Первое что сделал Верховный совет Литовской ССР, это в одностороннем порядке отменил Конституцию Литовской ССР и принял закон «О восстановлении действия Конституции Литвы от 12 мая 1938 года» и закон «О названии государства и гербе». Получилось, что закулисным предвестником Парада суверенитетов стал флаг республики, утверждённый за 3 года до этого события. В последствие флаг Литовской ССР образца 1988 года был описан в Законе Литовской Республики № I-1497 "О государственном флаге Литвы":

Статья 1

Государственным флагом Литвы является национальный флаг, который представляет собой полотнище, состоящее из трех равных горизонтально расположенных цветных полос: верхней – желтого цвета, средней – зеленого, нижней – красного цвета.

При поднятии Государственного флага Литвы в вертикальном положении слева должна *быть* расположена желтая полоса, посередине – зеленая, справа – красная полоса.

Статья 2

Ширина Государственного флага Литвы должна быть равна 1 метру, длина – 2 метрам, а длина древка флага – 3,4 метра.

Флаг и его изображение может быть и других размеров, однако во всех случаях отношение ширины флага к его длине должно быть 1:2, а отношение длины флага к длине древка – 1:1,7.

Флаг и его изображение всегда должны соответствовать цветному эталонному изображению Государственного флага Литвы. [17]

В 1991 году подписываются Беловежские соглашения, являющиеся предательством граждан Советского Союза. Жертвой данного договора стала мощнейшая держава и народы её населяющие. Получив независимость в республике Литва 25 октября 1992 года проводится всенародный референдум. Принятая на нём Конституция Литовской Республики действует и поныне. В статье 15 данной конституции указано следующее:

Цветами государственного флага являются желтый, зеленый, красный.

Государственным гербом является белый Витис на красном фоне.

Государственный герб, Государственный флаг и их применение устанавливаются законами. [18]

Так же как и в государственных символах Казахстана, Литва единственная из прибалтийских стран применившая стандартизацию цветов герба и флага республики. [19] Единственное отличие от Казахстана, это то, что Литва взяла не собственные цветовые стандарты, а Шведский атлас цветов флагов. Протоколом № 11-07-3 от 26.03.1996 г. Департаментом стандартизации министерства внутренних дел Литвы были установлены стандарты цветов флага и герба республики:

Председатель - C. Brencius, заместитель директора департамента стандартизации Литвы

Секретарь – B. Šilinienė, секретарь Геральдической комиссии.

Члены:

1. E. Borisovas, директор службы государственного и дипломатического протокола Министерства иностранных дел.

2. A. Čiapienė, секретарь службы государственного и дипломатического протокола Министерства иностранных дел.

3. A. Každailis, художник. Цвета Литовской государственной символики созданы на основе эталонов утвержденных Геральдической комиссией и Шведских стандартов - SS 01 91 02 "Цветовой атлас" (Fargatlas - Colour atlas), 2 редакции, 1989, Стокгольм (Швеция).

1. ГЕРБ

1.1. Желтый цвет - 0080-Y10R (SS 01 91 02).

1.2. Синий цвет - 2060-B (SS 01 91 02).

1.3. Красный цвет - 1090-Y80R (SS 01 91 02).

2. ФЛАГ

2.1. Желтый цвет - 1080-Y10R (SS 01 91 02).

2.2. Зеленый цвет - 5050-G (SS 01 91 02).

2.3. Красный цвет - 1090-P (SS 01 91 02). [20]

Флаги Литвы изготавливаются согласно стандарту LST 1179:2005.

Флаги Литвы.	
	
Государственный флаг	*Исторический флаг*

Рисунок №13

В 2004 году был принят закон Литовской Республики IX-2331 «О поправках в законе "О государственном флаге Литвы", принимается новая редакция закона и изменяется его название - «Государственный флаг Литовской Республики и другие флаги». В статье 2 нового закона указано следующее (см. рис.13):

1. Государственный флаг Литвы – официальный символ Литовского государства, национальный флаг – полотнище из трех равновеликих горизонтальных цветных полос: верхней – желтого, средней – зеленого, нижней – красного цвета.

2. Государственный исторический флаг Литвы – исторический государственный символ Литвы, полотнище, на красном поле которого изображен серебряный рыцарь в латах на белом коне, с серебряным мечом в правой руке, поднятой над головой. На левом плече рыцаря висит синий щит с двойным золотым крестом. Конское седло, чепрак, уздечка и поводья синие. Рукоять меча, удила, стремена и шпоры, ножны и металлические крепления конской сбруи золотые. [21]

Историческим флагом Литвы был принят флага Президента Республики образца 1920-1930-х годов. Данный флаг перерисован художником Арвидасом Каждайлисом (Arvydas Stanislavas Každailis (1939 г.)) в 2002 году. Арвидас является создателем не только государственного герба Литвы, но и гербов многих городов и посёлков. В статье 3 установлено, что у полотнищ национального флага и государственного исторического флага соотношение ширины и длины должно быть 3:5 и обычным размером является 1 метр в ширину и 1,7 метров в длину. Законом Литовской Республики от 1 апреля 2008 года № X-1472 "О внесении изменений в статьи 1,2 закона о государственном флаге и других флагах, а также о дополнении закона статьёй 101" к названию «исторический государственный флаг Литвы» было добавлено слово «гербовый» что более точно соответствует его внешнему виду. Так же описание исторического государственного флага Литвы изложено в новой редакции:

2. Государственный исторический (гербовый) флаг Литвы (далее – исторический флаг Литовского государства) – исторический государственный символ Литвы, полотнище, на красном поле которого изображен белый (серебряный) рыцарь в латах на белом (серебряном) коне с поднятым в правой руке над головой белым (серебряным) мечом. На левом плече всадника висит синий щит с двойным жёлтым (золотым) крестом. Конское седло, чепрак, уздечка и поводья синие. Рукоять меча, удила, стремя и шпора, ножны, а также металлические крепления конской сбруи и подковы жёлтые (золотые)". [22]

Статья 10 вышеуказанного закона регламентирует места и случаи поднятия государственного исторического (гербового) флага Литвы:

1. Государственный исторический флаг Литвы поднят постоянно:

1) над Дворцом правителей Литвы в Вильнюсе;

2) в Тракайском замке;

3) в сквере Военного музея в Каунасе.

2. Государственный исторический флаг Литвы также поднимается:

1) 16 февраля – в День возрождения Литовского государства – возле (на или над) здания Дома подписавших, находящегося на ул. Пилес в Вильнюсе;

2) 11 марта – в День восстановления независимости Литвы – возле здания Сейма Литовской Республики;

3) 6 июля – в День Государства (коронации короля Литвы Миндаугаса) – возле резиденции Президента Республики;

4) 15 июля – в День Грюнвальдской битвы – возле Министерства охраны края Литовской Республики;

5) 25 октября – в День Конституции – возле здания Сейма Литовской Республики, резиденции Президента Республики и Правительства Литовской Республики".

Показав основные поворотные точки исторического развития Литвы, а так же показав, как эволюционировала символика государства, можно сделать следующие выводы:

Герб Литвы полностью соответствует историческим предпосылкам. Конечно, можно спорить, что должно быть на щите Витиса - крест Ягеллонов или Гедеминовы столбы или оба эти символа? Данная деталь герба лишь будет подчёркивать, либо древность символики (Гедеминовы столбы), либо период наибольшего рассвета литовской государственности (Крест Ягеллонов). Самое главное, что герб Литвы берёт своё начало от истоков геральдики и уже в XV веке получил своё современное название «Погоня». Мало кто из бывших республик СССР, ставших самостоятельными государствами, а так же стран Европейского союза, может «похвастаться» столь древней государственной символикой. Определённые вопросы возникают по отношению к нерегламентированным символам республики. Щитодержатели не соответствуют историческим предпосылкам, а скорее являются определённой прогностической предпосылкой в сторону англо-саксонского вектора развития государственности. Но ввиду того, что данные символы так и не оформлены законодательно, надо думать, что единого мнения по ним ещё не сформировано.

Флаг Литвы менее удачный символ государства. Обычно флаг формируется из цветов герба, тем самым усиливая государственную символику. В случае с Литвой, флаг по сравнению с древним гербом, является чужеродным новоделом. Созданный в смутные годы немецкой оккупации, людьми, отрицавшими весь исторический путь Литовской государственности, флаг не сочетается с гербом и не имеет никаких исторических предпосылок. Бело-красный или сине белый стяг с крестом Ягеллонов более подходящий символ, сочетающийся с гербом и историей Литовской земли. Подспудно понимания, чужеродность государственного флага, правительство Литвы законодательно закрепило Государственный исторический (геральдический) флаг республики. Это уникальный случай в государственной символике, напоминает конец XIX века в Российской империи, когда одновременно использовались два варианта флага – черно –жёлто – белый и белый – синий – красный.

Сильной стороной государственной Литовской символики является стандартизация цветов флага и герба, описанные в соответствующих законодательных актах. Имея столь богатую историю развития государственных символов, Литва продолжает искать и совершенствовать атрибутику государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лакиер А.Б., Русская геральдика, Санкт-Петербургъ, 1855. –С. 312.;
2. Клесов А.А., Кому мешает ДНК-генеалогия? Ложь, инсинуации, и русофобия в современной российской науке, Москва: Книжный мир, 2016, -С. 4.;
3. Иванович П.Б., Кто мы?, [Электронный ресурс] // http://samlib.ru 06 февраля 2009. URL: http://samlib.ru/p/popow_b_i/ktomy1glava99-73.shtml;
4. Мисюнас В., Национальные символы Литвы., [Электронный ресурс] // Геральдика.ру, 24 сентября 2012. URL: https://geraldika.ru/article/32699;
5. Голубев С.Т., Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI ст.) // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Кн. 6. Киев, 1892. С. I–XIV, –С. 1–88.;
6. Иванов Н.М., История Литовско-Русского государства в именах и датах (Держава Гедиминовичей): Историко-генеалогическоеисследование-обобщение. Книга 2, –С. 23.;
7. Эскин Ю. М., Царский Титулярник в 2 томах, Москва: Культурно-просветительный фонд им. народного артиста Сергея Столярова, 2007. – С 46;
8. Винклер П.П., Гербы городовъ, губерній, областей и посадовъ Россійской Имперіи, Санкт-Петербург: И. М. Комелова, 1899, –С. 182-183.;
9. Полное Собраніе ЗаконовъРоссійской имперіи, съ 1649 года, Томъ XXXII 1857, Санктпетербургъ: Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е.И.В. Канцеляріи, 1858, –С. 297.;
10. Трёшникова А. Ф., Географический энциклопедический словарь: географические названия, Москва: Советская энциклопедия, 1989, –С. 167.;
11. Геральдикум, [Электронный ресурс] // Heraldicum.ru, 18 января 2008, URL: http://heraldicum.ru/lietuva/index.htm;
12. Lietuvos Respublikos Seimas, [Электронный ресурс] // Dokumentų paieška, 10 апреля 1990, URL: https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.36?positionInSearchResults=2&searchModelUUID=b12bdc46-86b6-4dfc-96e6-3a5e3177753c;
13. Lietuvos Respublikos Seimas, [Электронный ресурс] // Dokumentų paieška, 20 сентября 1991, URL: https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.2861?positionInSearchResults=0&searchModelUUID=b12bdc46-86b6-4dfc-96e6-3a5e3177753c;
14. Лакиер А.Б., Русская геральдика, Санкт-Петербургъ, 1855. –С. 316. ;
15. Конституция (Основной закон) Литовской Советской Социалистической Республики. С изменениями и дополнениями, принятыми на I, II, IV и V сессиях верховного совета Литовской ССР третьего созыва., Вильнюс: Госполитнаучиздат., 1954.;
16. Соколов, В. А. Вексиллологический справочник по флагам Российской Империи и СССР [Текст] : в 2 т. / В. А. Соколов; [Рос. ассоциация междунар. права]. – М. : МГИУ, 2002.;
17. Lietuvos Respublikos Seimas, [Электронный ресурс] // Dokumentų paieška, 26 июня 1991, URL: https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.1488?positionInSearchResults=2&searchModelUUID=b12bdc46-86b6-4dfc-96e6-3a5e3177753c;
18. Конституция Литовской Республики от 25 октября 1992 г. URL: http://www.right777.ru/konst.html#id23 (дата обращения: 02.01.2019);
19. Загоруйко М.В.. Символы Республики Казахстан: исторический путь и современные реалии . // Исторический журнал: научные исследования. - 2015. - № 5. - С. 568-575. DOI: 10.7256/2222-1972.2015.5.17290.;
20. Вексиллология, [Электронный ресурс] // Vexillographia.ru, 01 июля 2010, URL: http://www.vexillographia.ru/litva/texts/1996_color.doc;
21. Lietuvos Respublikos Seimas, [Электронный ресурс] // Dokumentų paieška, 8 июля 2004, URL: https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.238189?positionInSearchResults=0&searchModelUUID=b12bdc46-86b6-4dfc-96e6-3a5e3177753c;
22. Lietuvos Respublikos Seimas, [Электронный ресурс] // Dokumentų paieška, 1 апреля 2008, URL: https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.318093?positionInSearchResults=0&searchModelUUID=9c5efab0-95e3-41ae-86bb-84de43cdfea5;

JURISPRUDENCE

THEORETICAL ISSUES OF ESTABLISHING ADOPTIONS IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Atalykova G.
Senior lecturer South Kazakhstan
State University named after M.Auezov, applicant Tashkent State Law University

Abstract
The article discusses the theoretical and practical problems of the courts applying the law on adoption cases, the participation of the prosecutor and the guardianship authority, the requirements and the basis for the cancellation of adoption.

Keywords: adoption (adoption), civil court, guardianship and custody, invalidation of adoption.

Adoption is considered as perfect in the interests of children when the basis of the adoptive parents is motives and ideas aimed at providing the adoptee with the rights guaranteed by the Constitution of the Republic of Uzbekistan, Family and Civil Codes of the Republic of Uzbekistan for the purpose of educating and harmonious development of his personality, and the adoptive parents acquire rights, ready and able to bear the responsibilities of parents.

Adoption is allowed only in respect of minor children and only in their interests. If the adopted child has reached the age of ten years, then in accordance with Article 155 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan, the child’s consent is required for adoption. Thus, if the adopted child is ten years old before the court decision on the case on the establishment of adoption, the court must obtain his consent (in compliance with the requirements of Article 301 of the Civil Procedural Code of the Republic of Uzbekistan).

The consent of the child to the adoption is revealed by the guardianship and custody bodies or the court when considering the case of adoption. At the same time, his attitude towards the adoptive parents, the nature of the relations established between them, and the feelings he has towards them should be clarified. So, in clause 15 of the Regulation on the adoption (adoption) of minor children and the adoption of children into a family for upbringing (patronage) (approved by the Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan dated April 12, 1999 No. 171)) the consent is adopted:

- if the adopted child has reached the age of ten years, his consent to adoption is established by the guardianship and custody authorities. When a child’s consent is received, the legal consequences of the adoption (communication with relatives, property and other disputes), about the change of his name, entries in the birth certificate;

- if a child is brought up in a family of adoptive parents and recognized by their parents as established by the custody and guardianship authority in the interview with him, the adoption can be made without the consent of the adopted [1].

In this regard, the legal provision of the French Civil Code is of interest: "Only children who have been acquainted with the adoptive parents for at least six months can be adopted." Such a requirement of the law is justified, since it excludes the possibility of adoption of children by random people, helps the adopters and the adopted [2]. It would be advisable to introduce a similar provision in the legislation of the Republic of Uzbekistan.

However, if prior to filing an application for adoption, the child lived in the adopter’s family and considers him to be his parent, adoption, as an exception, can be made without obtaining the consent of the adopted child (Art. 156 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan).

For the adoption of a child requires the consent of the parents of the adopted. Parents can consent to the adoption of a child by a certain person (s) or give consent to the adoption, giving the choice of adoptive parents to the custody and guardianship authority.

Part 4 of Article 159 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan provides that parents may revoke their consent to adopt a child. It should be noted that such a right is granted by law only to parents of the adopted and prior to the adoption of a court decision on his adoption. However, a situation may arise when the court does not take into account the recall of the parents of the consent given by them. For example, if the court determines that there are grounds listed in Article 160 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan, for adoption of a child without parental consent.

Parents 'consent to the adoption of a child must be expressed in a statement notarized or certified by the head of the institution where the child is left without parental care, or by the guardianship and custody authority at the place of adoption of the child or at the parents' place of residence. The consent of the parents to the adoption of the child can be expressed by them directly in court during the adoption.

In accordance with Part 3 of Article 159 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan, parental consent for adoption must be expressed in a statement notarized or certified by the head of the institution where the child is left without parental care, or by the guardianship and custody authority place of residence of parents, and can also be expressed directly in court in the production of adoptions.

In accordance with Article 302 of the Civil Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, the court considers cases involving the adoption of a child with the obligatory participation of the adoptive parents (adoptive parent), a representative of the guardianship and custody agency, and the prosecutor. If necessary, the court may involve in the case the parents (parents) of the adopted child, his relatives and other interested persons, as well as the adopted child himself, if he has reached the age of ten years.

Несомненно, данная процедура должна быть урегулирована законодателем. However, participation in the same process by the adopters and parents of the adoptee, his relatives may lead to the disclosure of the secrets of adoption. Therefore, it is desirable that such cases be heard without adopters in the courtroom. Undoubtedly, this procedure should be settled by the legislator.

It is noteworthy that adult citizens of both sexes can be adoptive parents with the exception of persons: deprived of parental rights or restricted in parental rights; recognized as legally incapable or partially capable in accordance with the law; registered in psychiatric or narcological institutions; former adoptive parents, in case of cancellation of the adoption on the grounds specified in the first part of Article 169 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan; previously convicted of an intentional crime.

The age difference between adoptive parents and adopted children must not be less than fifteen years old, except in cases of adoption by a stepfather and stepmother (Article 152 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan).

We believe to add to Article 152 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan that they are not married to each other and cannot jointly adopt the same child.

In this connection, we consider it expedient to adopt the "List of diseases, in the presence of which a person cannot adopt a child, take him in custody (guardianship), take him into a foster family" and approve it by a resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan. You should also include in the "List of diseases, in the presence of which a person cannot adopt a child, take him under guardianship (guardianship), take into foster care" the following diseases: tuberculosis (active and chronic) of all forms of localization in patients of groups I, II, V dispensary registration; diseases of internal organs, nervous system, musculoskeletal system in the stage of decompensation; malignant oncological diseases of all localizations; drug addiction, substance abuse, alcoholism; infectious diseases before removal from the dispensary; mental illness in which patients are recognized in the prescribed manner to be incapable or partially capable; all diseases and injuries that led to disability of I and II groups, excluding the ability to work.

The court in the proceedings for the establishment of adoptions must comply with the requirement of part 4 of article 151 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan, according to which adoption of brothers and sisters by different persons is not allowed, except in cases where adoption is in the interests of children.

If children are adopted by foreign citizens or stateless persons, the court must bear in mind that such adoption is carried out in accordance with Article 1611 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan. Adoption by citizens of the Republic of Uzbekistan of a child who is a foreign citizen or stateless person permanently residing in the territory of another state is carried out in the manner prescribed by the legislation of the state in which the specified child permanently lives in cases when the adopted child is an orphan and a close relative of the adoptive parents (adoptive parent) or when adoption is not possible for various reasons in their homeland.

When citizens of the Republic of Uzbekistan adopt a child who is a foreign citizen or a stateless person permanently residing in the territory of another state, the permit of the competent authority of the Republic of Uzbekistan to enter the child to be adopted into the Republic of Uzbekistan and permanent residence in the Republic of Uzbekistan is required.

Cases on the establishment of the adoption of a child are considered by the court in a closed court session (part 3 of Article 310 of the Civil Procedure Code of the Republic of Uzbekistan). The law does not contain special rules on the timing of consideration of this category of cases, but the need for them arises inevitably (suffice it to recall the adoptive parents, imitating pregnancy). Will the courts be able to meet these people and consider their cases first?

Part of the way out can be found in the legislative securing of special terms for consideration of this category of cases, taking into account the interests of adoptive parents, imitating pregnancy.

In accordance with Article.303 of the Civil Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, the court, having considered the application for the adoption of a child on the merits, makes a decision to approve the application or to refuse to satisfy it fully or in part to satisfy the adoptive parents (adoptive parent) about their registration as a parent (parent a) child in the record of his birth, as well as changing the date and place of birth of the child.

So, when deciding on the adoption of an adoption, the court must allow and directly reflect in the operative part of the decision the following questions: name, patronymic and surname of the adopted child and the fact of their change (part 3 of Article 164 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan), change of date and place of birth adopted child (part 3 of article 164 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan), recording of adopters as parents of an adopted child (part 2 of article 164 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan), on the preservation of personal non-property and property rights and obj ancestors of the father or mother, and in the case of the death of one of the parents - about the preservation of personal non-property and property rights and obligations in relation to the relatives of the deceased parent (Article 165 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan), about the preservation of the right to a pension for the adopted child .166 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan).

It seems appropriate that the decision should have a record of familiarization of the participants of the process with the contents of Article 153 of the Family Code "Mystery of child adoption", according to which the judges who made the decision on the adoption of the child, or the officials who carry out the state registration of the adoption, as well as those who are aware of the adoption are obliged to keep the secret of the adoption of the child.

It is desirable to provide for the introduction of a special procedure for office work in cases of this category, which would exclude the possibility of disclosing the secret of adoption.

A copy of the court decision that establishes the adoption of the child is sent by the court within three days from the date the court decision enters into legal force in the civil registration office at the place of the decision for state registration of the child's adoption.

The time of occurrence of the adoption is considered the day of making the necessary changes to the book of birth records of the adopted (Article 167 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan).

In accordance with Article 169 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan, the adoption is also canceled in a judicial proceeding. Based on the fact that this article does not say about the cancellation of a previously rendered decision, it is a question of a different category of cases, with its subject matter and specific grounds for arousal. Cases on the cancellation of adoption are subject to review in a lawsuit.

The right to demand the abolition of the adoption of a child through the courts is held by his parents, the prosecutor, the guardianship and trusteeship bodies, interdepartmental commissions for minors, and the adopted child who has reached the age of sixteen years (art. 170 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan).

The reasons for the abolition of adoption are evasion of adoptive parents from fulfilling the duties assigned to them by parents, abuse of parental rights, cruel treatment of an adopted child, chronic alcoholism or drug addiction. Cancellation of adoption upon reaching the age of majority is adopted if the behavior of the adopted affects the honor and dignity of the adoptive parents, threatens their life or health.

In addition, the court has the right to cancel the adoption of a child for other reasons based on the interests of the child and taking into account the opinion of the child (part 3 of Article 169 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan).

Cancellation of adoption is allowed only in court. When resolving cases on the abolition of adoption, the opinion of a child who has reached the age of ten is taken into account.

In the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan dated 11.12.2013. No. 21 “On the practice of application by courts of legislation on cases of adoption” explains that if due to special circumstances a slowdown in the execution of a decision may make its execution impossible (for example, the need for a course of treatment for an adopted child), then, according to clause 3 of part one of Article 267 of the Civil Code procedural code of the Republic of Uzbekistan, the court may allow the immediate execution of the decision.

Due to the fact that, unlike parents of adoptive parents, parental rights and obligations in relation to an adopted child arise from adoption, not origin, the courts should take into account that the grounds provided for in Article 169 of the Family Code of the Republic of Uzbekistan are not justified. for the deprivation of their parental rights, and for the abolition of adoption.

Cases of this category are considered with the participation of the prosecutor, as well as the body of guardianship and guardianship, and in resolving the case, the opinion of a child who has reached the age of ten years is taken into account.

It is explained that the evasion of duties imposed on the adoptive parents or the failure to fulfill them properly may be grounds for the court to cancel the adoption.

Adoption may be canceled by the court in other cases where the interests of the child require it.

If a lawsuit on the abolition of adoption is filed on the basis of a violation of the law during its execution, the court, resolving the dispute, is obliged to take into account all the factual circumstances, in particular, whether the cancellation of the adoption contradicts the child’s interests.

When abolishing the adoption, the court, having established the child’s need for material assistance, has the right to oblige the former adopter to pay funds for his maintenance.

In this case, the recovery of funds for the maintenance of the child is made by the court in a fixed sum of money, taking into account the material and marital status of the former adopter and the recoverer.

It must be borne in mind that the abolition of adoption is allowed until the majority of the adopted child, that is, until he reaches the age of eighteen.

At the same time, the abolition of adoption upon reaching the age of adoption by an adult is permitted only in cases where the behavior of the adopted affects the honor and dignity of the adopters, threatens their life and health.

It explains that the courts, when resolving the issue of jurisdiction, the statements on the cancellation of adoption should be based on the requirements of Articles 28, 29, and Article 298 of the Civil Procedure Code of the Republic of Uzbekistan.

The decision to cancel the adoption indicates whether the surname, name, patronymic of the adopted person is preserved, and it must be borne in mind that changing the name, surname, and patronymic of a child who has reached the age of ten years is possible only with his consent [3].

It should be noted that in the Family Code of the Republic of Uzbekistan and the Civil Procedure Code of the Republic of Uzbekistan there is an open question regarding the invalidation of adoptions.

However, in accordance with clause 21 of the Regulation on Adoption (Adoption) of Minor Children and Adoption of Children into a Family (Patronage) (approved by Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan dated April 12, 1999 No. 171), adoption is invalid if:

- Adoption was issued on false documents;
- adoption was fictitious;
- adopted by an adult person;
- the adopter is a person who does not have the right to be an adoptive parent, i.e., deprived of parental rights or limited in parental rights, recognized incapable or partially capable in the manner prescribed by law, registered in psychiatric or narcological institutions, previously convicted of an intentional crime, as well as the former adopter, in case of cancellation of the adoption on the grounds specified in paragraph 22 of these Regulations [3].

In paragraphs 31.32 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan dated 11.12.2013g. №21 "On the practice of application by courts of legislation on cases of adoption" explains that, in accordance with the Law of the Republic of Uzbekistan of April 30, 2013, the Family Code does not provide a basis for recognizing the adoption to be invalid.

At the same time, the courts must take into account that, in accordance with Part 1 of Art. 4 of the Civil Code acts of civil law are not retroactive and apply to relations that have arisen after their introduction into force.

A court's recognition of an adoption as invalid may be made only in the cases provided for by the Law of the Republic of Uzbekistan dated April 30, 2013, which has become invalid, Art. 168 of the Family Code and only in respect of adopted before this time: when the decision on adoption is based on false documents; when adoption was fictitious; if an adult person is adopted; if the adopter is a person who does not have the right to be an adopter in accordance with art. 152 of the Family Code and in other cases.

A claim for recognition of the adoption as invalid and cancellation of the adoption may be filed by the parents of the adopted child, the prosecutor, the guardianship and custody agencies, the commission for minors, and the adopted child who has reached the age of sixteen [5].

Due to the fact that the cases on the adoption, the cancellation of the adoption and the invalidation of the adoption of children require from the judges not only knowledge of legal issues, but also a certain psychological and pedagogical training, in order to ensure their proper resolution they should be considered constantly the same judges with the necessary knowledge and experience. Of course, the best solution to this issue would be to create specialized family courts.

REFERENCES:

1. http://www.lex.uz/docs/271135#276425
2. www.7ya.ru/article/Voprosy-sudebnogo-poryadka-rassmotreniya-del-ob-ustanovlenii-usynovleniya-udochereniya-detej/
3. https://nrm.uz/contentf?doc=319220_postanovlenie_plenuma_verhovnogo_suda_respubliki_uzbekistan_ot_11_12_2013_g_n_21_o_praktike_primeneniya_sudami_zakonodatelstva_po_delam_ob_usynovlenii&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistan
4. http://www.lex.uz/docs/271135#276464
5. https://nrm.uz/contentf?doc=319220_postanovlenie_plenuma_verhovnogo_suda_respubliki_uzbekistan_ot_11_12_2013_g_n_21_o_praktike_primeneniya_sudami_zakonodatelstva_po_delam_ob_usynovlenii&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistan

CONCILIATION PROCEDURES IN THE SYSTEM OF ALTERNATIVE DISPUTE RESOLUTION IN CIVIL PROCEEDINGS

Esenbekova P.
senior teacher of South Kazakhstan State University named after M.Auezov,
applicant of the Tashkent State Law University

Abstract

The article discusses debatable questions about the concept and essence of conciliation procedures in the system of alternative dispute resolution methods in civil proceedings, discusses the phenomenon of conciliation procedures from the point of view of related sciences, in particular conflict management and the theory of the negotiation process.

Keywords: conciliation procedures, settlement, reconciliation of the parties, settlement of the dispute, optionality, conflict, legal process.

In modern scientific doctrine, the idea of "justice of compromise and social peace" is actively pursued, within which it is justified to rethink the functions and objectives of the judiciary and put the task of reconciliation of the parties in the first place, rather than resolving the case.

Reforms of civil court proceedings of the last decade, carried out in a number of developed countries, in particular, Great Britain, Germany, France, show that the development of alternative dispute resolution methods, which at present mean the whole system of both pre-trial (extrajudicial) dispute resolution options, and embedded in the trial of consensual procedures, identified one of the most important areas associated with improving the efficiency of justice.

In the Republic of Uzbekistan and in the Republic of Kazakhstan, as in the entire international community, there is a clear increase in interest in conciliation procedures as alternative ways to resolve disputes. Thus, according to Article 166 of the Civil Procedure Code of the Republic of Uzbekistan [12] and Article 174 of the Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan, the court takes measures to reconcile the parties, assists them in resolving the dispute at all stages of the process [13].

It should be noted that despite the very active use, the term "conciliation procedures" remains undefined in procedural science. Conciliation procedures are usually considered as a kind of alternative dispute resolution methods, that is, those social means that are an alternative to the judicial way of resolving conflicts that dominates in modern society. At the same time, in the system of alternative dispute resolution methods, conciliation procedures are opposed to arbitration (arbitration court) as non-jurisdictional methods of conflict resolution.

Traditionally, jurisdiction refers to the authoritative activities of the competent authorities on various issues arising in the field of law [3, c.16]. As noted in the literature, the jurisdictional form of conflict resolution forms a certain procedure for the commission of actions by its participants, the main one being the law-enforcement body vested with authority, which forms the concept of "jurisdictional process". Such an approach led to a certain peculiarity of procedural relations - the obligatory participation in them of the authority - the judicial body [4, c.68].

In contrast, the essence of conciliation procedures is not the resolution of a dispute between the parties by someone else (even if the person is chosen by mutual agreement of the parties) by making a binding decision for them, but the search for ways out of the conflict by the parties themselves.

In this respect, the opinions of V.I. Krussa on understanding of conciliation procedures in the aspect of the variety of such a method of protection as joint use of [5, c. 165], as well as S.I. Kalashnikova that one of the most distinctive signs of conciliation procedures compared to jurisdictional (power) mechanisms for resolving legal conflicts is the nature of the interaction of participants in a controversial relationship based not on competition, but on negotiations [3, c. 9, 12]. The definition of conciliation procedures through the term “friendly resolution of disputes” is widely used in foreign literature, which underlines their non-adversarial nature [3, c. 8].

Traditionally, non-judicial ways of resolving a conflict have been called alternative, that is, those legal forms that exist in parallel with the system of state courts and are referred to as an alternative to initiating a case in court [7, c. 109]. However, over time, the concept of “alternative dispute resolution” has changed significantly: they began to understand the procedures that exist not only in parallel with the judicial system, but also within itself as an alternative to a full-scale process [6, c. 29; 17, c. 168]. As S.I. correctly noted. Kalashnikov, the definition of "alternative dispute resolution" is becoming more conventional. The term “alternative” means “opposed to another and excluding him”, while the use of mediation does not exclude the right of the parties to go to court, and vice versa, consideration of the case in court is not an obstacle to appeal to the mediator. In addition, there is a clear tendency to integrate mediation into the activities of state bodies, including courts. Mediation (as well as other conciliation procedures) is gradually losing its “alternative” character and is increasingly being used equally and in conjunction with other ways of protecting violated subjective rights [3, c.7, 9, 16-18].

In this regard, the concept of “conciliation procedures” currently covers not only those methods of reconciliation of participants in a legal conflict that exist outside the framework of legal proceedings, but also those that exist within it. The content of the concept of “conciliation procedures” in its modern sense extends to both extrajudicial (pre-trial) and judicial (procedural) activities to resolve the dispute between the parties.

To define the concept of conciliation procedures, the key, in our opinion, should be understanding them as manifestations of the disposition principle [8, c. 101]. By virtue of a dispositive start, the parties should have the right to choose options for resolving a dispute and use either a full-scale procedure for the consideration and resolution of a dispute in a court (arbitration court), which ends with the adjudication of the case, or informal, simplified, alternative procedures. If the goals are achieved within the framework of the latter, jurisdictional proceedings will not start or will be terminated.

It is not by chance that the development of alternative dispute resolution methods was associated with the expansion of the discretionary (private) process started, with the overcoming of the monopoly of the court (jurisdictional) dispute resolution method. In particular, according to F. Sander, the founder of the “court with multiple doors” concept, the judicial process is a universal, but often the least effective means of resolving most legal conflicts. When choosing a dispute resolution procedure, one should take into account its features, and only in this way can one provide a “proper forum” to protect the violated subjective right. The situation when the parties are forced to go to court in the absence of an alternative should be changed. Instead of “one door”, leading to the restoration of justice through the judicial process, one should create “several doors”, that is, provide the parties with the right to choose such a procedure that would best meet their interests in terms of cost, efficiency, trust level, predictability [3, c.8, 226].

The definition of “conciliation procedures” is directly related to the resolution of the question of what their purpose is, since most often in the literature the term conciliation procedures is used to designate procedures aimed at developing a settlement agreement [6, c. 24, 33]. In particular, according to S.L. Degtyareva, whatever conciliation procedures are used by participants in a controversial substantive relationship, in a real civil and arbitration process they are forced to turn to the institution of amicable settlement, i.e. they will be able to consolidate all the achieved results only in the form of a settlement agreement (or use other forms of expression of will known to the current procedural law - waiver of the claim, recognition of the claim) [2, c. 393].

The opinion that the settlement agreement is the sole purpose of conciliation procedures, and, therefore, the necessary essential feature of the concept of conciliation procedures, should be questioned. The goal of reconciliation of the parties goes beyond the sole conclusion of a settlement agreement, which is only one of the possible outcomes of the conciliation procedure.

First of all, it should be noted that the “settlement agreement” in the legal system belongs to the categories of civil procedural law. The settlement agreement is an agreement that is concluded by the parties in the framework of legal proceedings. At the same time, the conciliation procedures, as mentioned above, cover not only consensual procedures within the judicial procedure, which are an alternative to the traditional adversary process, but also procedures that are entirely out of court (pre-trial, extrajudicial). Therefore, the goal of conciliation procedures as their essential feature should be formulated in such a way as to encompass not only intra-judicial, but also extra-judicial reconciliation. But even if we assume the possibility of using the term “settlement agreement” not in the strict sense as an institution of civil procedural law, but solely with the emphasis on the fact that by content it means an agreement reached by the parties as a result of mutual concessions, then, in our opinion, this term does not seem appropriate to indicate the purpose of conciliation procedures.

If we go beyond the framework of legal science and try to consider the phenomenon of conciliation procedures from the point of view of related sciences (in particular, conflict science and the theory of the negotiation process), then it should be noted that the concept of “compromise” in these scientific areas corresponds to the legal concept of “compromise agreement "(" asymmetric agreement "). Along with compromise (asymmetric) agreements on the results of the negotiations, so-called integrative (consensual) agreements can be achieved (and their achievement is the primary task of the modern negotiation theory).

Two close ones correspond to these types of agreements, but, nevertheless, different strategies of behavior of the parties to the conflict - finding a compromise (resolving the conflict through mutual concessions, when each side loses something) and cooperation (resolving the conflict through finding an option that simultaneously satisfies the interests of all conflicting parties).

Unlike a compromise, cooperation is characterized as a style of "mutual victories," in which both parties are interested in working out a mutually beneficial solution. Such a decision requires a significant investment of time, diplomacy, negotiation skills and mutual efforts, but this is justified, since the huge potential of cooperation is aimed at establishing long-term relationships regardless of subjective bias [4, c.83].

O.V. Allahverdova defines mediation as "the negotiation process in which the mediator (mediator) is the organizer and manages the negotiations in such a way that the parties come to the most beneficial realistic and satisfying interests of both (all) parties to the agreement, as a result of which the conflict between the parties will be resolved [1, c. 177].

S.I. Kalashnikova notes that the algorithm of the conciliation procedure, in particular mediation, is focused on the search for atypical, creative, mutually beneficial (consensual) decisions [3, c. 125, 245].

Thus, if we talk about the goals and results of conciliation procedures, the term "agreement" rather than "settlement agreement" is the most appropriate.

However, one should agree with A.N. Kuzbagarov, which, despite the fact that the result of reconciliation of the parties in material and procedural relations, as a rule, takes the form of a written agreement, reconciliation in etymology is much wider than such a category as the agreement [4, c. 92].

It seems correct that the outcome of the conciliation procedure may well find expression not only in the parties concluding an agreement, but also in their unilateral actions to waive subjective rights or assume subjective duties (in conflictology correspond to this style of behavior in a conflict as an adaptation when in the framework of joint actions, one of the parties to preserve the relationship refuses to meet their interests in favor of the other side). Within the framework of judicial conciliation procedures, such a result of the reconciliation of the parties will be documented by the actions of the claimant in refusing the claim or the defendant in recognizing the claim.

At the same time, for the scientific elaboration of the concept of "conciliation procedures", the opinion expressed in the legal literature that unilateral actions of the parties cannot be fully identified with conciliation procedures requires its own understanding.

In particular, the approach of GD Uletova, which differentiates the terms "conciliation" and "voluntary execution of court decisions" in relation to the enforcement proceedings, is interesting, noting that reconciliation is a longer process than voluntary execution of the requirements of the executive document. The author joins A.N. Kuzbagarova that reconciliation has signs of internal consistency in the process from resolving a dispute (at the request of one of the parties to the conflict to compel the other to a particular behavior) to the enforcement of actions deemed necessary by the court to restore peaceful, harmonious and partnership. As for the voluntary execution of the requirements of the executive document, this is the result of a less complicated procedure that can be achieved without court approval through the mediation of a bailiff or professional mediator. "The difference between conciliation and voluntary execution ... lies in the fact that reconciliation of the parties in the enforcement proceedings is possible only if the execution was preceded by a private law dispute, considered in civil or arbitration proceedings, and the enforcement document is based on a court decision that the dispute essentially resolved" [9, c. 241-242].

In essence, the author raises the serious question of what should be considered a conciliation procedure in the enforcement proceedings, since the procedural codes provide for the possibility of conducting a conciliation procedure at this stage of the process. In the reasoning above, the idea is clearly traced, which should be recognized as correct, that it is possible to speak about conciliation procedures only when there is a conflict between the parties. At the same time, trying to determine what is a conciliation procedure in the enforcement proceedings, we are faced with an ambiguous situation. On the one hand, enforcement proceedings are the final stage of the process for enforcing a court decision (which means that there is a conflict between the parties, and the court has imperatively determined a specific way to terminate it). On the other hand, enforcement proceedings may be completely unrelated to the existence of a conflict and the previous consideration and resolution of a legal dispute in court, since not only judicial decisions, but also acts of non-judicial bodies of civil jurisdiction are executed in the manner prescribed by the procedural rules.

Voluntary execution by the debtor of an executive document based on a court decision testifies to the reconciliation of the parties in the deep philosophical sense of the word as a decision to terminate, pay off, to finally resolve a conflict situation, to acknowledge that the conflict has exhausted itself. In this sense, the reconciliation of the parties is not connected with the conduct of conciliation procedures only, but acts as the goal, content and result of everything consistent from stage to stage of court activity.

If the debtor refuses to voluntarily execute the act of the court, it should be noted that the parties did not reconcile, and the court continues its activities to achieve this social task with the help of the institution of compulsory execution or use of conciliation procedures at the stage of enforcement proceedings. Within the framework of the latter, the court, taking into account that at least one of the parties does not agree with the variant of resolving a conflict situation prescribed in a court decision, attempts to search, with the participation of both parties, of a more harmonious way to complete it.

Voluntary execution by the debtor of an act of a non-judicial body can be considered as a result of reconciliation and even more so a conciliation procedure only if, initially, when initiating enforcement proceedings from the debtor, there was a refusal to perform the actions prescribed by the act of the jurisdictional authority because of disagreement with it or lack of funds to meet the collector . Such a refusal indicates the occurrence of a conflict situation, which can be eliminated either by force (using the institution of compulsory execution) or as part of conciliation procedures, the result of which can be, among other things, the voluntary execution of the debtor's requirements by the debtor.

Thus, unilateral actions of the parties to a legal relationship committed in favor of the other party do not always act as a sign that a reconciliation procedure took place between them. A conciliation procedure always implies the existence of a conflict and interaction between the conflicting parties, aimed at resolving it in order to preserve social ties that are significant for them, which can result in an agreement or voluntary unilateral actions to waive subjective rights or assume subjective duties.

In the course of reflection on the meaning of conciliation procedures, one may get the impression that they are associated exclusively with such strategies of the parties to the conflict as compromise, cooperation or accommodation (unilateral concessions). At the same time, it seems correct that within the framework of conciliation procedures other strategies can be observed, in particular, rivalry (rivalry) - a power style aimed at asserting one's position on the "win-lose" principle, as well as avoidance — the conscious departure of the party from interaction and confrontation.

In this regard, it is important to understand that the conciliation procedure is not only the interaction of the parties that have already entered into contact in order to find options for overcoming the conflict (that is, pursuing strategies of compromise, cooperation and adaptation), but also a specially organized procedure (for example, the leadership of the court or mediator), encouraging the parties to interact and abandon such ineffective strategies of behavior in the conflict as avoidance or rivalry.

To develop a scientific definition of conciliation procedures, it seems necessary to elaborate in more detail on the position taken by S.I. Kalashnikova. As the author points out, in some cases mediation is aimed not so much at developing a mutually acceptable solution, as at clarifying the grounds for a dispute, preventing disagreements, agreeing on the terms of a deal. In particular, in world practice, depending on the purpose of conducting, there are such types of mediation as review, preventive, mediation of conflict resolution, containment of a conflict, conclusion of contracts, development of a political solution, etc. Since mediation can be carried out both before and after a dispute arises, and its objectives may be different, the author concludes that the purpose of resolving a dispute should not be considered as a distinctive feature of mediation [9, c. 15, 53].

In general, agreeing with the position of the specified author, it seems necessary to make a few essential, in our opinion, comments.

First of all, it is necessary to clearly distinguish between such concepts as "goal" and "result" of the conciliation procedure. A conciliation procedure can be defined as unsuccessful if the parties have not reached an agreement or have not taken unilateral actions to resolve the conflict. But the conciliation procedure always as its goal is to change the style of behavior in the conflict by the parties and to perform the above actions. From this point of view, the purpose of the conciliation procedure should be considered as its essential essential feature.

At the same time, it seems perfectly true that the goal of the conciliation procedure should not be tied solely to the concept of legal dispute as a phenomenon of finally formed mutual legal requirements that the parties are willing to submit to the resolution of the relevant jurisdictional body. Conciliation procedures are associated with a broader phenomenon - social conflict as disagreement and confrontation of the parties, based on the contradiction of their interests [4, c. 298].

Therefore, in our opinion, with the full legitimacy of the thesis that conciliation procedures can exist in the absence of a legal dispute (for example, at the stage of agreeing the terms of the contract), it should be borne in mind that any conciliation procedure is based on the conflict of the parties.

The goal of resolving a conflict as one of the essential features of conciliation procedures is used in the scientific literature as a criterion to distinguish them from the adjacent concept of conciliation procedures. In particular, according to T.V. Sakhnov, conciliation and conciliation procedures - non-identical concepts. Conciliation procedures are always associated with the final (in the substantive and legal sense) settlement of a legal conflict; consensus - with the settlement of individual issues related to the subject of the process. According to the author, conciliation procedures are permissible if their subject is a coordinated, dispositive type of relationship, i.e. such that, in principle, due to their material and legal nature (regardless of the existence of a dispute), allow self-regulation by the will of the parties. Through reconciliation procedures, the removal of the deformation from the material relationship that serves as their subject is achieved. Conciliation procedures are possible in cases where the subject is legal relations of a subordinate type, which include (by virtue of a normative establishment) certain elements of a dispositive nature. In other words, when a legal compromise, mutual concessions regarding the substance of the dispute are not allowed by the rule of objective law, but at the same time, reaching agreement on some elements of the relationship (for example, a conciliation procedure for deferring taxes) [10, c. 20-23].

The definition of the term "conciliation procedures" involves another important issue, namely, what type of social interaction corresponds to the basis of the procedure. In particular, according to a number of scientists, the settlement agreement in a civil procedure cannot be attributed to the number of judicial conciliation procedures. As indicated by E.A. Treshcheva, the wording stipulated by procedural legislation that obliges the court to "assist the parties to reconciliation," "assist the parties in resolving the dispute," "take steps to conclude an amicable settlement by the parties" is absolutely not specific and the law does not regulate either the content or the form of such activities of the court, except two actions: to clarify to the parties their procedural rights to appeal to the mediator and conclude a settlement agreement, and also on the court's consideration of the terms of the settlement agreement and dew on his statement. Under such circumstances, the question naturally arises whether such actions of the court can be considered a judicial conciliation procedure [11, c. 107-108].

According to T.V. Sakhnovoy, a modern doctrine, states the absence of an exact concept of “procedure” and its criteria. “The procedure seems to be an obvious component of both the process and the law in general. However, for modern doctrine, this category largely remains terra incognita. The concept of the procedure is used "to the touch" - in a very approximate sense" [10, c. 10]. According to French experts, the procedure is a series of formalized regulations aimed at achieving the expected and deterministic legal result. The procedure is peculiar to the rules, it always has a legally defined beginning and end, its subject and object [10, c. 13-14].

In our opinion, the concept of “procedure” covers social interaction, which can be characterized by varying degrees of formalization. The main feature of the procedure is the fact that this is a certain way organized interaction.

Thus, summing up, it seems correct to give the following definition of a conciliation procedure at the same time from the conflictological and legal points of view. A conciliation procedure is a specially organized (including within a jurisdictional body) interaction of conflicting parties of various degrees of formality, aimed at encouraging them to change the strategy of behavior in a conflict from rivalry (avoidance) to cooperation (compromise, adaptation) and coordination on this basis of ideas of the parties about the ways out of the conflict, which results in the development of an agreement or unilateral actions of the parties, entailing their refusal to use the law iktsionnyh ways to resolve the conflict.

The essence of the conciliation procedure is the joint resolution of the parties to the conflict (independently, under the direction of the court or with the help of an intermediary) of the most appropriate option to resolve the legal conflict that has arisen, resulting in their refusal to apply for a judicial (other jurisdictional) form of protection of the law or from continuing initiated jurisdictional process. In the framework of a court case that has already arisen, conciliatory, in our opinion, should be considered procedures that are aimed at the parties using their regulatory powers (including the claimant’s refusal of a claim or recognition of a claim by the respondent) in order to complete the process.

REFERENCES:

1. Allahverdova, OV School of mediation (mediation) / O.V. Allahverdova // Arbitration Court. - 2006. - №2. –C.177.
2. Degtyarev, S.L. The settlement agreement in modern judicial practice / S.L. Degtyarev // Modern doctrine of civil, arbitration process and enforcement proceedings: theory and practice: Coll. scientific articles. - Krasnodar - St. Petersburg: R. Aslanov Publishing House "Legal Center Press", 2004. - p. 19, 393.
3. Kalashnikova, S.I. Mediation in the sphere of civil jurisdiction / S.I. Kalashnikov. - M .: Infotropik Media, 2011. - P.16.
4. Kuzbagarov, A.N. Reconciliation of the parties on conflicts of a private law nature. Scientific publication / A.N. Kuzbagarov. - SPb .: STATUS LLC. - 2010. - C.13.
5. Kruss, V.I. On the constitutional appointment of courts in the Russian Federation / V.I. Kruss // Actual problems of the development of the judicial system and the system of voluntary and compulsory execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, courts of general jurisdiction, arbitration, arbitration courts and the European Court of Human Rights: Coll. scientific articles. - Krasnodar-SPb .: Publishing house of R. Aslanov "Legal Center Press", 2008. - P.165.
6. Kuzbagarov, A.N. Reconciliation of the parties on conflicts of a private law nature: author. dis. ... Dr. Juridical Sciences: 12.00.15 / A.N. Kuzbagarov; St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - SPb, 2006. - pp. 29,17.
7. Nosyrev, E.I. Mediation in resolving legal disputes: US experience / E.I. Nosyrev // State and Law. - 1999. - № 1. - p. 109.
8. Filchenko, D.G. Problems of accessibility of justice in the preparation of cases in the arbitration process / D.G. Filchenko // Actual problems of civil law, civil and arbitration process: materials of scientific. Conf., March 15-16, 2002, Voronezh: at 2 pm / ed. E.I. Nosyreva, T.N. Safronovoy. - Voronezh: Voronezh publishing house. state University, 2002. - Part 2. The civil and arbitration process - S. 101.
9. Uletova, GD Voluntary execution of court decisions: Pros and Cons / GD. Uletova // Actual problems of the development of the judicial system and the system of voluntary and compulsory execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, courts of general jurisdiction, arbitration, arbitration courts and the European Court of Human Rights: Coll. scientific articles. - Krasnodar - SPb .: Publishing house of R. Aslanov "Legal Center Press", 2008. - p. 232-256.
10. Sakhnova, T.V. The procedural nature of the civil process: the methodology of the future / T.V. Sakhnova // Bulletin of the civil process. - 2012. - № 1. - p. 10.
11. Trescheva, E.A. Judicial conciliation procedures: the right to exist / E.A. Treshcheva // Development of mediation in Russia: theory, practice, education: Sat. Art. / ed. E.I. Nosyrevoy, D.G. Filchenko. - M.: Infotropic Media; Berlin 2012. — p.107-108.
12. http://lex.uz/docs/3517334
13. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053&doc_id2=34329053#activate_doc=2&pos=232;-142&pos2=2403;-98

HUMAN IDENTIFICATION IN CRIMINALISTICS AND FORENSIC MEDICINE

Klipko E.
Associate professor of law department of criminalistics
Liholetov S.
Teacher of law department of criminalistics
Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin,

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В КРИМИНАЛИСТИКЕ И СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЕ

Клипко Е.П.
Кандидат медицинских наук, доцент кафедры криминалистики
Лихолетов С.Г.
Преподаватель кафедры криминалистики
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

Abstract

In the article concepts are considered an author and exposed «personality», «human», «identification of personality», identification of human », and similarly «establishment of personality». Intercommunication and distinctions of these terms are educed, application of them in the process of equation of living man and dead body in judicial medicine, criminalistics, practical activity of employees of law enforcement authorities. The unitization of concept «identification of human » is reasonable.

Аннотация

В статье автором рассмотрены и раскрыты понятия «личность», «человек», «идентификация личности», «идентификация человека», а так же «установление личности». Выявлена взаимосвязь и различия этих терминов, применение их в процессе отождествления живого человека и трупа в судебной медицине, криминалистике, практической деятельности сотрудников правоохранительных органов. Обоснована унификация понятия «идентификация человека».

Keywords: «human identification», «identification of a person», person, human, a living person, a corpse.

Ключевые слова: «идентификация личности», «идентификация человека», «установление личности», «личность», «человек», живой человек, труп.

В научных статьях, иных публикациях по судебной медицине и криминалистике авторы, а так же на практике сотрудники правоохранительных органов, употребляют как синонимы понятия «идентификация человека», «идентификация личности» и «установление личности», что не совсем верно, поскольку каждый термин несет свой, обусловленный индивидуальным содержанием, смысл. Попытаемся разобраться в хитросплетении терминологии и придти к логическому обоснованию применения этих понятий в теории и на практике.

Для начала рассмотрим, принципиальные отличия криминалистического отождествления личности от судебно-медицинской идентификации человека.

Идентификация как форма установления идентичности определенного объекта является одним из способов установления истины в уголовном судопроизводстве [15].

Деятельность правоохранительных органов сопровождается применением следующих видов отождествления личности: оперативной идентификацией (когда человек подтверждает информацию о себе документами или имеются свидетельские письменные или устные показания), следственной идентификацией – предъявлением живого человека или трупа для опознания другим лицам, и в сложных случаях назначением судебно-медицинской или медико-криминалистической экспертизы с этой целью [8, 12].

Криминалистическая идентификация обладает особенностями, которые отличают ее от идентификации, производимой во время биологических, медицинских и других исследований естественных наук в целях познания свойств, признаков и сущности объектов материального мира [7]. Таковыми особенностями являются:

1. наличие объекта криминалистической идентификации – индивидуально определенного объекта, обладающего устойчивыми внешними признаками. В нашем случае объектом материального мира выступает человек;
2. осуществление самого процесса идентификации по отображениям устойчивых свойств идентифицируемых объектов;
3. отсутствие ограничения сферы криминалистической идентификации одной лишь экспертизой; принципиально она может быть осуществлена при производстве любого следственного действия любым участником процесса доказывания.

Вышеуказанные своеобразные черты в их взаимосвязи характерны только для криминалистического отождествления. Всякая иная разновидность судебно-экспертной идентификации не обладает совокупностью таких особенностей [2].

В судебно-медицинской экспертизе для идентификации свойственны только две первые упомянутые особенности, обусловленные специфической природой объектов идентификации и их отображений. Сфера идентификации ограничена особой областью ее применения – судебной медициной и специальным субъектом – судебно-медицинским экспертом [16].

Способы и методы криминалистической идентификации могут быть использованы в медицинских, биологических, физико-химических и иных практических исследованиях [9]. Тем не менее, это не станет основанием для отнесения таковых к криминалистическим, поскольку в них отсутствует такое качество как получение судебных доказательств. Таким образом, криминалистическая идентификация – это идентификация, предназначенная для решения строго специфических задач и адаптированная для раскрытия преступлений.

Криминалистическая идентификация объектов, а в данном случае – человека, применяется для установления индивидуального тождества самому себе. Идентификация же в судебной медицине – это установление принадлежности идентифицируемого объекта (например, обнаруженного трупа) к известному идентифицирующему объекту (известному лицу или лицу, пропавшему без вести), то есть, по сути, предполагается классификация биологического объекта – живого или мертвого человека.

Теперь рассмотрим понятие «человек» и «личность» в юриспруденции. Здесь мы вновь и вновь сталкиваемся с проблемой, когда в законотворческой и научной литературе происходить отождествление понятий «человек» и «личность». [1,4,5]. Личность рассматривается касательно характеристики прав, обязанностей и свобод человека и гражданина, то есть как индивидуально определенная совокупность социально значимых свойств человека, участвующего в межличностных взаимоотношениях [10]. В данном контексте личность подвергается рассмотрению как неотъемлемая принадлежность человека. Этим же объясняется факт, что в нормативно-правовых актах понятия «человек» и «личность» используются как тождественные понятия. Итак, личность является, прежде всего, субъектом права, несущим в себе социальные признаки человека, ограниченные определенными (нормативными) рамками – например документами, содержащими, в том числе, и персональные данные [11]. Таким образом, с позиции юриспруденции идентификация личности – это достоверное установление тождества персональных данных неизвестного человека индивидуальным данным установленного либо разыскиваемого лица, зафиксированным в юридически значимых документах посредством установленных нормативными правилами характеристик (такими как: имя, пол, возраст, прописка) [6]. Так как личность не может быть равна своим персональным данным, поскольку таковые могут быть намеренно частично, или полностью искажены, подменены, изменены, стало быть, речь идет не об «идентификации личности», а об «установлении личности», осуществляемого чаще всего сотрудниками правоохранительных органов.

Теперь остановим своё внимание на дефиниции личности в медико-криминалистическом и биологическом ключе.

В своих трудах В.А. Жбанков (1993) и В.Л. Попов (1997) дали следующее медико-криминалистическое определение личности – это конкретный человек, которому присущ индивидуальный комплекс врожденных и приобретенных биологических признаков: генетических, анатомических, функциональных, психических и социальных свойств, по которым и осуществляется процесс идентификации [12]. Понятие человека в биологическом смысле нам раскрывается в трудах М. С. Гилярова (1986) Е.В. Черносвитова (2000), где человек – общественное существо, обладающее сознанием, разумом и являющееся субъектом общественно-исторической деятельности и культуры [3,14]. При этом совершенно не рассматриваются те ситуации, когда в действительности в силу определенных обстоятельств человек на данный промежуток времени не обладает, скажем, сознанием. Как пример – несовершеннолетнее лицо в возрастном периоде до 1 года, когда ребенок в силу анатомо-физиологических особенностей не имеет сознания, как такового. Теперь, что касается разума. Разум – это высший тип мыслительной деятельности, способность мыслить, анализировать, абстрагировать и обобщать [15]. Возникает вопрос, – обладает ли разумом ребенок до года либо лицо с психическими отклонениями по типу тяжелого врожденного или приобретенного слабоумия? Этот же вопрос появляется и в отношении лица, пребывающего в так называемом «вегетативном состоянии». Ответ очевидный – нет. И, разумеется, что никаким образом упомянутая категория лиц не может являться субъектами общественно-исторической деятельности и культуры. Употребление понятия «личность» в данных ситуациях проблематично.

Таковым образом, личность человека развивает под воздействием двух факторов: социального и биологического – при господствующей роли первого. Ни отдельно взятое биологическое, ни социальное сами по себе не образуют целостную структуру личности. Она возникает, когда между указанными компонентами формируются устойчивые внутренние связи с формированием в дальнейшем всё новых качеств. А эти качества, в свою очередь, являются теми кирпичиками, из которых строится весь процесс идентификации.

В каких же ситуациях появляется необходимость отождествления личности определенного человека как очевидного или неочевидного участника того или иного события, преступления? Таковыми являются необходимость: идентификации личности живого человека либо идентификации личности погибшего человека.

Все положения, рассмотренные в данной статье выше, в большей мере характеризовали личность живого человека. Только личность живого индивидуума, по определению, может выполнять социальную функцию, являться субъектом общественной деятельности. И здесь не возникает ни тени сомнения. Но как быть в случае идентификации погибшего человека (останков тела погибшего человека)? По своей сути, умерший человек представляет собой биологический объект, лишенный каких – либо социальных свойств личности. Закономерно возникает вопрос об уместности в такой ситуации термина «идентификация личности». В связи с чем данный термин, повсеместно используемый в практике сотрудников правоохранительной деятельности и судебными медиками для отождествления и живого человека и трупа, ни при каких условиях не может учитывать и отображать разнообразие всех обстоятельств, обусловленных состоянием идентифицируемого и идентифицирующего объекта, а также важнейшими компонентами понятия «личность». Его непродуманное и порой необоснованное употребление искажает сущность процесса идентификации.

И вот, проведя краткий анализ терминов и понятий, приходим к выводу, что термин «идентификация личности» применим для отождествления исключительно живого человека, как в судебной медицине, так и в криминалистике. Для отождествления трупов (фрагментов и частей) уместнее употреблять термин «идентификация человека».

В целом понятие «человек» гораздо шире и охватывает все свойства и состояния индивида в отличие от понятия «личность», соответственно и термин «идентификация человека» представляется более емким, всеохватывающим грани процесса отождествления, как живого человека, находящегося во всех жизненных ипостасях, рассмотренных выше, так и трупа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). Собрание законодательства РФ 04.08.2014. 31. ст. 4398.
2. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Российская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. Р. С. Белкина. М.: Издательство Норма. 2000. 990 с.
3. Биологический энциклопедический словарь/ Гл. ред. М. С. Гиляров. М.: Сов. Энциклопедия. 1986. 864 с.
4. Большой юридический словарь / под ред.: А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. -М.: ИНФРА-М. 2004. 704 с.
5. Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А и др. Большой юридический словарь. М: Инфра-М. 2001. 790 с
6. Жбанков В.А. Человек как носитель криминалистически значимой информации. URL.: www.ex-jure.ru/law/index.php.
7. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза: Учебник. М. 2002. С. 106.
8. Клипко Е.П., Меретуков Г.М., Помазанов В.В. Патент на изобретение RUS 2437616. 18.01.2010.
9. Клипко Е.П. Новый способ идентификации личности на основе регистрации биометрических характеристик человека. Проблемы уголовного судопроизводства, криминалистики и судебной экспертизы в современном мире. Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. Сборник статей. 2017. С. 320-325.
10. Общая теория государства и права: академический курс в 2-х томах. Под ред. Марченко М. Н.. Том 1. Теория государства. Москва. 1998. С. 260.
11. Пиголкин Ю.И., Аманмурадов А.Х., Богомолов Д.В. Богомолова, И.Н. Золотенкова, Г.В. *К вопросу о понятии личности в судебной медицине и криминалистике.* Биомедицинский журнал. 2003. 4. С. 68-80.
12. Попов В.Л. *Судебно-медицинская экспертиза: Справочник.* СПб.: Специальная литература. 1997. С. 40/
13. Федосюткин Б.А. Некоторые аспекты медицинской криминалистики. Адвокат. 2007; 7. С. 6–10.
14. Черносвитов Е.В. *Социальная медицина*. М. 2000. С. 34-38
15. Швырев В. С. Разум // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль. 2010. 447 с.
16. Яблоков Н.П. Криминалистика. Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ; 2005. 781 с.

PEDAGOGICAL SCIENCES

UDC339.9

STATE MANAGEMENT OF THE ECONOMY AS A FACTOR ITS STABILITY AND SOCIAL ORIENTATION

Stepanova D.
Nikolaev national University named V.A.Suhomlinskogo

Abstract
The article presents the analysis of the structuring of the national economy on a component basis. Opens a two-pronged approach to economic management.

Keywords: public administration, regional production complex, two-pronged approach, socio-economic development.

The process of mediation by the state economic life is the process of state regulation of economy. He gradually becomes the engine of economic development. The necessity of state regulation of market economy stems from objectively inherent in the state economic functions. In the conditions of existence of various forms of ownership role of government regulation is, on the one hand, to ensure legal mechanism for their implementation, and on the other - directed influence on market parameters, providing organization of functioning of economic system as a whole.

In economic science, there are two contrasting approaches to the participation of the state in regulation of processes - classical and Keynesian theory. From the point of view of the classics, the market mechanism automatically ensures the equality of supply and demand, and therefore excludes long-lasting damage to the economy, in particular the recession, inflation, unemployment.

Unlike traditional classical theory of the English economist John Maynard Keynes explained the objective necessity and practical importance of state regulation of market economy. His theory is the analysis of interaction and interrelations of different economic aggregates and units, the study of how the discrepancy between them affect the state of the economy, and within what limits and methods of government intervention can achieve coordination between these categories and quantities for the purpose of constant economic development [1].

The article is aimed at the study of socio-economic development of Ukraine and the role of public administration in its improvement.

Results. The Ukrainian economy as the object of governance, is a set of industrial relations, regulated by the current legislation. The action of the relations of production due to the economic mechanism. Economic mechanism can be defined as a set of methods, means of economic and administrative activity. It includes: property relations, means of state regulation (tax policy, competition policy, price controls), methods of economic management. Economic mechanism is extremely mobile, corresponds to the form of the constitutional structure of the state. The subject of action of the economic mechanism facing the government. The activity object of the economic mechanism there are certain structural units defined by the following criteria: scope of social production, component sign and territorial basis.

Being a complex object of governance, modern economy requires more detailed study. Application of a two-pronged approach to research - organizational-structural and functional - allows you to view the economy comprehensively.

The use of organizational-structural approach and structure of the economy on a territorial basis makes it possible to analyse the existing theories of territorial administration.

First question the need for a comprehensive study of the problems of territorial development resulted in the appearance of the term «territorial production complex»[2]. Moreover, the opinion of its members were divided. On the one hand, territorial production complex was considered as a separate territorial entity that carries out independent development without regulation by ministries and departments. On the other hand, territorial production complexes were considered as the highest form of organization, the economy and productive forces as the main structurational element of the national economy [2].

In addition to the territorial-industrial complex, were introduced such concepts: «economic and territorial complex», «industrial-territorial complex, inter-sectoral complex», «the target program of the territorial-industrial complex». These concepts were introduced depending on the method of solving the problem of pair production and social interests. If the priority is given to economic, not social development is meant by «economic and territorial complex». If seized the non-production sphere - «industrial-territorial complex». The term «program-target territorial production complexes» was introduced with the purpose of branch of economic complexes of areas, regions.

In democratic countries, the view was of territorial-production complex approach. The principles of such representation was a systemic approach to the study of problems of complex formation. Upon further study of the problems of development of the territorial entities, scientists have come to conclusion about necessity of introduction of the terms «elementary territorial centre», «elementary system of production» [3].

A generalization of the subject of the research allows us to conclude that, despite the existence of various approaches, the research subject only separate objects of the national economy.

As generalizing, introduced the concept of «territorial socio-economic system». Under it was understood to be of a different rank form of spatial organization of social-economic life of the society in the form of industrial or agricultural enterprises, cities, industrial centers, district [3]. In determining the focus is on organizational aspect and not the essence of the concept of «territorial socio-economic system».

Further application dvuhspalnom approach to the study of the control object - Economics that we can identify certain characteristics of structuring. If structure by economic conditions, we can highlight the state and the market sector of the economy. Depending on socio-economic, national and historical conditions of development of each country, the state carries out management of the economy through effective interaction in the sector According to the spheres of social production are the following structural units: industry sub-sectors, private production. Territorial and economic zone, economic areas, regions, districts, local economic education in the form of industrial centers, units, individual enterprises productive or non-productive spheres of activity. The primary level in the economy experiencing a separate business entities of a particular form of property.

The structuring of the national economy can also be scheduled on a component basis. In this case, the components are: convenient location, natural conditions and resources, population, industry, agriculture, services, and infrastructure.

The structuring process, the selection of characteristics that are the basis for structuring the economy, depend on the goal and the ways of its attainment. The ways of achieving goals structuring elect the government.

Ways of achieving depend on the object, influenced by the government. If the action is the economy which is structured by component and sign the sphere of social production, the bodies of public administration develop a program of economic restructuring. If the object of government occurs economy, structured on a regional basis, it is developed the program of realization of state regional economic policy.

In the state management of the economy, there is a problem of the optimal combination of sectoral and territorial interests. But both issues are part of a single whole - process management of the economy, and therefore it is impossible to solve them separately from each other, says P. Romanov. It is appropriate formulation of the problem of optimization of state management through a combination of territorial and sectoral interests. Changing structural proportions, rationally using the resource potential of the regions, encouraging their effective development, the state ensures optimal and stable functioning of the economy and its social orientation. [3]

When the social orientation of market transformations (articles 1, 13 of the Constitution of Ukraine), the optimality criterion acts as a social value - the life, health, honor, dignity, immunity and security of person (article 3 of the Constitution of Ukraine).

Administrative-legal aspect of the problem of state management of the economy consists of optimal mix of policies of structural change and regional economic policy of the subjects of the state control, which are the organs of state power - legislative, Executive and local government bodies. The judiciary act as arbitrators at the solution of problems regarding normative interaction of bodies.

In their coverage of economic problems of effective functioning of the regional economy is a priority for the cause of basing of the industry changes on regional features. This separation of the sectoral and regional problems impractical. They must be addressed comprehensively.

Current state of the economy of Ukraine is characterized by significant structural imbalances that does not meet human needs, not to provide it with reasonable living conditions. In 2013 budget was laid GDP growth of 3.4 %, inflation of 4.8% (December to December) and the growth of exports of goods and services to 6, 9%. However, the situation on world markets and political problems did not contribute to the achievement of the planned indicators. Prices for steel products - the main export industry-fell. In General, the export of goods and services (according to the data of the foreign trade balance for January-September decreased by 8.6% [4].

All this led to reduction of volumes of production by 5.2% during 10 months. Ukraine's GDP fell by 1.3% to the corresponding period of last year. Under such conditions, to fulfill the plan for revenues was impossible - the revenues from the value added tax, which provides a significant part of the budget, has not justified expectations. VAT is produced in Ukraine goods decreased by UAH 9.2 billion. from imported - at UAH 9.5 billion.

Volume of direct foreign investments from the beginning of 2013 cut by 2.3%. During this period, foreign investors have invested 3,722 billion. The USA, one third of which came from Cyprus, 9.7% from the Netherlands, 4.8% from the UK, 4.3% - with the British virgin Islands. Such statistics allows to conclude that more than half of foreign investment is a return of capital from offshore zones. The inflow of real money did not happen.

Disproportionate not only industry and the financial structure of the economy of Ukraine. There are significant differences between regions in the levels of industrial and agricultural products per in calculation per capita. Experts estimate the difference as more than double [4].

Acquired destructive dimensions disparities secondary waves, caused by the reduction of production and investment activity, inflation, the breakdown in economic ties. There is an urgent need for the formation of market structures.

The conclusions. Studies show of destructive changes in the economy and the factors affecting their deepening the main of them is the loss of control positions of the state, the spontaneity of the ongoing processes. The global experience shows the need for a strategic, regulatory role of the state in the formation of socially oriented market economy. Overcoming the crisis, the recovery of the domestic economy will contribute to the strengthening of regulating, managing the state's role in development processes. Further research is necessary to pay attention to the definition of the limits of state intervention in the economy to correct certain imbalances.

REFERENCES:

1. Socio-economic concept of the world at the turn of the Millennium. The government, the economy, social sphere: International. day. / Proc. UN-t «Commonwealth»; under nauch. editor M. Sevruk; prepared.: Sevruk M.A. and others - M, 2000. - 191 C.

2. Khrushchev A.T. Geography industry of the USSR / A.T. Khrushchev - M: «Idea».- 1979. - S.

3. Tsyganov V.V. Intelligent enterprise: mechanisms of mastering the capital and the authorities.: theory and practice of managing the evolution of the organization / CC Tsyganov V. Borodin, G.B. Shishkin. - M: University book, 2004. - 767 S.

4. Shcherbakova Century The economic results-2013: the devastating stability // [Electronic resource]: [site] / Delo.UA - Mode of access: http://delo.ua/ukraine/ekonomicheskie-itogi-2013-razrushitelnaja-stabilnost-223305/

PHILOLOGICAL SCIENCES

THE PROBLEM OF LINGUOPRAGMATIC RESEARCH OF BIBLICAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Smolyanskaya N.
Postgraduate, Don State Technical University

Abstract
This paper is devoted to the study of phraseological units of biblical origin in Russian and English languages in the aspect of comparative linguopragmatic.

Keywords: Phraseological units, biblism, linguopragmatics.

In recent years, much attention has been paid in Russian Philology to the influence of the Bible and the language of Scripture on various speech practices, literature and culture in general. Biblical images and subjects are widely reflected in the artistic discourse of both foreign authors (V. Shakespeare, C. Dickens), and Russian writers and poets (A.S Pushkin, N.Gogol). Biblical phraseological units represent an important and interesting layer of phraseology in many languages of the world, which has significant differences from phraseology ascending, for example, to Greco-Roman mythology, literary or historical reminiscences [1, c. 27]. Units of this kind are borrowed mainly through literature, while biblical studies were not borrowed by one language from another: in each language there was a selection from one common source.

Amid the revaluation of values, interest in the “Book of Books” as a whole has increased, as well as its influence on today's discourse. In Soviet times in Russia the texts of religious content, for obvious reasons, fell out of use, and the reference to the Bible became unacceptable in discourse or biblical phraseological units were used simply as "folk wisdom" [2, c. 48]. In Western countries, the tradition of using biblical phraseology in various cultural texts, as well as in discourse, was not interrupted. The use of Bible studies as a means of argument in oral and written speech is due to the inherent in such phraseological units vivid imagery, symbolism and expressiveness, their stable content, which is assigned to certain fragments of Scripture [3, c. 84]. Western countries believe that turning to the Bible makes an individual's speech more substantive, educated and authoritative.

The relevance of this article is due to the fact that Biblical phrases are quite widely represented in the institutional discourse of various cultures of the West, and as a result, linguopragmatic comparative studies of phraseological units of biblical origin in Russian with their formally and meaningfully similar expressions in English (British national English) are needed, as well as the establishment of features of the functioning of biblisms in the language.

The object of the research is the Biblical phrases - units of biblical origin as precedent phenomena, as a way of speech influence in discourse.

Accordingly, the subject of the research is the implementation in biblical phrses, modern usage and biblicalisms in Russian linguistic culture and their analogues in English linguistic culture.

The fate of the biblical phraseology of the Russian language is quite unusual. Being very common in all spheres of language until 1917, it has significantly decreased in volume and lost its former use during the years of Soviet power, when the Bible was banned [4, c. 19]. As a result, many biblical phraseological units fell into the category of obsolete, others lost their motivation, since they lost touch with the previously well-known biblical subjects.

The number of biblical phraseological phrases and expressions included in the English language is so great that it would be a very difficult task to collect and list them. The expressions used in modern English speech, the biblical origin of which is firmly established, include whole sentences - sayings and various nominal (with the main word noun), attributive and adverbial phrases [5, c. 73]. Also in the English language came from the Bible is still a lot of verb idiom.

Phraseological units of biblical origin, having no fundamental differences in structure or semantics from other types of phraseological units and having more opportunities to achieve expression in speech, have taken a firm place in the phraseological foundation of modern English and Russian languages. In the process of phraseologization, biblical expressions underwent not only structural and semantic, but also stylistic changes - biblical idioms carry the stamp of a high literary style, but the general tendency of their development leads to a decrease in this stylistic characteristic [6, c. 45] . Despite the fact that phraseological units of biblical origin have a certain literary source, containing the initial context of the use and the motivation of idioms, the Biblical phrases loses its connection with it, which is confirmed by the lack of appropriate droppings in phraseological dictionaries.

REFERENCES:

1. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. - Л., 1988.
2. Алехина А.И. Фразеологическая единица и слово. - Минск, 1991.
3. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. - Л.,1989.
4. Аничков И.Е. Труды по языкознанию. - СПб: Наука, 1997.
5. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. - Л.: Наука, 1990.
6. Захарова М.А. Стратегия речевого использования образных фразеологизмов английского языка. - М., 1999.

PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 141.11
ББК Ю51

THE ETERNAL PERMAFROST AS A LONGEVITY FACTOR. A SUBJECT OF JUVENOLOGY AND IMMORTOLOGY

Vishev I.
Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher,
Institute of Social Sciences and Humanities, Department of Philosophy,
South Ural State University (SUSU),
Chelyabinsk, Russian Federation

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА КАК ФАКТОР ДОЛГОЛЕТИЯ. ПРЕДМЕТ ЮВЕНОЛОГИИ И ИММОРТОЛОГИИ

Вишев И.В.
доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник,
Институт Социально-гуманитарных наук(ИСГН), кафедра философии,
Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ),
г. Челябинск, Российская федерация

Abstract.
The article reviews the positive permafrost role in solving the problem of longevity. This is evidenced by the existence in Yakutia (Russia) of the "blue zone of longevity", which is believed to be caused by the presence and mass consumption of thawed water and microorganisms living in the permafrost, for example Bacillus F, whose life expectancy is hundreds of thousands or even millions of years. Naturally, there were plans to create an effective vaccine to prolong life. Strategically, this problem is solved by juvenology — the science of preserving and returning youth, and immortology — the science of immortality.
Аннотация.
В статье рассматривается положительная роль вечной мерзлоты в решении проблемы долголетия. Об этом свидетельствует существование в Якутии (Россия) «голубой зоны долгожительства», обусловленной, как считается, наличием и массовым потреблением талой воды, а с ней и живущих в вечной мерзлоте микроорганизмов, например Bacillus F, длительность жизни которых составляет сотни тысяч и даже миллионы лет. Естественно возникли планы создания действенной вакцины для продления жизни. Стратегически данная проблема решается ювенологией — наукой о сохранении и возвращении молодости, и иммортологией — наукой о бессмертии.

Keywords: longevity, permafrost, life expectancy, juvenology, non-aging, immortology, practical immortality, consistently optimistic and humanistic world view.
Ключевые слова: долголетие, вечная мерзлота, средняя продолжительность жизни, ювенология, нестарение, иммортология, практическое бессмертие, последовательно оптимистическое и гуманистическое мировоззрение.

Проблема долголетия, продления человеческой жизни, всё более уверено выходит на передний план мировой и отечественной тематики социальных и научных исследований. И это не удивительно, поскольку она всё больше интересует и волнует людей.

Поэтому очень важным и верным шагом представляется инициатива Медицинского института ФГАОУ ВО «Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова» и ФГБНУ «Якутского научного центра комплексных медицинских проблем» провести межрегиональную научно-практическую конференцию «Долголетие в условиях вечной мерзлоты: актуальные проблемы и пути достижения активного долголетия» в мае текущего года. Она может стать прорывным мероприятием в данной области исследований, с серьёзными практическими последствиями.

Однако и предварительное её рассмотрение может иметь несомненные положительные значения, особенно для тех стран, где существуют определённые территории вечной мерзлоты. К ним относится и Норвегия с принадлежащим, главным образом, ей архипелагом Шпицберген, и Россия, 60–65 % площади которой занимает как раз вечная мерзлота. Исследования в этой области постоянно расширяются и углубляются. Они открывают неизвестные ранее аспекты рассматриваемой проблемы, вызывают необходимость совершенствования их понятийного аппарата, их развитие проявляется и в ряде других отношений.

Примером удачного совершенствования этого аппарата является понятие «голубой зоны долголетия», которое было предложено Дэном Бюттнером, известным американским путешественником и писателем, обозначающее места с наиболее высокими показателями продолжительности жизни людей. Он исследовал такие зоны в рамках проекта National Geografic. Д. Бюттнер является также основателем интернет-проекта Quest Network, который позволяет студентам поддерживать связь и обмениваться информацией с участниками такого рода экспедиций. Он нередко выступает на телевиденье в ходе обсуждения проблем долголетия.

Подобных «голубых зон» немало по всему миру. Среди мировых можно упомянуть Сардинию (Италия), где самая высокая концентрация 100-летних мужчин; остров Окинава (Япония), на котором средняя продолжительность жизни женщин равна 92 годам, тогда как во всей стране она равна 86-ти; Южную Калифорнию (США), полуостров Никоя на тихоокеанском побережье (Коста-Рика) и др. В России зоны долголетия находятся, главным образом, на Кавказе, Алтае. К ним относится и Якутия. Молва о ней существует давно и устойчиво. Ещё в 1822 году в журнале «Северный архив» отмечалось: «Якуты долголетни и одарены крепким сложением; столетних старцев между ними находится множество» [1].

На первый взгляд такое утверждение звучит весьма парадоксально. Действительно, всем хорошо известна суровая экология этого региона, например, сильные морозы. Обычно считалось, что к неблагоприятным условиям относится и вечная мерзлота. Но на деле всё оказалось не столь однозначно. Вечная мерзлота, несомненно, представляет собой вполне самостоятельную проблему, однако вместе с тем, в последнее время стало выясняться её прямое, и притом положительное, влияние на увеличение продолжительности индивидуального бытия людей.

Согласно гипотезы Ю. Андреева, большое число долгожителей в Якутии объясняется, в частности, тем, что жители этого края пьют преимущественно талую воду, т.е. образовавшуюся как раз из таяния льда, а в итоге менее минерализованную, с меньшим содержанием кальция и солей, специфической структурой. Аналогичных данных по Норвегии (точнее Шпицбергену), к сожалению, найти не удалось. Их вероятное отсутствие, вполне возможно, обусловлено невысокой численностью населения этой территории, его миграцией и другими обстоятельствами. Между тем, такие сведенья вызывают интерес и могли бы стать основанием для дальнейшего сравнительного анализа.

Среди неизвестных ранее свойств и особенностей вечной мерзлоты, открытых в самое последнее время, в первую очередь необходимо отметить тот установленный факт, что в ней живут бактерии, длительность жизни которых составляет сотни и даже миллионы лет. К ним относится Bacillus F, возраст которой – больше 3,5 миллиона лет. Её нашли в древней вечной мерзлоте на Мамонтовой горе именно в Якутии. Эта бактерия была жива. Древние микроорганизмы не разрушаются, не стареют и не умирают. Подобных данных пока нет по Шпицбергену, хотя интерес к ним несомненен. Очень возможно, что теперь такой интерес станет не только теоретическим, но и практическим.

Разумеется, сразу появилось намеренье создать из этих микроорганизмов особую вакцину, которая непосредственно способствовала бы увеличению долголетия человека. Но пока она будет разработана, люди уже теперь потребляют эти микроорганизмы. А некоторые исследователи делают это намеренно, например, Анатолий Бручков, российский ученый из Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, руководивший исследовательской группой, которая обнаружила эту древнюю бактерию. Не дожидаясь дальнейших результатов исследования поведения бактерии, и разработки соответствующий вакцины, он решил протестировать на себе их геропротекторные, т.е. замедляющие процесс старения, свойства.

Этот дерзновенный эксперимент, будоражащий воображение и вселяющий надежду, начался совсем недавно, всего шесть лет тому назад, в 2013-м году. По сообщению самого Бручкова, он чувствует себя в последнее время оздоровившимся, его самочувствие лучше, чем когда-либо. Однако исследователь пока не считает возможным рекомендовать кому-либо использовать эти микроорганизмы, поскольку до сих пор нет достоверной статистики, необходимой в такого рода научных опытах. Но, несомненно, это лишь дело времени, во всяком случае, А. Бручков не единственный человек, у кого в венах есть такой «эликсир жизни» [2]. Вполне вероятно, что подобный интерес может возникнуть и у норвежцев.

Долголетие и вечная мерзлота, как совершенно очевидно, две самостоятельные, но как теперь выяснено, тесно связанные между собой проблемы. Долголетие — исконное стремление людей к увеличению продолжительности своей жизни, несомненно отвечающее их природе. Борьба за существование — один из важнейших факторов эволюции. Именно ему, прежде всего, посвящена третья глава книги Ч. Дарвина «Происхождение видов путём естественного отбора» (1859).

Продолжительность жизни, и индивидуальной, и видовой принято измерять, прежде всего, такими показателями, как её средняя продолжительность (СПЖ) и ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), нередко мало отличающиеся друг от друга. Однако каждая историческая эпоха в целом и каждой страны, в частности и в отдельности, имеют свой показатель СПЖ и ОПЖ, и потому они не могут считаться надёжными критериями решённости данной проблемы. Сравнительно недавно практически везде эти показатели были довольно низкими. Низкими они были и в России, например, на рубеже XIX–XX столетий СПЖ составляла 32 года. Это показатель был на 6–7 лет меньше, чем тогда же в Европе.

Такой разрыв сохраняется практически и теперь. Так, если средняя продолжительность жизни в России сегодня составляет 72,7 года, мужчин — 67,8 и женщин — 77,6 года, то конкретно в Норвегии на 2016 год СПЖ составляла, по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и Статистического управления Норвегии (SSB), 82,5 года, мужчин — 80,6 и женщин 84,2. Правда, сейчас в России появилась возможность заметно сократить подобный разрыв, но он всё ещё остаётся значительным, тем более по отдельным регионам — от 66 лет — на Чукотке и в Тыве, фактически 80 лет — в Москве и Ингушетии. Однако сейчас можно, по крайней мере, обсуждать решение данной проблемы и строить планы, согласно которым СПЖ в России должна достигнуть к 2024 году 78 лет, а 2030 — 80 лет, но уже по всей стране [3].

Однако, как бы там ни было, остаётся открытым вопрос принципиальной значимости: долголетие — это сколько? Действительно, совершенно очевидно, когда будет достигнута СПЖ в 90 лет, люди на этом, без сомнения, не остановятся и будут стараться её увеличить. А когда она достигнет 120 лет? Скорее всего, тоже. А если её величина станет равной 150-ти годам? Как представляется, будет также. Но в таком случае начинают появляться и расхождения во мнениях. Сравнительно недавно была высказана мысль о том, что к этому возрасту человеку жить наскучит, он всем пресытится и просто не захочет жить дольше, тем более стать лично бессмертным.

Однако вряд ли существуют серьёзные основания полагать, что человеку может всё надоесть и настанет «скука бессмертия». Нельзя, например, не учитывать то обстоятельство, что процесс научного познания представляет собой постоянно обновляемое знание, непрекращающуюся его новизну. Тоже самое можно утверждать и относительно человеческой истории, хотя и говорится, будто «ни что не ново под Луной». История тоже является процессом вечного обновления, постоянной новизны, изменяются и события, и их участники, всегда будет сохраняться интерес к тому, а что же произойдёт дальше. Иными словами, в любое время будут люди, которые захотят жить и жить…

Но есть несравненно более серьёзное обстоятельство, которое делает ценность действительно радикального продления жизни, тем более реального бессмертия, сомнительной и нежеланной, пугающей и даже отталкивающей — это старение и старость, а в итоге и дряхлость, утрата сил и личной свободы. Именно этого страшатся люди.

Неудивительно поэтому, что ещё в мифологические времена люди осознали тот факт, что одного бессмертия для их подлинного счастья далеко недостаточно. Примером этому может служить древнегреческий миф о богине Утренней зари Эос, сестры Гелиоса, полюбившей земного мужа Титона, которому, по её просьбе, Зевс даровал бессмертие. Однако вскоре Титон естественно превратился в дряхлеющего, но не умирающего старца, а значит, и любви, и счастью пришёл конец. Вместо того, чтобы исправить подобный просчёт богов, Зевс, вопреки логики вещей, превратил его в сверчка [4, с. 13]. Так печально закончилась эта мифологическая история, но люди твёрдо усвоили, — бессмертие и молодость нерасторжимы, друг без друга они утрачивают свой подлинный смысл и ценность.

Время показало, что устранить старение и старость из бытия людей оказалось делом не менее трудным и сложным, чем добиться реального личного бессмертия, иначе говоря, устранить и смерть. Поскольку реально решить двуединую задачу достижения бессмертия и сохранения молодости люди не могли, они перенесли осуществление этой заветной мечты в различные религиозные верования, в трансцендентный потусторонний мир. И только сравнительно недавно оформился новой предмет исследований, который получил название ювенологии (лат. iuvenis — молодой) — науки о способах сохранения и возвращения молодости [5].

Предмет этой науки включает не только решения традиционных проблем (поиск геропротекторов, дословно — веществ, защищающих от старости, как представляется, точнее их можно было бы назвать витопролонгаторами, продлевающими жизнь), антиоксидантов, изучение ювенильных генов и т.п., но и таких открытий последнего времени, как клонирование млекопитающих, а значит, возможность клонирования человека, расшифровка его генома, регенерация стволовых и плюрипотентных клеток, успехи крионики, синбиологии, генной терапии, биохакинга, «компьютерного бессмертия». Выдвигается на передний план и задача пересадки головы человека, не смотря на всю её экзотичность и сложность. И всё это отнюдь не последнее слово науки в данной области исследований.

Примером их современного направления и ставшего очень популярным и многообещающим можно отнести работы, связанные, прежде всего, с именами М.А. Батина, председателя фонда «Наука за продление жизни» [6 и др.] и Д.Е. Веремеенко, автора nestarenie.ru, научного директора OPEN LONGEVITY. Оба являются авторами книги «Диагностика старения» [7]. Эти исследования, несомненно, представляют собой новое слово в решение проблемы устранения старения из жизни людей и её радикального продления вплоть до достижения реального личного бессмертия.

Решение такого рода проблем нередко рассматривается в контексте трансгуманизма, который, действительно, тоже ставит их. Однако в его случае, согласно смыслу трансгуманизма, эти решения адресуются трансчеловеку, постчеловеку, и даже нечеловеку. Эта специфика часто вызывает сомнения и даже опасения, а в итоге — неприятие. Во всяком случае, достижение подобных целей, хотя и представляется принципиально возможным, но, скорее всего, принадлежат сравнительно отдалённому будущему, тогда как победа над старением и смертью, а значит, достижение индивидуального бессмертия относится как раз к современному человеку.

Именно подобным образом ставит проблему, как бы резюмируя её решение, иммортология (лат. im — без; mors, mortis — смерть) — наука о бессмертии [8, с. 153–155]. Её ключевым понятием является «практическое бессмертие», под которым понимается принципиально достижимая способность человека жить, оставаясь молодым, беспредельно долго, когда можно будет констатировать — человек стал практически бессмертным. Такое бессмертие, в отличие от абсолютного, вроде бессмертия души, невозможного с научной точки зрения, является бессмертием относительным, поскольку не исключает возможность смерти от той или иной внешней причины (травма, неизвестное заболевание и т.п.). Однако в этом случае предполагается достижение возможности восстановления временно утраченной человеком жизни, его реального воскрешения, вместе со способностью к беспредельно долгому личностному существованию [9; 10 и др].

Таким образом, решение ближайших и более отдалённых, стратегических, задач продления жизни людей даёт целостную и перспективную картину достижения их заветной цели устранить старение и смерть из человеческого бытия, сделать человека практически бессмертным. Осуществление такой цели сделает мировоззрение людей последовательно оптимистическим и гуманистическим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. https://sakhapress.ru/archives/34488
2. https://zen.yandex.ru/media/muz4innet/10-istorii-o-maloizvestnyh-liudiah-kotorye-pytalis-dostich-bessmertiia-5c5d6a661174ac00ad9fc42c
3. https://www.youtube.com/watch?v=iwRTMnHvxW0
4. Немировский А.И. Мифы и легенды Древней Эллады. — М., 1992.
5. Виленчик М.М. Биологические основы старения и долголетия. — М.: Знание, 1976.
6. Батин М.А. Лекарство от старости. 2-е изд. — М.: Изд-во И.В. Балабанова, 2007.
7. Батин М.А. Диагностика старения / М.А. Батин, Д.Е. Веремеенко. — Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf: 128 с.). — М.: Батин М.А., 2018.
8. Вишев И.В. Философские науки. — 1974. — №1.
9. Вишев И.В. Иммортология — наука о бессмертии: учебная программа и энциклопедический словарь: учебное пособие. — Челябинск: Энциклопедия, 2015.
10. Вишев И.В. На пути к практическому бессмертию. — М.: МЗ-Пресс, 2002.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

ОСОБЕННОСТИ ПАТОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ НЕВРОТИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ

Марута О.С.
кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник отдела медицинской психологии
ГУ «Институт неврологии, психиатрии и наркологии НАМНУ»
Бугакова А.И.
студентка 5 курса, медицинский факультет
"Харьковского национального университета" им. В.Н. Каразина

FEATURES OF PATHOPSYCHOLOGICAL DIFFERENTIAL DIAGNOSTICS OF NEUROTIC DISORDERS

Maruta O.
PhD, senior researcher of the Department of Medical Psychology of the State Institution "Institute of Neurology, Psychiatry and Narcology of the National Academy of Medical Sciences of Ukraine, Kharkiv
Bugakova A.
Student of 5 year of
V.N.Karazin Kharkiv National University, scool of medicine

Abstract
The article analyzes the features of pathopsychological changes in various forms of neurotic pathology. The criteria for personality disorders in neurasthenia, anxiety-phobic and dissociative disorders are identified.
Аннотация
В статье проанализированы особенности патопсихологических изменений при различных формах невротической патологии. Выявлены критерии личностных нарушений при неврастении, тревожно-фобических и диссоциативных расстройствах.

Keywords: neurotic disorders, psychopathological features, neurasthenia, anxiety-phobic disorders, dissociative disorders.
Ключевые слова: невротические расстройства, патопсихологические особенности, неврастения, тревожно-фобические расстройства, диссоциативные расстройства.

Актуальность изучения невротической патологии обусловлена не только распространенностью психогенных факторов и низкой психической адаптацией населения, но и преобладанием в структуре невротической патологии хронических рецидивирующих, резистентных форм, которые существенно снижают социальное функционирование и качество жизни населения. В этих условиях изучение персонифицированных механизмов неврозогенеза, позволяющие выделить личностную «уязвимость» человека к развитию невротического конфликта приобретают не только теоретическое, но и важное практическое значение.

Нестабильность современной жизни (социально-политические кризисы, терроризм, вооруженные конфликты, миграция) предъявляет повышенные требования к адаптивным личностным механизмам и повышает риск формирования невротических расстройств, что подтверждается результатами эпидемиологических исследований [1].

Психогенный конфликт, реализуясь с участием ценностно-смысловых, эмоциональных, когнитивных и поведенческих механизмов тесно связан с личностным восприятием жизни, оценкой прошлого, настоящего и будущего, а также значимости событийного ряда и его отдельных компонентов [2].

Классические теории возникновения невротических расстройств в качестве основной причины заболевания рассматривают психотравмирующие факторы [3].

Личность, попадая в сложные условия, связанные с влиянием психогенных ситуаций, не сразу реагирует на них болезненным состоянием, а, как правило, пытается адаптироваться к новым условиям путем переработки полученной информации. Таким образом, психотравмирующие факторы являются только пусковым механизмом развития невротических реакций, которые отражают свойства человека и его характерологические особенности [4]. Многие клиницисты связывают механизмы возникновения невротических расстройств именно с особенностями психо-эмоциональной сферы. [5].

Целью нашей работы было определение дифференцированных критериев патопсихологических нарушений при различных формах невротической патологии.

Для реализации поставленной цели были использованы методики: "Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» [6], "Тест антиципационной состоятельности" [7] "Смысложизненные ориентации» [8], Опросник отношения к болезни и лечению [9] и, Шкала реактивной и личностной тревожности [10]. Статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась с помощью метода установления достоверности различий выборок (по t - критерию Стьюдента, φ-Фишера, критерием достоверности различий).

Основную группу исследования составили 115 больных, из них 40 больных неврастенией (F 48), 35 - тревожно-фобическими расстройствами (F 40 - 41), 40 - диссоциативными расстройствами (F 44). Контрольная группа исследования состояла из 40 здоровых лиц без признаков невротической патологии.

Анализ результатов применения методики «Тест смысложизненных ориентаций» показывает, что наиболее выраженной у больных невротическими расстройствами была ориентация на жизненные цели (74,0 ± 1,8%), а ориентации на процесс и результат был меньшей (63,2 ± 1, 7% и 67,4 ± 1,8% соответственно). При этом, тенденция к преобладанию ориентаций на цели была характерна и для контрольной группы, но у здоровых этот показатель был достоверно выше (82,5 ± 2,0%, p <0,005).

Следует отметить, что в соответствии с полученными данными, у больных невротическими расстройствами показатели выраженности управления своей жизнью (68,3 ± 1,9%) и возможности самоконтроля (66,1 ± 1,6%) были достоверно ниже, чем в группе контроля (77,8 ± 1,9% и 79,6 ± 2,1%, p <0,005). Соответственно, и общий показатель осмысленности жизни в группе больных невротической патологией (69,0 ± 1,6%) был достоверно меньше, чем в группе контроля (78,7 ± 1,5%, p <0,005).

Результаты применения методики определения смысложизненных ориентаций больных различными формами невротических расстройств показывают, что у пациентов с неврастенией все показатели смысложизненных ориентаций превышают аналогичные данные больных другими формами невротических расстройств и составляют относительно целей - 78,3 ± 2,6%, процесса - 65, 4 ± 2,6%, результата - 70,3 ± 3,1%, при этом они были достоверно ниже, чем в группе контроля (p <0,005).

Также анализ результатов показал, что пациенты с неврастенией в большей степени, чем другие, ощущают возможность контроля над своей жизнью (70,4 ± 2,8%) и самоконтроля (68,3 ± 2,9%).

Достоверные различия между группами больных различными формами невротических расстройств обнаружены с показателем ориентаций на цели при неврастении (78,3 ± 2,6%) и тревожно-фобических расстройствах (72,0 ± 0,7%, p <0,005) и общим показателем осмысленности жизни у больных тех же категорий (72,7 ± 0,9% и 68,6 ± 0,9%, p <0,05).

Больные тревожно-фобическими расстройствами имели более выраженные показатели по шкалам ориентации на процесс (65,0 ± 3,5%), ориентации на результат (68,0 ± 3,4%), и ощущение контроля жизни (69,0 ± 3 6%), чем больные диссоциативными расстройствами, в которых эти параметры составили 63,2 ± 1,7%, 67,4 ± 1,8% и 68,3 ± 1,9% соответственно; и ниже шкалами ориентации на цели (72,0 ± 3,7%), самоконтроля (65,6 ± 2,9%) и общим показателем осмысленности жизни (68,6 ± 2,9%) по сравнению с 74,0 ± 1,8%, 66,1 ± 1,6% и 69,0 ± 1,6% у больных диссоциативными расстройствами. Однако эти различия не были статистически достоверными.

При изучении копинг-стратегий у пациентов с невротическими расстройствами нами получены следующие данные. У больных невротическими расстройствами максимальное значение имел показатель ориентации на задачи (57,4 ± 0,8 баллов). Выраженность копингов, ориентированных на эмоции и избегание, была меньше (49,5 ± 1,0 и 44,6 ± 0,8 баллов, p <0,005).

Следует отметить, что выраженность копинг-стратегий, ориентированных на задачи, была достоверно ниже в основной группе по сравнению с контрольной, где соответствующее значение показателя составляло 60,6 ± 1,3 (p <0,005), несмотря на то, что в контрольной группе также преобладали копинги, ориентированные на задачи. В то же время было отмечено, что достоверные различия наблюдаются в эмоционально-ориентированных копингах, их показатели у больных невротическими расстройствами превышали аналогичные в контрольной группе.

Анализ структуры копинг-стратегий пациентов с различными формами невротических расстройств показал следующее. У больных тревожно-фобическими расстройствами доминирующими были копинги, ориентированные на задачи (57,7 ± 1,6 баллов). Менее выраженной была ориентация на эмоции и избегание (49,9 ± 1,7 баллов и 46,6 ± 1,4 баллов). При этом, выраженность копингов, ориентированных на эмоции, превышала соответствующие показатели в контрольной группе (p <0,005).

У больных с диссоциативными расстройствами, так же, как и в предыдущей группе, ведущими были копинги, ориентированные на задачи (56,3 ± 1,0 баллов), а копинг-стратегии избегания и эмоций были менее выраженными (43,9 ± 1, 3 баллов и 49,9 ± 1,7 баллов). При этом, ориентация копинг на задание была достоверно менее выраженной, чем в контрольной группе (60,6 ± 1,3 баллов, p <0,005), а ориентация на эмоции достоверно превышала соответствующие показатели в контрольной группе (41,4 ± 1,6 баллов; p <0,005).

При изучении структуры копинг-стратегий у больных неврастенией были выявлены следующие закономерности. Наибольшими значениями характеризовались копинги, ориентированные на задачи (49,3 ± 1,4 баллов), ориентация на эмоции и избегание составила 48,7 ± 1,9 балла и 43,6 ± 1,4 баллов соответственно. Однако, достоверными различиями по сравнению с контрольной группой характеризовались только стратегии, ориентированные на эмоции (41,4 ± 1,6 балла, p <0,005).

Анализ результатов исследования прогностической компетентности (ПК) у пациентов с невротическими расстройствами свидетельствует о том, что они отличались достоверно более низким уровнем антиципационной состоятельности (243,3 ± 2,0 балла, p <0,05), чем контрольная группа (257,5 ± 3,4 балла). При этом в структуре ПК преобладал ситуативный вид прогнозирования (164,2 ± 1,3 балла), однако его выраженность была достоверно ниже, чем в группе контроля (169,0 ± 2,5 балла, $p < 0,05$). Пространственная составляющая антиципационной состоятельности у больных с невротическими расстройствами (46,8 ± 0,8 балла) преобладала над временной (35,3 ± 0,6 балла), однако так же уступала по значению показателям в контрольной группе (50,1 ± 1, 2 балла и 38,4 ± 1,0 балла соответственно, $p < 0,05$).

У здоровых значение ПК по шкалам личностно-ситуативного и временного прогнозирования чаще превышали нормативные показатели. Это свидетельствует о том, что среди них, в отличие от группы пациентов с невротическими расстройствами, значительно больший процент лиц, чьи результаты можно оценить как сформированное поливероятностное прогнозирование и высокую хроно-ритмологическую антиципационную состоятельность.

При анализе ПК больных различными формами невротической патологии были получены данные, согласно которым, общая антиципационная состоятельность имела наиболее высокое значение у больных неврастенией (253,2 ± 3,8 баллов), при этом данный показатель достоверно превышал аналогичный у пациентов с диссоциативными (240,9 ± 2,2 баллов, $p < 0,005$) и тревожно-фобическими расстройствами (249,7 ± 3,2 баллов, $p < 0,05$) (рис. 4.2) .

Пространственная составляющая ПК оказалась наиболее выраженной у пациентов с тревожно-фобическими расстройствами (50,2 ± 1,7 баллов) по сравнению с группой больных неврастенией (43,4 ± 1,2 баллов, $p < 0,005$) и диссоциативными расстройствами (46, 4 ± 1,2 баллов, $p < 0,05$). Показатель временной антиципации был наивысшим у пациентов с неврастенией (39,4 ± 1,1 баллов), что по абсолютному значению превышает даже показатели контрольной группы, однако эти различия оказались недостоверными, а наименьшее значение зафиксировано у больных с тревожно-фобическими (34,8 ± 1,1 баллов, $p < 0,05$) и диссоциативными расстройствами (31,8 ± 1,1 баллов, $p < 0,005$).

Среди обследованных ситуативная антиципация является ведущей в структуре ПК, при этом ее показатели были самыми высокими у пациентов с неврастенией (170,4 ± 2,2 баллов), и значительно менее выраженными в группах с диссоциативными (162,7 ± 1,5 баллов, $p < 0,005$) и тревожно-фобическими расстройствами (164,7 ± 1,5 баллов, $p < 0,05$).

Следующим этапом исследования было изучение выраженности личностной и реактивной тревожности у больных невротическими расстройствами. Было показано, что у данной категории пациентов как личностная (53,05 ± 1,48 баллов), так и ситуативная (45,1 ± 1,63 баллов) тревожность достоверно превышают аналогичные показатели в контрольной группе (43,46 ± 0,90 и 37,38 ± 1,43 баллов соответственно, $p < 0,05$).

Наиболее выраженные показатели личностной и ситуативной тревожности были зафиксированы у пациентов с тревожно-фобическими расстройствами (55,30 ± 1,40 и 47,73 ± 1,70 баллов). Наименьшие значения личностной тревожности наблюдались у больных с диссоциативными расстройствами (50,66 ± 1,53 баллов), а ситуативной - в группе пациентов с неврастенией (42,53 ± 1,04 баллов).

Анализ результатов методики «Опросник для изучения отношения к болезни и лечению» показал, что у больных невротическими расстройствами, наиболее выраженными были установки на достижение симптоматического улучшения (4,79 ± 0,19) и получения «вторичного выигрыша» от болезни (4, 31 ± 0,15), в то время как установки на пассивное поведение (4,12 ± 0,18), изменение поведения (3,70 ± 0,16) и достижения инсайта (4,08 ± 0,16) были представлены меньше.

При диссоциативных расстройствах, как и в целом у больных невротической патологией, были отмечены высокие показатели установки на получение вторичного выигрыша от болезни (5,00 ± 0,12) и симптоматического улучшения (4,62 ± 0,23), которые достоверно превышали значения показателей установки на достижение инсайта (4,06 ± 0,14), пассивной мотивации (3,98 ± 0,18) и изменения поведения (3,86 ± 0,15, $p < 0,05$).

При тревожно-фобических расстройствах наиболее высокие значения имели установки на получение «вторичного выигрыша» от болезни (5,10 ± 0,15) и достижения симптоматического улучшения (4,81 ± 0,18). Установки на изменение поведения (3,65 ± 0,17) и пассивная мотивация (3,96 ± 0,13) были достоверно ниже ($p < 0,05$) (рис 4.10).

У пациентов с неврастенией отношение к болезни и лечению выражалось в доминировании установок на достижение симптоматического улучшения (4,93 ± 0,15), инсайта (4,05 ± 0,19) и пассивной мотивации (4,43 ± 0,21), при этом установки на получение «вторичного выигрыша» от болезни и на изменение поведения были достоверно меньше ($p < 0,05$).

Изучение смысложизненных ориентаций у больных невротическими расстройствами показало, что для них характерны неудовлетворенность прожитой частью жизни, низкое осознание своей жизни в настоящем, отсутствие целей в будущем и дискретное восприятие своей жизни в целом.

Анализ копинг-стратегий у больных невротическими расстройствами свидетельствовал о наибольшей ориентации этих пациентов на копинг-поведение, включающее постановку задач. При этом, у них по сравнению с контрольной группой достоверно преобладали копинги, связанные с эмоциями, что свидетельствует о том, что урегулирование проблемных ситуаций для этих пациентов тесно связано с эмоциональным реагированием, когда эмоциональный ответ блокирует поведенческие стратегии.

При изучении ПК установлено, что у больных различными формами невротических расстройств наблюдается снижение антиципационной состоятельности по всем параметрам (временному, пространственному, личностно-ситуативному), склонность к моновариантному типу прогнозирования, ожиданию преимущественно благоприятных результатов. Пациенты с диссоциативными расстройствами характеризуются неспособностью структурировать время, желанием прогнозировать только радостные события и благоприятные последствия своей деятельности. Больные неврастенией отличались низкой пространственной ПК и испытывали трудности экстраполяции конкретного жизненного опыта в силу высокой концентрации на внешние события. Пациенты с тревожно-фобическими расстройствами проявляли ригидность в предвидении коммуникативных ситуаций, их подозрительность обусловливала склонность к негативным прогнозам.

Установлено, что все пациенты с невротической патологией характеризовались высокими показателями личностной и ситуативной тревожности. Наиболее выраженные значения показателей реактивной и личностной тревожности выявлено при тревожно-фобических расстройствах. Наименьший уровень личностной тревожности выявлен при диссоциативных расстройствах, а ситуативного - при неврастении.

Изучение отношения к болезни пациентов с невротическими расстройствами показало преобладание в них установок на симптоматическое улучшение и получения «вторичного выигрыша». Аналогичная тенденция проявлялась в группах пациентов с диссоциативными и тревожно-фобическими расстройствами. У больных неврастенией доминировали установки на достижение симптоматического улучшения.

То есть, патопсихологические механизмы формирования невротических расстройств базируются на определенных личностных характеристиках, которые включают специфику смысложизненных ориентаций (неудовлетворенность прожитой частью жизни, низкое осознание своей жизни в настоящем, отсутствие целей в будущем и дискретное восприятие своей жизни в целом, преобладание копингов, ориентированных на постановку задач и эмоциональное реагирование, а также снижение антиципационной способности по всем параметрам (временном, пространственном, личностно-ситуативном) в сочетании с ожиданием преимущественно благоприятных результатов.

Перечисленные особенности личности способствуют формированию «невротического отношения» к болезни в виде доминирующих установок на симптоматическое улучшение и получения «вторичного выигрыша».

Описанные патопсихологические нарушения необходимо учитывать при проведении дифференциальной диагностики у пациентов с различными формами невротической патологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Михайлов Б. В. Стан і перспективи розвитку психотерапії і медичної психології в умовах реформування медичної галузі України / Б. В. Михайлов // Український вісник психоневрології. – 2017. – Т. 25, вип. 1(90). – С. 25–28.
2. Бусыгина И.С., Распопин Е.В. Внутриличностные ресурсы стрессоустойчивости личности // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2013. №2. С.93-97.
3. Janoff-Bulman R., Berger A. The other side of trauma: Towards a psychology of appreciation // Loss and trauma: General and close relationship perspectives. Philadelphia: Bronner-Routledge, 2000. P. 29–44.
4. Лысенко, И.С. Внутриличностные противоречия и межличностные трудности у больных с различными типами невротических расстройств [Текст] / И.С. Лысенко // Вестник ТГПУ. – 2013. – № 5 (133). – С.161-166.
5. Рассказова Е.И. Саморегуляция в психологии здоровья и клинической психологии/ Е.И. Рассказова // Вопросы психологии. - 2012.- №1. - С. 75-82.
6. Крюкова, Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы / Т.Л. Крюкова. – Кострома: Авантитул, 2007. – 197 с.
7. Менделевич, В.Д. Клиническая и медицинская психология / В.Д. Менделевич: учебное пособие. – 6-е изд. – М. : МЕДпрессинформ, 2008. – 432 с.
8. Карвасарский Б.Д. Клиническая психология / Б.Д. Карвасарский. М., 2004. - 533 с.
9. Леонтьев, Д.А. Тест смысложизненных ориентаций / Д.А. Леонтьев. М.: Смысл, 2000. – 16 с.
10. Ханин Ю. Л. Краткое руководство к шкале реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера / Ю.Л. Ханин. — Л., 1976.— 18 с.

№30/2019

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.2

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal "Norwegian Journal of development of the International Science" is issued 12 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: http://www.njd-iscience.com